

ТАЙНА
МАКСИМИЛИАНА КОЛЬБЕ

Мария Виновска

ТАЙНА
МАКСИМИЛИАНА КОЛЬБЕ

Перевод с французского:
LE SECRET DE MAXIMILIEN KOLBE
par Maria Winowska

Все права сохранены за издательством
Editions Saint-Paul, 6, rue Cassette, Paris VI°

ТОГО ЖЕ АВТОРА

по-русски: *Марамафа* Брюссель 1970.
по-французски:

AUX ÉDITIONS SAINT-PAUL

Le Pape de l'Épiphanie (2° édition).
Les Voleurs de Dieu (4° édition).
Frère Albert ou la Face aux outrages.
Chapitre XIII (Vie de Marguerite-Marie Durantet de l'Œuvre de Saint-Paul).
La Béatitude des Pauvres (Vie de Sœur Emmanuel, Petite Sœur des Pauvres).
Du sang sur les mains.

CHEZ D'AUTRES ÉDITEURS

C'est l'heure des saints (Bonne Presse).
L'Aventurier et le Saint (Centurion).
Le vrai visage du Padre Pio, prêtre et apôtre (Arthème Fayard).
Malgré toi, Satan I Vie de Marie-Thérèse Noblet (Arthème Fayard).
La Vierge de la révélation, hier et aujourd'hui (Arthème Fayard).
Aux portes du Royaume (Arthème Fayard).
Bâti sur pierre (Xavier Mappus).
Droit à la Miséricorde (en réimpression).

ALBUMS ILLUSTRÉS POUR ENFANTS

Benoite la Bergère (Guy Victor).
La Petite Thérèse (Guy Victor).
La belle aventure de Catherine (Guy Victor).
La petite Thérèse (Guy Victor).
Notre-Dame de Pontmain (Guy Victor).

Мария Виновска

Т А Й Н А
МАКСИМИЛИАНА КОЛЬБЕ

Foyer Oriental Chrétien
Avenue de la Couronne 206
B – 1050 Bruxelles

Издательство *Жизнь с Богом*, 1972

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты скрыл это от мудрых и разумных и открыл это младенцам" (Матф. 11,25).

Тайна или вызов ?

Привлекая внимание Народа Божиего к Отцу Максимилиану Кольбе, когда прошло едва 30 лет со дня его кончины в Освенциме, в каземате обреченных на голодную смерть, Церковь повинуется *Духу*, Который правит ею через посредство тех, кто Им на это служение поставлен. Для всех старающихся распознать знамения времен в свете *Того, Кто есть Свет*, вне всяких партийных споров, провозглашение Отца Максимилиана Блаженным 17 октября 1971 г. в римском соборе Св. Петра, означает не только величественное торжество, но и *предупреждение и призыв*.

Дело не только в том, что еще один святой официально объявлен Церковью. В первую очередь, речь идет о *свидетельстве, которое имело место в совсем недавнем прошлом, легко поддается проверке и не может быть отнесено в туманную область благочестивых легенд. Речь идет о жизни определенного человека, но и о его жизни после смерти: в Польше*

в Народе Божиим, во всем его органическом многообразии, никто не сомневается в том, что замечательная духовная плодотворность Церкви угнетенной и униженной, а зачастую и преследуемой, объясняется единственно семенами, посеянными кровью стольких безымянных жертв, почерпнувших в духовном учении Отца Максимилиана Кольбе силу не только "держаться", но и *прощать* палачам, *любить* их и *молиться за них*. Бурный рост призваний к священнослужению, даже временно не прерывавшийся в Польше с конца войны, которая обошлась ей в шесть миллионов жертв, объясняется только этим накоплением божественных энергий в общении святых. Представляя собой "сообщающиеся сосуды", мы лишь в День Господень узнаем чудное взаимодействие наших "долгов" и "стяжаний". В чем же была тайна Отца Максимилиана Кольбе? Где ключ к его жизни и смерти?

Ответ прост и не допускает возражений: в его любви к Божией Матери, Пречистой Деве. В любви отнюдь не сентиментальной, а рождаемой из глубин богопознания и из неисследимых богатств Предания. Этот человек, который был наделен замечательным научным умом и мог бы стать в мирской жизни выдающимся ученым, сделал до конца, с нерушимой верностью, все выводы из учения, которое, бесспорно, было ему внушено молниеносно появляющимися благодатными озарениями, но всегда ставилось им под надзор Церкви. Следуя путем безусловного послушания по примеру Приснодевы, изрекшей "Да будет", он парадоксальным образом создал из этого своего рода трамплин: невероятный взлет его дела

буквально усыпан утверждениями: "Да !", – повторяемыми *в ночи веры*. Парадокс это или соблазн ? Мы знаем, до какой степени самое понятие послушания в настоящее время снижается, опошляется, объявляется недостойным "взрослого человека". Прямо кажется в 1971 г., что Отец Максимилиан шел против хода истории.

Камень преткновения, о который споткнутся некоторые христиане современного типа, жадно требующие обновления, это его учение о Божией Матери. За последние двадцать лет, а в особенности после начала Второго Ватиканского Собора, перед нами разворачивается целая кампания, начиненная благими намерениями и старающаяся, не без почтительных излияний, отставить Пречистую в дальний угол или спрятать Ее под спуд. Как уже много раз в истории Церкви, этот отвод в области учения и духа производится с ссылкой на ущерб, который будто бы наносится Господу Иисусу Христу почитанием Его Матери. Исходя из благочестивых преувеличений, которых ни один разумный человек и не думает защищать, вместе с водой из ванны выплескивают ребенка, – имею в виду почитание Божией Матери, провозглашавшееся и предлагавшееся верующим как католической Церковью, так и всеми восточными Церквами от начала истории спасения. Таким образом, во имя экуменизма – узкого и "дикорастущего" – подрывается та вековая связь, которая объединяет нас с нашими православными братьями и, скажем прямо, это является для них соблазном.

По замыслу Спасения, Божия Матерь призвана говорить за *бедных Язве*. "В Новом Законе, – пишет

Альбер Желин, – Она занимает такое место, что верующий ищет и в Ветхом Завете прообраз Ее воцарения" в непрерывном ряду "бедных", тех *анавим*, в которых Ягве узнает Свой народ и которых Он, спасая, прославляет (Пс. 149). Молитвы, надежды, смутные ожидания бесчисленных поколений сосредоточились в этой Женщине, "Которая глубоко усвоила себе душу *анавим*, настолько, что благодаря новому началу, явленному Воплощением, Она стала их самым совершенным выражением. Она – отзвук долгого ряда молящихся; Она в свою душу приняла всю силу их готовности принять грядущего Бога; Она составляет итог этого ожидания ..."

"Церковь Бедных своей великой молитвенной симфонией была прелюдией к Песни Богородицы ... Каждый из *анавим* готовил и предвещал ее ... В кругу тех благочестивых людей, которые ожидали Царствия, Она больше всех обладала способностью "наставляться в вере", в чем апостол Павел видит основоположную религиозную установку (Гал. 3,2)". В Ее сердце были "молчание, готовность, незаполненность, призыв", которые расцвели мессианской радостью в блаженстве уготованном бедным. "Всею силой своей юности Она вошла в тайну своего призвания", приняв раз и навсегда своим безвозвратным словом "Да будет" свое назначение быть Матерью Сына Божия в неисследимом смирении Рабы.¹

В этом – Непорочное Зачатие: *полнота благодати в полноте бедности, вольно принятой, прославленной, возвеличенной.*

Будет ли слишком смелым предположение, что Христос прежде всего имел в виду Свою Мать, когда

прославлял первенство малых и бедных у врат Царствия ?

"В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче ! Ибо таково было Твое благоволение" (Лк. 10,21; Мф. 11,25).

Скоро две тысячи лет, как этот текст является великой хартией прав *анавим* в Церкви Христовой, теми узкими вратами, мимо которых проходят фарисеи всех времен и всех рас, но куда проникают "бедные" вслед за "*Девой бедных*", Матерью Божией.

"Пусть же не воображают, как некоторые ложно озаренные, будто Мария, будучи тварью, составляет препятствие к единению с Творцом. Уже не Мария живет, а один только Иисус Христос, один только Бог живет в Ней ... Мария создана лишь для Бога, и Она никогда не задерживает какую-либо душу у Себя Самой, напротив, Она устремляет ее к Богу и с Ним соединяет с тем большим совершенством, чем больше эта душа соединилась с Ней. Мария это дивный отзвук Бога. *Она отвечает*: БОГ, когда к ней обращен возглас: МАРИЯ" (Святой Гриньон де Монфор, Тайна Марии).

*

Отец Максимилиан Кольбе – из этого рода *анавим*. Он – "человек Заповедей Блаженства". За это он и заплатил соответственно. Через пятьдесят лет мы с трудом постигаем, сколько было в его деле "революционного", соблазна для одних и безумия для

других. Во всем значении этого выражения он на себе несет крест предтеч. В эпоху, когда классовые различия еще полностью сказывались в укладе монастырской жизни, он добивался равноправия для своих "братьев послушников", в силу их безвозвратного посвящения служению Богу, и тем самым он возвращался к духу святого Франциска Ассизского, который сам не был священником и в своем уставе взрывал феодальные уклады своего времени. Необычайный приток призваний в Непокаланов показывает, до какой степени идеал "брата работника" увлекал молодых. *Это посвящение труда становилось как бы богослужением.*

*

В этом отношении, как и во многих других, Отец Максимилиан Кольбе предвосхитил Второй Ватиканский Собор. В его письменных произведениях можно различить основные начала теологии труда, не добавленного как надстройка, а внутренне присущего христианскому призванию, "ответственному" за мировое будущее. Он сумел распознать великие искушения нашей эпохи, порожденные не менее великими изменениями. Внимательный к "знамениям времен", он как безусловную обязанность завещал своим духовным сынам — подбирать все зерна истины, запятанные в заблуждениях, которые только этими зернами и живут, теряя смысл своего существования, как только они их лишаются.²

*

Учение о Божией Матери Отца Максимилиана Кольбе вбирает в себя, стягивая их в мощное единство, данные Писания и богатства чистейшего Предания. Никто не заботился так, как он, о верности учению Церкви. Наделенный особыми харизмами, этот доверенный собеседник Пречистой, ревниво оберегал тайну этих исключительных благодатных даров и поделился лишь некоторыми отрывками из них незадолго до своей смерти, чтобы духовно укрепить своих сынов. Его жизнь была чудом, смиренно скрытым за действием вторичных причин. Насколько другие хотят показывать себя, настолько же он стремился проходить незамеченным: "Я хотел бы, — говорил он, — истощить себя до конца в служении Пречистой и исчезнуть бесследно, так, чтобы ветер развеял мой прах на четыре стороны света".

*

В этом отношении, как и в стольких других, его желание было удовлетворено. Никаких "реликвий" от него не осталось и не будет никогда, но разве он не вещает теперь всему миру о Пренепорочной ?

*

С какой радостью приветствовал бы он II Ватиканский Собор, целиком сосредоточившийся на пастырских заботах, на жажде спасения душ, буквально терзавшей его самого ! Великолепная VIII глава конституции "Свет народов", посвященная "*Присноблаженной Деве Марии, Матери Божией*", в

тайне Христа и Церкви", с мощной сжатостью подводит итог всего его учения о Богородице. Мы знаем значение, которое он придавал послушанию, его знаменитую формулу, выражающую совпадение *нашей воли с Волей Божией* в акте верховной свободы !

"Дева Мария – по учению II Ватиканского Собора – привнесла в дело Спасителя содействие совершенно несравненное Своим *послушанием*, верой, надеждой и горячей любовью ... Вот почему Она является нашей *Матерью* по благодати ... Материнское служение Марии по отношению к людям ни в коей мере не затмевает и не умаляет единственности посредничества Христа, но являет Его силу ... Богородица – образ Церкви, рождающей через проповедь и крещение к новой и бессмертной жизни сынов, зачатых от Св. Духа и рожденных от Бога ... И Церковь, ревнуя о славе Христа, еще более уподобляется своему столь возвышенному образу – Матери Божией, призываемой как Заступница, Помощница, Спасительница, Посредница ..."

*

За несколько дней до своей кончины, в воскресный вечер, Отец Максимилиан прочел доклад о "взаимоотношении между Пречистой Девой и Пресвятой Троицей". Спасшиеся из концлагерного ада сохранили о нем неизгладимое воспоминание и не могут о нем говорить без слез. Внезапно они себя почувствовали как бы "перенесенными в Царство бесконечной Любви, находящей единственный ответ

в безраздельном "Да" венца творения, свершающего ожидание тысячелетий, — Пречистой Девы. В Ней соединяются небо и земля, *любовь Творца и вся любовь творения*, навсегда оплодотворенного в порядке благодати Духом Святым. Мать Воплощенного Слова, Главы таинственного Тела, Она живет лишь для того, чтобы *давать жизнь*: Сына своего, смертью Своей победившего смерть, в Котором мы воскрешены уже ныне ..."

Представим себе эту единственную в своем роде картину: Отец Максимилиан среди умирающих, внезапно избавленных от страха и от ненависти, перенесенных его словами, брызнувшими из глубочайшим образом пережитого опыта, в тот мир, где любовь торжествует навеки ! Прекраснейшее предвосхищение того места в Соборной конституции "Свет народов", где прославляется величие Божией Матери: "Когда ангел принес Ей благую весть, Дева Мария приняла Слово Бога сердцем и телом и принесла миру Жизнь ... Ей была дарована величайшая миссия и честь — быть Матерью Сына Божия, поэтому Она как возлюбленная Дочь Отца и святилище Духа Св. в силу этого исключительного дара благодати намного превосходит все твари земные и небесные. "Она подлинно Матерь христиан — членов Тела Христа, ибо Ее любовь содействовала их рождению в Церкви". (Бл. Августин, VIII, 53).

*

В своей миссионерской деятельности для установления царства Христа Господа через Пречистую,

Отец Максимилиан пользовался *скромными средствами*: своими приобретенными знаменитость "патронами", т.е. запасом иконок Божией Матери, которых его карманы были всегда полны, и в особенности четками, зерна которых он перебирал целыми днями и ночами. В этой школе созерцания, соответствующей повторению молитвы Иисусовой в Восточной Церкви, его сыны-рабочие поднимались на такие ступени духовного ведения, что им возрадовался бы сам св. Хуан де ла Крус. Также и в этом II Ватиканский Собор *подтверждает его правоту*, вопреки некоторым богословам, "неправдоподобную узость которых он обличает": "Св. Собор призывает всех сынов Церкви ко все более ревностному и глубокому почитанию, прежде всего литургическому, Присноблаженной Девы Марии, к соблюдению в Ее честь благочестивых обычаев и молитвенного делания, препорученных в течение веков учительной властью Церкви, к благоговейному хранению издревле предписанного почитания священных изображений Христа, Пречистой Девы и святых".

Этот текст, не принимаемый во внимание иконоборцами, восхищает наших восточных братьев, без изъяна сохранивших великую традицию иконопочитания, канонически закрепленную вселенской Церковью на II-м Никейском Соборе. Здесь также, Отец Максимилиан восстанавливает связь между христианскими Востоком и Западом.

*

Итак, он причислен к блаженным. Мы попытались обозреть его благовествование с внутренней

уверенностью в том, что *самое существенное несказуемо*. Значит, дело наших читателей соответственно поставить свои антенны и установить контакт. Умирая в каземате обреченных на голодную смерть (который в Освенциме может посетить кто угодно), Отец Максимилиан желал открыть нам тайну "*самой великой любви*": той, которая отдает все, и даже самую жизнь, за спасение братьев.

Любовь Божия недоступна тем, кто ищет своего царства на земле, тогда как жизнь добровольно приносимая в жертву потрясает, трогает сердца, заставляет задуматься и иногда открывает сердца Богу, Который ждет у дверей сердца и никогда не входит насильно.

*

Незадолго до своей смерти Отец Максимилиан сказал своим духовным сынам: "Нет такого героического действия, которого мы не могли бы совершить с помощью Пренепорочной ... Что будет мерилom нашего совершенства? Делать все так, как Она делала бы на нашем месте, и в особенности любить Бога так, как Она Его любит своим собственным сердцем ... *Научиться этому можно лишь преклонив колена!*"

Своею жизнью, но в особенности своею смертью, Отец Максимилиан – в высшей степени современный святой. Перед лицом мира безбожного или объявившего смерть Бога, наши богословские доводы и наши "доказательства" бытия Божия потеряли силу: одно важно – *свидетельство самой большой любви*.

Все мы более или менее заражены той диалектикой, которая противопоставляет тех, кого мы любим, тем, кого мы не любим. Наши "ближние" часто оказываются совсем узким "отбором" ! Но, по единоголосному отзыву всех знавших его, Отец Максимилиан не знал ненависти. В самом аду развязанных страстей он мог сказать: "*Я не ненавижу никого*". И он имел смелость внушать своим духовным сынам любовь к немцам, "которые тоже дети Пренепорочной".

*

Никогда еще любовь не подвергалась такому поруганию и осмеянию, и никогда еще человек так не алкал и не жаждал любви — любви истинной, которая *отдает* себя безвозмездно, порывом совершенно бескорыстным, раскрывая себя для *другого*, чего бы это ни стоило. Одному из моих сотоварищей по каторге, Петру, впадавшему в отчаяние, потерявшему веру в человека ... и в Бога, я однажды, как ответ на вызов, привела пример Отца Максимилиана Кольбе, умершего в каземате обреченных на голодную смерть за *незнакомого* человека. "Вызываю тебя, — сказал он мне, не находя уже других аргументов, — показать мне святого в лагере смерти. Хоть одного святого, но настоящего. Любящего ближнего своего больше себя самого. *Вызываю тебя !*"

Я приняла вызов. Мне кажется, я не буду нескромной, если скажу, что мой ответ поразил Петра в самое сердце. Отец Максимилиан его буквально

восхитил. Впоследствии, во время своего паломничества в Освенцим, он восстановил прерванные связи. Найдя человека, он нашел и Бога.

А теперь, Петр, брат мой, появившийся уже в бесчисленном множестве, теперь твоя очередь передать факел дальше !

1) А. Желен, *Бедные Ягве*, стр. 121 и сл. (Albert Gelin, *Les Pauvres de Yahvé*. Cerf, 1953).

Ср. "Свет народов", VIII, 55: "Она занимает первое место среди тех смиренных и бедных Господних, которые с упованием чают и получают спасение от Него".

2) В письме из Японии, написанном по-латыни, он писал следующее: *"Надо изучать антирелигиозные движения нашей эпохи, их методы, достижения и т.д. Надо в особенности отличать то, что есть в них хорошего, от того, что плохо, так как нет более действенного способа бороться с дурным течением и его победить, чем признание той части добра, которую оно содержит, и ее немедленное применение в нашем деле. Грехи по упущению, в этой области, привели к трагическим последствиям в Мексике и в Испании ..."*

ДВА ВЕНЦА

Будущий Отец Максимилиан Кольбе родился в Лодзи 7 января 1896 г. и получил в крещении имя Раймонда.

Родители его были людьми бедными, простыми ткачами; работали они тяжело и едва сводили концы с концами. В те времена в Польше рабочий день продолжался 10 часов. Оплата труда была низкая и целиком зависела от произвола посредников, перепродававших с огромными барышами ткани, так тщательно и любовно выработывавшиеся в бесчисленных маленьких мастерских. Промышленность Лодзи тогда только еще зарождалась.

Юлий Кольбе был высокий блондин, мягкого нрава, немного молчаливый. Он не пил, не курил и часто ходил в церковь. Все это завоевало ему сердце и руку его жены Марии, в девичестве Домбровской. Ее образ вырисовывается перед нами более четко. После нее осталось несколько писем, написанных превыспренным стилем и неумелой рукой, но полных трогательных подробностей.

В детстве у Марии было, по-видимому, влечение к монашеству. Но в те времена (в 1875 г.), при русском владычестве, монастырей не было, монахини

жили разрозненно и не носили монашеского одеяния. Молодая девушка их не встречала и по-детски молилась, прося ранней смерти, чтобы ей не пришлось выйти замуж. Но потом она выбрала мужа по своей доброй воле и была очень довольна его добронравием... и покорностью. Дело в том, что в семье Кольбе всеми делами заправляла она, и притом весьма решительно. Энергичная, набожная, отличная работница, хотя и любившая посудачить, умевшая находить выход из любого положения, она твердой рукой управляла своим маленьким мирком и не терпела непослушания. Благодать Божия смягчала ее несколько резкий характер. Конечно, твердая рука требовалась для воспитания мальчиков, — а в семье были только мальчики, из них двое умерли в раннем детстве, остались трое — Франциск, Раймонд и младший — Иосиф. Маленький Раймонд был таким честным, что, напроказив, сам приносил матери розгу и ложился на скамью, спокойно получал должное — и снова проказил, будучи по счастью, ребенком как и всякий другой, и даже, по многим свидетельствам, очень хорошеньким мальчиком.

Он любил природу и с удовольствием сажал деревца. После своего рукоположения он однажды приехал в Пабьяницы посмотреть на "свои деревья": они все еще существуют !

Судя по некоторым намекам, Раймонд был ребенком не из легких, вспыльчивым, очень независимым, предприимчивым и упрямым, живым и импульсивным; он часто выводил из терпения свою мать. Однажды, когда ей стало невмоготу, она воскликнула:

– Бедный мой мальчик, что с тобой будет !

По-видимому, звук ее голоса, поднятые к небу глаза и движение рук были красноречивее слов и упрек вызвал у мальчика глубокий душевный перелом. С этого времени, по словам матери, "он совершенно переменялся", совсем перестал шалить и стал очень послушным. Эта внезапная перемена ее удивила, она начала следить за ним и заметила, что он все чаще уходил за шкаф, где был аналой с иконой Ченстоховской Божией Матери, перед которой по средам, субботам и воскресеньям горела лампадка. Притаившись в уголку, ребенок подолгу молился и выходил с красными от слез глазами. Очень озадаченная мать однажды подвергла его строгому допросу.

– Ну, скажи, Раймонд, что с тобой ? Отчего ты плачешь, как девочка ?

Она думала, что он болен.

Раймонд опустил голову и не отвечал.

Благословенна настойчивость матери, которая все-таки победила замкнутость этой души ! Она прибегла к крайнему средству:

– Слушай, мой мальчик, маме надо во всем признаться, не будь непослушным !

"О нет, – решил Раймонд, – ни за что на свете я не нарушу послушания, после того как я Ее видел !"

"Плача и дрожа" он рассказал:

– Когда ты, мама, сказала мне "Раймонд, что с тобой будет ?" мне стало очень грустно и я пошел спросить Божию Матерь, что будет со мной. После, в церкви, я Ее опять спросил о том же. Тогда Пре-

святая Дева явилась мне с двумя венцами в руках, белым и красным. Она с любовью посмотрела на меня и спросила, который я выбираю: белый означает, что я буду всегда чистым, а красный, что я умру мучеником. А я ответил тогда Божией Матери: "Хочу оба". Она улыбнулась и исчезла.

— С тех пор, — добавил он, помолчав, — когда мы идем в церковь, мне кажется, что я иду не с отцом и матерью, а с Пречистой и святым Иосифом.

Как хороший психолог, мать поясняет: "Его коренная перемена доказывает, что ребенок говорил правду ! С того дня он стал другим. Часто он с сияющим лицом говорил мне о мученичестве, это была его заветная мечта".

Был ли это мистический опыт, из тех, какие бывают у чистых детей и, к счастью, обычно ускользают от контроля взрослых ? Исключительный благодатный дар и пророческое прозрение ? Не нам об этом судить. Отметим одно: этот мальчик отнюдь не был мечтателем. Ум его был ясен, точен и очень реалистичен; он увлекался техническими изобретениями своего времени и отлично овладевал точными науками. После того как душевный кризис разрешился, никаких упоминаний о таинственной встрече больше не было. Долгие годы, до самой своей смерти, Раймонд ревниво оберегал свою тайну. Вся его жизнь направлялась и освещалась ею — но он никому ее не доверял. Чтобы он тогда высказался, потребовался прямой приказ его матери. С тех пор молчание было полное. Один только раз, незадолго до смерти, тайна готова была сорваться с его уст, но непреодолимая стыдливость

помешала ему открыться, и он стал даже упрекать себя за то, что "сказал слишком много"! При своем открытом, веселом и искреннем характере он об этом не говорил никому. В десять лет – ему было всего десять лет ! – его сердце было пленено навсегда: Она с ним, его Наставница, Царица и Владычица, и это все, что ему надо.

БОГОМ ПОСЛАННЫЙ АПТЕКАРЬ. ОТЪЕЗД

Раймонд рос, как посаженные им деревца. По всем доступным нам свидетельствам, он был очаровательным ребенком. Со времени своего душевного перелома он стал очень послушным и заметно работал над собой, чтобы преодолеть свои мелкие детские недостатки. Он был и очень умен, но этого еще не замечали. Как у множества бедных людей, у его родителей не было денег на его образование. Своих детей они научили грамоте, тому немногому, что знали сами. Под конец они с огромным усилием поместили старшего, их любимца, Франциска, в коммерческое училище в Пабьяницах. А Раймонд должен был оставаться дома и помогать семье. Мать делала все возможное, чтобы округлить слишком скудный заработок своего мужа. Она открыла лавочку, где торговала селедкой, кислой капустой, чесноком, свечами, шнурками и всякой мелочью, всем, что считалось "предметами первой необходимости" для бедных людей. Мальчик хорошо считал и поэтому вскоре уже мог ее заменять. Работала она и повивальной бабкой. Нередко ее вызывали, когда она готовила обед; в ее отсутствие стряпней должен был заниматься Раймонд и он отлично с

этим справлялся. По словам его матери, он даже изобретал блюда повкуснее и, когда она возвращалась, встречал ее этим "сюрпризом". В старости она со слезами рассказывала об этом.

Понятно, что в таких условиях детские мечты маленького Раймонда все больше и больше казались неосуществимыми. Как будто его долей могло быть только — портняжничать или стоять за прилавком. Но вот что знаменательно: никаких желаний он не выражал и просто повиновался. С этого времени, а может быть еще и с решающего дня явления, он проявляет спокойную, а нередко и героическую, покорность таинственному водительству Провидения. Эта черта на всю жизнь осталась у него такой яркой, что приписать ее следует особому благодатному дару, быть может совпавшему с великой Встречей. Все те, кого возлюбила Божия Матерь, всегда были образцами послушания и повторяли всю жизнь, и даже жертвуя жизнью, Ее спасительное слово: "Да будет воля Твоя". Конечно, маленький Раймонд всего этого не знал. Божия Матерь не давала ему уроков богословия, но можно представить себе, что склонившись над мальчиком Она сказала ему:

— Делай все, что тебе скажут, а все остальное сделаю Я.

Орудием Промысла Божия оказался аптекарь Котовский. В один прекрасный день мать послала мальчика за лекарством для больного, за которым она ходила. У Раймонда была отличная память и он без запинки произнес латинскую формулу. Аптекарь посмотрел на него не без удивления и спросил:

— Откуда ты знаешь, что это лекарство называется так ?

Можно было бы ответить, что Раймонд всего только точно повторил сказанное матерью, но мальчик, довольный произведенным впечатлением, заявил:

— Отец Яковский учит нас латыни.

Еще он не был святым, и в его голосе прозвучала самолюбивая нотка.

Аптекарь, восхищенный таким его независимым видом, продолжал расспрашивать:

— Это хорошо насчет латыни, а в школу ты ходишь ?

Тогда мальчик чистосердечно признался:

— Нет, мой старший брат ходит в коммерческое училище, и он будет священником, а я должен оставаться дома и помогать родителям. У них не хватает денег учить нас обоих.

Аптекарь минутку подумал. Ребенок ему нравился. Он сказал:

— Жаль оставлять тебя так, малыш. Приходи ко мне, я буду давать тебе уроки, а в конце года ты будешь держать экзамены вместе с твоим братом.

Бескорыстный Котовский одним словом решил участь Раймонда Кольбе. Был ли он одним из тех бесчисленных и безвестных патриотов, которые все свое свободное время и все свои силы отдавали обучению бедных детей ? Ведь в то время образование не было бесплатным... О Котовском мы ничего не знаем, кроме этого случая, обеспечившего ему добрую память.

Радость, проявленная ребенком, показывает,

как страдал он от невозможности учиться. "Он вернулся домой, точно у него выросли крылья, — писала его мать, — и сейчас же рассказал мне, какое счастье выпало на его долю".

Котовский не ошибся. Мальчик учился так хорошо, что догнал брата и блестяще сдал все экзамены. Тогда родители решили еще больше напрячь силы и послать и его в школу.

По свидетельству одного из его товарищей, Раймонд был самым способным в классе, особенно по математике, и шутя решал все задачи. "Способности у него были ко всему".

Мать продолжала железной рукой направлять своих мальчиков. Чтоб не было прогулов! Запрещалось разговаривать с девочками (к чему старший, Франциск, имел явную склонность). Выучив уроки, дети должны были помогать по дому и даром не терять ни минуты.

Спустя четыре года в Пабьяницы приехала группа францисканцев — искать желающих готовиться к священству. Франциск и Раймонд, собравшись с духом, пошли просить о принятии во Львовскую малую семинарию. Подробности неизвестны, кроме только того, что родители были полностью с этим согласны. Отец даже сам проводил их до Кракова, находившегося в австрийской зоне. Чтобы добраться туда, им пришлось тайно перейти границу: дело сложное, но поляки освоились с ним со времени раздела их родины. Из Кракова мальчики отправились поездом во Львов. В первый раз за всю свою жизнь они ехали одни, и сердца их сильно билось. Это было перед самым началом учебного года (1907). Раймонду было тринадцать лет.

III

ТРУДНЫЙ ВЫБОР ПРИЗВАНИЯ

МОЖЕТ ЛИ ВОИН БЫТЬ МОНАХОМ ?

ПРОВИДЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТ СЕБЯ ПРОЯВЛЯТЬ

Львов был в то время главным городом Галиции, объединявшей под этим названием польские области, присоединенные к Австрии. Применяя сложную систему постепенной ассимиляции, "весьма католические" австрийские императоры уважали религиозные убеждения своих подданных. Монастырская жизнь, долго подавлявшаяся, начинала возрождаться. Почти все школы для послушников находились в этой зоне и готовили миссионеров, которым предстояло однажды перейти тайно границу, чтобы затем работать в русской зоне или в германской. Францисканский монастырь так называемых "опоясанных вервием" (по прямой линии восходящих к своему святому Основателю) постепенно оживал после длительного упадка. Желавших поступить в него было достаточно, и миссионеры почти всегда возвращались из "Царства" (т.е. из русской зоны) с новыми кандидатами.

Раймонд продолжал учиться. Он увлекался математикой и точными науками, вызывая восхище-

ние своих товарищей – и ужас учителей головоломными вопросами, которые он задавал не из лукавства, а просто из любознательности. Очень скоро у него проявились подлинные изобретательские способности. Во время прогулок он развлекался сложными вычислениями, придумывал межпланетные полеты и рассказывал своим зачарованным товарищам, как он построит аппарат, чтобы полететь на луну.

Его увлекало строить стратегические планы. Однажды в городском саду он набросал план укреплений, которые должны были сделать Львов неприступным. Он придумал игру, в которой никто не мог с ним состязаться: сделал из кусков дерева пешки – свои "стратегические единицы" – и часами расставлял их на сложной шахматной доске, вводя в бой две невидимые армии. Раз, во время особо сложного маневра, появившийся брат-францисканец безжалостно разметал все поле битвы. Раймонд покраснел от досады, слезы выступили у него на глазах, но он не сказал ничего: замечательная выдержка у 15-летнего мальчика.

Кровь воинов несомненно текла в жилах Раймонда – как у большинства поляков – и военное поприще его явно привлекало. "Если бы он не ушел в монастырь, – говорит один из его школьных товарищей, – он наверное стал бы выдающимся стратегом или гениальным изобретателем".

Тут-то и разыгрался в его душе второй кризис.

Ему только что исполнилось 16 лет и пришло время решать – идти ли ему в послушники. Раймонд колебался. По своему простодушию он думал, что

вполне возможно быть одновременно солдатом и рыцарем, всецело преданным Царице его сердца. Показательно, что этот душевный кризис не имел ничего общего с кризисом чувственности. Уже в детстве он мечтал о великих завоеваниях, — а все завоеватели разве не воины ? Будут ли такие подвиги еще доступны ему, если он станет монахом ? Раймонд решил отправиться к Отцу Провинциалу* и сказать ему, что он не останется, не чувствуя в себе духовного призвания.

Но Промысл Божий снова проявил себя. В тот самый момент, когда он собрался идти к Отцу Провинциалу, его позвали в приемную. Приехала его мать. В большом волнении она сообщила ему важную новость: по примеру двух старших братьев, младший, Иосиф, также решил принять монашество. Тогда и родители решили постричься. Отец остался в Кракове у францисканцев, а она приехала в Львов, чтобы поступить к бенедиктинкам. Таким образом *вся* семья посвящает себя Богу.

Для Раймонда это было, как удар грома. Как в такой момент признаться в своих намерениях ? Да и было ли его желание угодно Богу ? Не поддавался ли он искушению ? Его глаза вдруг раскрылись, он почувствовал себя у края пропасти. Как только мать ушла, он "стрелой" помчался к Отцу Провинциалу и, запыхавшись, попросил принять его в послушничество. Всю жизнь он потом вспоминал

** Провинциалом в католической Церкви называется лицо, возглавляющее монашеский орден в данной стране.*

этот незабвенный случай, которым решилось его призвание. Спустя девять лет он снова писал о нем своей матери из Рима.

Божия благодать, как хороший садовник, подрезала его желания и способности для того, чтобы они расцвели еще лучше. Мы увидим, что в течение своей необычайной жизни Раймонд не раз имел случай действовать как воин, как рыцарь, как командующий – и его мученическая смерть была мученичеством, как бы на поле брани. Одно только требовалось от него: все принести в жертву. Он это и делал от всего сердца, но сердце истекало кровью.

Едва он стал послушником, как его постигло очень тяжелое испытание: в течение нескольких месяцев он беспрестанно терзался угрызениями совести по мелочам, – страшная болезнь души, которая еще больше укоренила его в послушании, как единственном средстве от нее. Наставник послушников поручил брату Брониславу, жившему с Раймондом в одной келии, поддержать его. По сто раз в день бедный послушник приходил к нему со своими "душевыми трудностями" и "слепо повиновался" ему. Это героическое послушание спасло Раймонда, буря прошла, и в душе наступил покой. Но он приобрел опыт и впоследствии проявлял ангельское терпение с теми, кто в свою очередь переживал душевные терзания этого рода.

Цель послушничества – постепенно заменять "ветхого человека", "новым человеком". "Раймонд умер, родился Максимилиан". Почему ему дали в монашестве это имя – неизвестно. Вряд ли он его выбрал сам, но он войдет в историю с этим именем.

Святости учатся больше по примерам, чем из книг. Брату Максимилиану чрезвычайно посчастливилось: он встретил молодого монаха, известного своими высокими качествами и впоследствии свято скончавшего свои дни. Это был отец Венантий Катаржинец. Видались они недолго — только во время каникул 1912 г. — но наш послушник не сводил с него глаз и впоследствии посвятил ему глубоко прочувственные строки. После каникул о. Венантий уехал в Краков, но его краткое пребывание оставило глубокий след в душах послушников; брата Максимилиана поразили и строгость, с которой соблюдал устав этот хрупкий здоровьем монах, уже страдавший болезнью, унесшей его в могилу, и вместе с тем его крайнее смирение, сочетавшееся с исключительной одаренностью. Восемнадцатилетний послушник запомнил этот урок.

В 1911 г. он принес временные обеты. Осенью 1912 г. его наставники, учитывая его необыкновенную одаренность, решили отправить его в Рим в Григорианский университет. Казалось бы, это должно было его обрадовать. Но он со слезами на глазах просил Отца Провинциала вычеркнуть его из списка. Тот, несколько удивившись, согласился. Но утро вечера мудренее! Брата Максимилиана встревожил вопрос, не поставил ли он свою волю выше воли Божией, выраженной в пожеланиях его наставников. Не лучше ли просто повиноваться? Он вернулся к Отцу Провинциалу, заявил, что готов ехать, и был снова внесен в список.

Интересно выяснить причины его первоначального отказа. Разгадка содержится в одном из его

писем к матери. Оказывается, ему забили голову рассказами о том, что "в Риме женщины пристают к монахам на улице и лезут к ним все время". Брату Максимилиану 18 лет, и он недурен собой. Он предпочел бы не встречать таких ужасных женщин, но если послушание требует... В своем последнем письме к матери перед отъездом в Рим, он подчеркивает свою просьбу:

"Прошу тебя, мама, *особенно* молиться за меня, так как я в этом очень нуждаюсь; там, в Риме, существуют опасности, и очень большие; я слышал, что там бабы пристают даже к монахам, а мне ведь надо будет ходить на лекции каждый день..."

Это письмо помечено 28 октября 1912 г. Приехал он в Рим 10 ноября. Мысль об "опасных женщинах", по-видимому, не оставляла его, так как в своем первом письме к матери, от 21 ноября, он пишет:

"Все не так уж страшно, как я думал и как писал тебе. Разве у итальянок только и есть дела, что приставать к нам? Кроме того, мы всегда ходим группами".

Все это забавно, но и показательно: понадобился злой навет на итальянок, чтобы юный монах раскрыл свою чистую душу. Он готов был не ехать в Рим, лишь бы не подвергать опасности эту чистоту, давно уже посвященную его "Владычице". Но подлинное послушание не знает собственных предпочтений: именно в Риме должна была осуществиться воля Божия Провидения.

IV

УРОК РИМА

СВЯТЫМ НЕ СТАНЕШЬ В ОДИН ДЕНЬ

На стыке времени и вечности Рим смотрит на все с высоты и видит все в грандиозной перспективе. При честном подходе к нему, человек понемногу замечает свою ограниченность. Рим проникает в сущность людей и вещей, ему нет дела до второстепенного, только главное его касается.

Жизнерадостная группа польских послушников, едва прибыв, не могла сразу прочесть на этих стенах обращенный к каждому немой вопрос. Поселились они в международном колледже своего Ордена, на улице Святого Феодора, идущей вдоль Палатинского холма. Приехали они сюда, зная только одно: Папа в Риме, в средоточии христианского мира, и только это важно. Рим, как терпеливый наставник, постепенно даст им остальное.

Письма брата Максимилиана к матери — единственный первоисточник оставшийся от того времени, — правду сказать, не выделяются ничем. Юный Брат смотрит во все глаза, наблюдает, описывает увиденное с той точностью подробностей, которую он всегда умеет уловить. Незаметно, чтоб он те-

рялся среди окружающего величия. Как молодое дерево весной, он набирает соков. Их освоение требует некоторого времени: в восемнадцать лет, способность воспринимать историю еще не сложилась.

Но постепенно тон меняется. Взволнованность проскальзывает сквозь нескладные выражения. Читая между строк, замечаешь работу, проводящуюся в глубине. Благодать не бездействует и у этого молодого послушника она находит особо благодарную почву.

Отметим некоторые подробности. Вот Страстная неделя в соборе Святого Петра и благословение платом святой Вероники ("я попросил у товарища очки, взгляделся – и передо мной появился Лик Христа, поистине чудесным образом запечатленный на ткани"). Вот посещение Колизея (на этой пропитанной кровью земле, вспомнил ли он об обещанных ему двух венцах?). Вот трогательное описание торжественного посвящения Ордена Сердцу Христову. Вот Папа, преподающий благословение *urbi et orbi* (граду и миру). А о себе самом – ни слова. Но ведь пишет он нежно любимой матери. Что же это такое: неумение высказаться? привычка всех престоноародных польских детей – писать только *описывая* и никогда не касаться того, что больше всего затрагивает их внутреннюю жизнь? Вернее всего – так как наш юный послушник отлично умел выражаться, – в этом следует видеть своеобразную стыдливость сурово замкнутой души, не позволявшую раскрыться. Совсем другим брат Максимилиан вырисовывается в рассказах его тогдашних соучеников. И все они сходятся в одном: "это был святой!"

Все же сделаем оговорку. Свидетельства о давно прошедшем легко окрашиваются светом более поздних событий, выявивших качества данного лица, и поэтому могут порой придавать незначительным подробностям вес, которого они не имели. Восхождение к святости — трудное дело и не совершается в один день. В 1913 г. брат Максимилиан еще не святой, хотя святость привлекает его безраздельно. Он еще "в пути", но на верном пути.

Единственное письмо того времени, заслуживающее особого внимания, помечено 6 апреля 1914 г. Оно состоит из двух частей, из которых наиболее значительной представляется первая.

Он шлет матери пожелания к Пасхе. "Не желаю тебе, мама, ни здоровья, ни благополучия. Почему? Потому, что хотел бы пожелать тебе что-то лучше этого, что-то такое хорошее, что и Сам Бог ничего лучшего не мог бы пожелать: чтобы воля Отца Всеблагого во всем совершалась в тебе, мама, чтобы ты умела во всем исполнять волю Божию! Вот самое лучшее, что я только могу пожелать тебе".

Здесь им изложена целая программа духовной жизни, та, которую он, с железной силой воли, уже старается осуществить. Ведь этот молодой послушник, круглолицый и простодушный, с взором и пронизательным, и кротким, слишком любит точные науки, чтоб бросать слова на ветер. Слова он понимает буквально (начиная с евангельских) и, конечно, что он говорит, то и делает.

Следующий эпизод ярче. Приводим полностью эту часть его письма, т.к. более поздние рассказы, в том числе и его матери, несколько приукрасили

факт, неизмеримо более волнующий нас в его собственном изложении:

"Я едва не лишился большого пальца правой руки. У меня был нарыв и гной продолжал течь, несмотря на старания нашего врача. Наконец доктор сказал, что началось гниение кости и что ее надо удалить. Услыхав это, я ответил, что у меня есть средство получше. Это правда – Отец Ректор дал мне Лурдской воды и рассказал мне о своем чудесном исцелении. В 12 лет у него разболелась нога. Кость загнивала. Он не мог спать и кричал от боли. Наконец решили отнять ногу. Врачи должны были собраться в тот же вечер. Видя все это, его мать решила прибегнуть к иному средству. Она сняла все повязки, обмыла рану мылом и наложила компресс с Лурдской водой. После этого Отец Ректор мог в первый раз заснуть. Через четыре часа он проснулся – выздоровевшим. Чудо было явное. Врач был неверующий и захотел объяснить это по-другому. Но когда через несколько дней кусок прогнившей кости, отвалившись, вышел из ноги, из середины подошвы, врачу пришлось признать, что происходило гниение кости и что исцеление было чудесным. Он стал верующим и построил на свои средства церковь."

"Так вот, когда наш доктор узнал, что у меня есть Лурдская вода, он с радостью приложил ее к моему нарыву. Что же произошло? На другой день в больнице хирург мне сказал, что не считает операцию необходимой. После нескольких перевязок я выздоровел. Слава Богу и благодарение Пренепорочной!"

Исцеление было чудесным, на этом сходятся все свидетели. Но только ли случайно изложение им программы духовной жизни совпадает с сообщением об этом исцелении? Лурдские паломники знают, как действует Божия Матерь: духовные дары часто сопутствуют физическим исцелениям и намного их превосходят, хотя и ускользают от всякой проверки нашим ограниченным разумом.

В этом письме Отец Максимилиан впервые применяет выражение "Пренепорочная". В Польше веками привыкли называть Деву Марию "Матерью Божией". Чтобы ввести в обычную речь имя, подчеркивающее исключительную Богом данную Ей благодать, — "Пренепорочная" (лат. *Immaculata*, польск. *Nierokalna*), потребовался своего рода переворот в польской речи, ревнителем которого предстояло стать брату Максимилиану. Нашел же он "Пренепорочную" именно в Риме.

1914 год был для него благодатным. 1 ноября, в день всех святых, он произнес окончательные обеты. Молодой Брат, наделенный умом точным, логическим, во всем доискивающимся последних заключений, почувствовал себя обязанным идти к совершенству. Благодатные дары были ему опорой. Начинается его медленное перерождение: крылья бабочки вырастают у куколки.

Тем временем разгорелась война. Для юного монаха она стала могучим рычагом, наполнив его душу великой жалостью. Тем, кто любит Бога, все идет на пользу, даже война.

Первая война помогла его созреванию, вторая прославила его. Между двумя мировыми войнами протекла его замечательная жизнь.

КАК ПРИОБРЕТАЕТСЯ МУДРОСТЬ СВЯТЫХ МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Все его товарищи поляки, бывшие австрийскими подданными, должны были покинуть Италию. Со своим русским паспортом брат Максимилиан был на несколько недель интернирован в Сан-Марино, а потом получил разрешение вернуться в Рим. В колледже читали сводки военных действий. Ректор, отец Иньюди, после каждого посещения Ватикана рассказывал о великом горе Папы, доверенным другом которого он был. Христианские народы, раздираемые в братоубийственной войне, — могло ли быть что-либо более мучительное для его отеческого сердца? В Международном колледже стар и млад разделял это великое горе.

Брат Максимилиан не любил расплывчатых идей и не играл словами. Церковь страдает. Папа страдает. Силы зла развязаны. Наступающий ад штурмует позиции, казавшиеся неприступными. Христианская любовь останавливается и слабеет перед проволочными заграждениями. Даже священники уже не решаются говорить о любви к врагам... Как в такое время праздно сидеть, сложа руки, в своем

углу ? Не надо ли подготовить и предпринять контратаку ? Хорошо рассчитать средства, выбрать пригодное оружие, укрепиться на неприступных позициях ? Брат Максимилиан, не пора ли придумать замечательный стратегический план ? Придумать — и дать бой ? Дать бой — и победить ? Ибо горе тому, кто останавливается на полдороге: тщательно разработанный план должен выполняться *до конца*.

Брат Максимилиан думает и молится. Когда-то он забавлялся, разрабатывая стратегический план обороны Львова; задача, которую он видит перед собой теперь, по-иному трудна. В опасности весь христианский мир. Души гибнут, — а надо *все* души спасти. У брата Максимилиана солдатская кровь, а Владычица его сердца — "Заступница всесильная". В Польше почитание Божией Матери развилось в огне испытаний, испещривших всю историю страны. Вывод: с такой Союзницей победа несомненна.

Брат Максимилиан уже таков, каким он будет всегда: у него *железная логика*. Редко бывают люди менее склонные предаваться мечтам. Когда он видит задачу, когда он уверен, что это угодно Богу, ничто на свете не помешает ему взяться за дело.

Царящее в колледже почитание Божией Матери, великая францисканская традиция и солидные богословские познания дали направление и осветили то, что всегда было тайной устремленностью его души. Он и здесь доводит до последних выводов свои основные предпосылки.

Богоматерь — Дева Пренепорочная. Провозглашение догмата Ее Непорочного Зачатия, покрыло славой францисканский орден, отстаивавший его в

течение веков. Не пришло ли время теперь сделать все практические выводы из этого догмата, чтобы жить в соответствии с ним? А из провозглашения единственной в своем роде прославленности Божией Матери не вытекает ли признание Ее вселенского заступничества? Во Христе всякая благодать приходит к нам через Нее. Она "чистый сосуд Божий", живет только Им, трудится только для Него и жаждет только Его славы. Посланица Бесконечного Милосердия, Она то горнило, в котором сгорают все наши нечистоты, и пламя Ее жертвенной любви не оставляет иных приношений, кроме чистого золота. Когда Она, Мать Христова, приобщает нас к Своей верховной благодатности, Она тем самым создает образ Христа из того, доверенного рукам Небесной Труженицы, безвидного месива, каким является каждый из нас. Мать Главы и, следовательно, Мать таинственного Тела, Мать всецелого Христа, Она получает лишь для того, чтобы давать, и берет лишь для того, чтобы преобразовывать. Есть лишь одно — но страшное — препятствие, которое может остановить ее спасительное действие: мы свободны Ее оттолкнуть. Зато повторяя за Нею "Да будет", так же безоговорочно, как Она, не приобщаемся ли мы некоторым образом к Ее всемогущему заступничеству? Пренепорочная и Всеблагодатная Мать откажет ли в чем-нибудь тому, кто целиком посвятил себя Ей, как Ее сын, Ее воин и раб? Тому, кто полностью отдался Ее освящающему воздействию? Самый краткий путь ко Христу, победоносное оружие для воцарения Христа, средство дающее Христа — это Она, Пренепорочная!

Вот мысли, которые Отец Максимилиан продумывал без конца, все более отчетливо и углубленно. Он еще не мог их выразить точно: они постепенно к нему приходили в молитве. Впоследствии он много раз говорил своим духовным сынам, что от Божией Матери больше учатся "молясь", чем "читая" ученые книги.

Годы, проведенные в Риме, были временем сева и драгоценного опыта. Как некогда Жанне д'Арк, ему был нужен "совет", в котором кроме верховного "Воеводы" присутствовали бы святые, "прежде всего те, которые особо почитали" Приснодеву. В день, когда он в первый раз служил литургию, он даже вступил в договор с Терезой Лизьезской, в то время еще не причисленной к лику святых: "Я буду молиться о твоём прославлении Церковью, — говорил он ей, — но с тем условием, что ты возьмешь на себя заботу о моих будущих духовных бранях".

Товарищи Отца Максимилиана часто заставляли его в часовне колледжа погруженным в молитву. "Войдя, можно было подумать, что там нет никого, но через некоторое время слышался шорох, — это он молился за главным алтарем.

"Меня поражала его собранность во время утренних медитаций, — добавляет тот же свидетель, — весь его облик выражал напряженную внутреннюю деятельность".

Его считали созерцателем и таковым он был. Но этот молитвенный дар сочетался у него с замечательными способностями к действию. Созерцание вылилось в деятельность, проводившуюся с чрезвычайным умением. Редко качества, на первый взгляд

противоречивые, сочетались в таком гармоническом равновесии. Можно даже сказать, что гармония была его отличительной чертой. Исторических примеров этого рода надо было бы искать в Ассизском Бедняке¹ или в святом Бернаре Клервоском.² Стоя на коленях у алтаря, молодой студент приобретал ученые степени более трудные, чем в Григорианском университете, где он блестяще сдавал экзамены. Продвигаться в школе Духа Святого значит претворять в свою собственную жизнь Заповеди Блаженства.

Брат Максимилиан скоро познал на собственном тяжелом опыте ту азбучную истину науки святых, которую Раймонд Луллий³ выразил двумя словами: "Любить – страдать". Едва он задумал свои грандиозные планы всеобщего спасения, как испытание обрушилось на него всей своей тяжестью. Появилось сначала кровохаркание, затем начались сильнейшие кровотечения. Его здоровье никогда не было крепким, а тут проявилась болезнь, смертельно опасная в его возрасте. Не приговорен ли он уже? По-видимому, он не заботился о своем здоровье. То же надо сказать и о его окружении. Некоторые послабления в соблюдении устава, немного больше прогулок – вот и все. Среди сохранившихся сведений нет ни малейшего упоминания о регулярном лечении. Для туберкулезных Рим смертелен, а он оставался в Риме, за исключением летних каникул. Болезнь открылась летом 1917 г. Показательно, что его собратья, даже те, которые особенно чтут его, не говорят о ней ничего. Один из тех, кто особо изучал его жизнь, пытался даже доказать, что он вовсе не был болен в Риме...

Виновен в этом, надо думать, только сам Брат Максимилиан. Он не говорил о своей болезни, не обращал на нее внимания. Ему даже нравилась мысль уйти на небо, может быть уже скоро, а тем временем он разрабатывал план действия, которого хватило бы на долгую жизнь. Чтобы действительно узнать, что происходило в его сердце, надо было бы подслушать его молчаливые беседы у алтаря.

Но вот его собственное свидетельство, написанное в 1935 г. по приказу отца-наставника Флориана Козюры и до сих пор остававшееся неизданным. Оно тем более ценно, что это единственный документ, в котором он прямо говорит о самом себе.

"Как возникла Дружина Пренепорочной?"

"Много воды утекло с тех пор, почти восемнадцать лет. Поэтому я забыл многие подробности"... (Но позвольте, Отец Максимилиан, память у вас отличная, и не в том ли дело, что вы попросту не хотите сказать *слишком много*?)

"Однако, раз Отец наставник приказывает мне описать начало Дружины Пренепорочной, напишу то, что еще помню".

"Итак, помню, что я часто говорил с моими братьями об упадке Ордена и о его будущем. Вот тогда в моем уме запечатлелись слова: "поставить на ноги или совсем свалить" (чьи это слова, он не говорит; некоторые францисканцы приписывают их о. Иньюди, ревностному поборнику первоначальной строгости Ордена).

"Потому что мне было жалко молодежи, приходящей к нам с добрыми намерениями и часто теряющей, именно в монастыре, свой идеал святости. И я думал: как поступить?"

"Будем искать дальше: помню, что маленьким мальчиком я купил за золотый статуэтку Пресвятой Девы. А в интернате (в Львове), во время обедни, я простерся ниц и дал обет Пречистой, царственный образ которой был за престолом, — *что буду сражаться за Нее*. Я еще не знал, как это сделаю, но я представлял себе борьбу материальным оружием" (вероятно, тут и разыгрался его внутренний кризис по вопросу призвания).

"Когда же пришло время послушничества (или принесения обетов?), я признался в этой трудности отцу-наставнику, ныне покойному о. Денису (Совяку), который снял с меня мое обещание и заменил его обязательством читать каждый день "Под водительством Твоим". Это я и делаю по сей день, хотя теперь знаю, *какую борьбу имела в виду Пренепорочная*".

Отец Максимилиан невольно сказал нам все-таки больше, чем хотел. Значит, Пренепорочная сама повелела ему сражаться за Нее, значит, по Ее прямому повелению он стал Ее рыцарем?... Но продолжим этот волнующий текст:

"Хотя во мне была сильная склонность к гордыне, Пренепорочная притягивала меня еще сильнее. В моей келии, над аналоем, всегда находился образ одного из святых, которым являлась Пречистая, и я ему часто молился. Один монах, увидав этот образ, сказал мне, что я наверное очень чту этого святого".

Без особого намерения, Отец Максимилиан не стал бы задерживаться на этой подробности: ему надо было отвести нескромные взгляды от того, что

одним простым напоминанием наполняло восторгом его сердце.

"Когда фран-масоны, — продолжает он, — начали свистопляску, становившуюся все более наглой, когда они под самыми окнами Ватикана водрузили свое знамя, на котором Люцифер, на черном фоне, попирал ногами архангела Михаила, когда они стали раздавать листовки, поносившие Святого Отца, явилась мысль основать объединение, имеющее целью борьбу с фран-масонами и прочими приспешниками Люцифера".

Отец Максимилиан говорит о том, что он не в книгах прочел, а сам видел. В ознаменование двухсотлетия фран-масонства, в 1917 г., Рим был выбран местом для кощунственных пародий. На площади Св. Петра и под окнами ватиканского Пленника,⁴ шайки в исступлении размахивали дьявольским знаменем с надписью: "Сатана должен воцариться в Ватикане, Папа будет его рабом".

Каждый вечер Отец Ректор рассказывал юным монахам об инцидентах, которые могли бы казаться нелепыми и смехотворными, если бы они не были внушены ненавистью. Живя в центре христианства, молодые палатинские монахи знакомились с тайной беззакония не из книг, а предметным обучением. У Отца Максимилиана память об этом осталась на всю жизнь. Неважно, что Враг в то время покровительствовал масонству, а спустя двадцать лет — другим плачевным ересям: имя его Легион, он любит менять свой лик и вывески, под которыми выступает, но на нем всегда один и тот же неизгладимый знак: ненависть к Праведному, ненависть к Церкви, нена-

висть к ключарю Царства Небесного.⁵ Наш двадцатилетний монах и объявил войну Врагу во всех его хамелеоновых обличьях.

Мимоходом отметим безличную форму великого признания: "явилась мысль". Явилась – кому? Приходится, однако, досказывать:

"Чтобы вполне убедиться в том, что эта мысль пришла мне от Пренепорочной, я спросил мнение моего духовника, Отца Александра Базиле, иезуита, обычно исповедывавшего учеников Колледжа. Получив успокоение в отношении святого послушания, я решил немедленно приступить к делу".

В этом несложном тексте каждое слово имеет значение: здесь то горчичное зерно, которое станет со временем великолепным деревом.

Отец Максимилиан мог бы и не признаваться в том, что вдохновляла его и вела Пренепорочная. Чтобы в этом убедиться, достаточно этого короткого текста: он не хотел ничего предпринимать иначе как во имя святого послушания. В этом как раз Пречистая снабдила его непобедимым оружием: только слово "*Да будет*", безусловно и безоговорочно произнесенное вслед за Ней, может одолеть того, чей грех заключается в *отказе служить*. В этом отношении Отец Кольбе всегда будет неумолимо требователен: кто не умеет повиноваться, недостоин служить Той, Которая прославлена во веки веков как "Раба Господня".

Следующим знаком избранничества юного польского Брата стало страдание.

"Между тем, – продолжает он, мы уехали на каникулы, в деревню, на дачу, называемую "La Vigna"

("Виноградник"), в полчаса от Колледжа. Однажды, когда играли в футбол, я почувствовал, что кровь у меня подкатывается к губам. Я отошел на лужайку и лег. Мною занялся Брат Биози, теперь уже скончавшийся. Довольно долго я харкал кровью. Я так был счастлив при мысли, что это, может быть, конец ! Потом я пошел к доктору. Он велел мне вернуться домой в коляске и сейчас же лечь. Лекарства не останавливали постоянно повторявшееся кровотечение. В то время Брат Биози часто меня навещал..."

Отец Чиккито, бывший префектом с 1912 по 1914 г., т.е. сразу после приезда Отца Максимилиана из Польши, рассказал мне в Риме, что у молодого монаха были слишком румяные щеки и всегда холодные руки (с озноблениями зимой, отчего он очень страдал). Все это как будто указывало на плохое кровообращение или на сердечное заболевание. Отец Чиккито повел его к специалистам, мнения которых разошлись. Но до самой войны не было никаких подозрений относительно туберкулеза. Не было ли недостатка в продовольствии во время войны ? Нет, — говорит Отец Чиккито, — особых лишений мы не испытывали. С другой стороны, в семье молодого монаха не было наследственных болезней. Следовательно, туберкулезом он заболел в Риме, после 1914 г.

Показательно, что об этой тяжелой болезни, которая едва не свела его в могилу, *нет речи* в показаниях тех, кто знал его в колледже. Если бы не было этого текста, написанного и подписанного его собственной рукой, можно было бы даже сомневаться, был ли он настолько болен. Зато все говорят

единогласно, что он не жаловался *никогда*. Один из его соучеников, Отец Альберто Арцилли, говорил нам, что он часто страдал сильными головными болями, но, — добавляет он, — "кроме Отца Ректора и некоторых Братьев, никто об этом и не подозревал, а сам я догадывался о самых мучительных моментах по судорогам, искажавшим его лицо".

Его товарищ и друг Отец Паль в своем показании даже не упоминает о поразившей его болезни. Не говорит о ней и другой член "семерки" — Отец Пиньяльбери. Даже в его ближайшем окружении никто не подозревал, до какой степени он болен. Без чистейшего подвижничества нельзя было бы настолько отказаться от совершенно законного инстинкта самосохранения. Поступая так, не повиновался ли он попросту Пренепорочной? Здесь область "мудрости святых", которая так далека от нашей близорукой человеческой осторожности.

"Через две недели, — невозмутимо продолжает Отец Максимилиан, — врач позволил мне в первый раз выйти. В сопровождении Брата Осанны, я добрался, хотя и не без труда, до нашей дачи. Товарищи встретили меня радостными криками и принесли свежих фиг, вина и хлеба. Я чувствовал себя неплохо; боли и кровотечения прекратились; и вот тогда я своей мыслью основать объединение поделился с Братом Иеронимом Биози и с Отцом Иосифом Палем, который изучал богословие на одном со мной курсе, хотя был рукоположен раньше меня. Но я им поставил условие — сначала спросить разрешения у их духовников, чтоб нам быть уверенными в воле Божией".

Здесь ясно, до какой степени больной захвачен своей идеей. Первой же передышкой он пользуется для того, чтобы развивать перед своими собратьями грандиозные планы. Святой размах Отца Максимилиана недостаточно подчеркнут в показаниях и свидетельствах: он хотел всего, строил планы всемирной победы. Как-то раз он сказал одному из своих друзей:

"Иезуиты говорят — *"к большей славе Божией"*, а я говорю — *"к наибольшей славе Божией"*.

Превосходная степень ему нужна во всем ! И он поясняет: "только она достойна Бога".

Но он еще никак не проявил себя на деле. У некоторых его военная терминология вызывала улыбку. Он говорил, например: "Мы двинем нашу тяжелую артиллерию, наши славословия Пречистой обратят врага в бегство". До самой своей смерти он любил говорить о "военном снаряжении" и наполнял карманы своими знаменитыми "патронами", металлическими иконками Пречистой, воспроизводящими так наз. чудотворную медаль,⁶ которые должны были сразить неприятеля.

Блаженны чистые сердцем ! Они и примкнули первыми. Послушаем дальше:

"Когда я почувствовал себя более или менее поправившимся, меня с одним из товарищей, Братом Антонием Гловинским, отправили на дополнительные каникулы в Витербо. Отец Гловинский тогда и вступил в Дружину Пренепорочной. Вскоре после этого к нам присоединился Брат Антоний Манзи, ныне покойный, и Брат Генрих Граната, из Неаполитанской провинции.

"Кроме тех, кто в ней уже состоял, никто в колледже не подозревал о существовании Д.П. (Дружны Пренепорочной). Только Ректор, Отец Стефан Иньюди, был в курсе всего и Д.П. ничего не делала без его разрешения, так как в послушании и проявлялась воля Пренепорочной.

Отец Максимилиан может быть не отдавал себе отчета в том, какую тяжкую ответственность он возлагал на своих руководителей. Не так уж удобно считаться провозвестником Божией воли, и каждый из них, прежде чем противоречить ему в чем-либо, наверное, по много раз взвешивал все "за" и "против". Мы еще и дальше увидим, до какой степени сверхъестественная покорность Отца Максимилиана служила ему неотразимым аргументом.

"Итак, – продолжает он, – с разрешения нашего Отца Ректора 17 октября 1917 года состоялось первое собрание первых семи членов: 1) Отец Иосиф Паль, 2) Брат Антоний Гловинский, румынской провинции, скончавшийся в 1918 г.; 3) Брат Иероним Биози, падуанской провинции, скончавшийся в 1929 г.; 4) Брат Кирико Пиньяльбери, римской провинции; 5) Брат Антоний Манзи, 6) Брат Генрих Граната и 7) я сам.

"Это собрание состоялось вечером, в тайне, при закрытых дверях, в одной из внутренних келий. Между двумя зажженными свечами стояла перед нами небольшая статуя Пренепорочной. Брат Иероним Биози был за секретаря. Мы собирались выработать программу Д.П. (малый диплом), тем более что Отец Александр Базиле, который был и духовником Святого Отца, обещал нам испросить его благословения для Д.П.

"Однако, Отец не сдержал своего обещания, и благословение Папы, выраженное устно, мы получили через монсиньора Доминика Жакэ (нашего ордена), который был в то время профессором церковной истории в нашем колледже. После первого собрания Д.П. целый год не продвигалась никак и столько препятствий возникало на ее пути, что сами ее члены больше не решались о ней говорить: один из них даже попытался убедить других в том, что все это было совсем бесполезно. В это же время ушли к Пренепорочной, завершив жизнь подлинно христианской кончиной, Брат Антоний Гловинский и, через тринадцать дней после него, Брат Антоний Манзи, — от последствий испанского гриппа. А у меня случился серьезный рецидив болезни, я много кашлял и харкал кровью. Меня освободили от посещения лекций и я воспользовался свободным временем, чтобы переписать "Программу Д.П." с целью представить ее Генералу Ордена Отцу Тавани и просить у него письменного благословения. "Было бы вас хоть двенадцать !" — сказал мне Отец Тавани. Он написал благословение и выразил желание распространять Д.П. среди молодых.

"С этого дня новые члены стали прибывать беспрестанно.

"В этот первый период деятельность Д.П. заключалась в молитве и в раздаче чудотворной медали. Отец Генерал Ордена дал нам даже денег на покупку этих медалей".

Мы привели полностью этот ценнейший текст потому, что приступая к описанию дела полезно увидеть, как скромно оно началось. Их было семь

("семь святых основателей", как в шутку говорил Отец Максимилиан), но не все семеро одинаково твердо верили в будущность начатого дела. Один из них (имя которого Отец милосердно обошел молчанием) пытался даже разубедить других. Юный монах не имел права защищать свое дело, так как Генерал Ордена запретил ему заниматься им. "В течение более года – пишет Отец Паль – он не говорил о своем деле даже с нами, первыми членами "Дружины". Это и был год кажущегося застоя, о котором он сам упомянул. Другие говорили о его деле, чтобы его подорвать, а сам он не мог сказать ничего: можно догадаться, чего стоило это ему.

Показательная подробность: в своих воспоминаниях Отец Максимилиан отмечает, что подъем его дела начался одновременно с благочестивой кончиной двух членов "Дружины". Они "ушли к Пренепорочной" просто для того, чтобы ходатайствовать за тех, кто посвятил себя Ее служению ! Таким "небесным подкреплениям" Отец Максимилиан всегда придавал чрезвычайное значение. Однажды он сказал: "Каждый раз, когда ничего больше не выходит, Пренепорочная призывает на небо одного из наших для большей помощи нам. На земле мы работаем одной только рукой, а другой цепляемся, чтобы самим не упасть, на небе же у нас свободны будут обе руки и нашим хранителем будет Пречистая !"

Отец Максимилиан был чудесным образом избавлен от недостатков зрелого возраста, от горечи и печали, порождаемых неудавшейся жизнью. Дело в том, и это надо сразу же отметить, что он не знал неудач. Все что с ним происходило, решительно *все*,

исходило из рук его небесной Царицы, а Она – разумеется – посылала ему все самое лучшее на свете. И если он этого не видел, не сознавал, то тем лучше для него: последнее слово таким образом оставалось за верой.

После св. Терезы Лизьезской никто не следовал так, как он, заповеди Христа: "Будьте как дети". Можно было бы написать прекрасную книгу о детском чистосердечии этого бородатого миссионера, который нередко поражает нас непосредственностью своих слов, сверкающих как духовный меч и и полных божественно простой логики. Только святые делают все выводы из прозрачной предпосылки: "Бог есть любовь". Отец Максимилиан обладал замечательным здравым смыслом и был логичен до конца.

VI

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ И БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Как удавалось ему работать с постоянной головной болью и с подорванным здоровьем? Он не только сдал все экзамены, но сдал их блестяще. В 1915 г. ему 21 год и он уже доктор философии. Теперь он усердно готовит второй докторат, — по богословию, который он защитит четыре года спустя с таким же успехом. Может быть здесь одна из причин того, что его руководители не считали его серьезно больным. Разве больной человек так сдает все экзамены, "словно шутя"?

Все его преподаватели и все его соученики единогласно отмечают его исключительные способности, или даже его научную гениальность. Выдающийся во всем, он особенно блистал в математике и продолжал приводить в смущение своих самых знаменитых профессоров. "Этот юноша — говорил Отец Бондини, ректор колледжа, — ставит мне вопросы, на которые я не знаю, что отвечать". Отец Лев Чиккито рассказал мне, что, увлекшись каким-нибудь вопросом, он уже не мог остановиться, все время находил новые возражения, путем тонких ло-

гических сплетений переходил от одной задачи к другой и при каждом решении ставил новый вопрос: "Почему ?"

– На прогулках он не отставал от меня, все время задавая вопросы, такой надоеда, – добавил смеясь Отец Чиккито. И став снова серьезным, продолжал:

– Это был самый одаренный молодой человек из всех прошедших через мои руки в годы, когда я был ректором. Интеллект у него был поразительный.

Его ум был направлен главным образом на научные открытия. Он жадно следил за техническим прогрессом и был в курсе всех новейших достижений. По словам Отца Эшера, руководителя падуанской провинции Ордена, он однажды создал проект аппарата, способного развивать необычайную скорость. Он начертил график уверенной рукой, тщательно проанализировал все, оправдывавшие его, физико-механические законы и попросил меня представить эту схему моему коллеге по Григорианскому университету, Отцу Джанфранчески, который очень внимательно ее рассмотрел и заявил, что в принципе нет препятствий осуществить этот смелый проект.

Сомнений нет: этот необычайный юноша душой и телом отдавался учению. Думал ли он о научной карьере, к которой его, казалось, предназначали его дарования ? Нет, его цели были преимущественно практическими.

Все свидетельства снова совпадают: "Он учился, чтобы быть в состоянии опровергать неверующих", – говорит в основном Отец Паль, учившийся вместе с ним.

Уже в это время он любил прения с неверующими, иногда вызывая незнакомых ему людей на дискуссию, то просто на улице, то в поезде — что стало потом его излюбленным приемом "ловить на удочку". Однажды в Риме он столкнулся с немало-важным противником, поносившим Папу и Церковь. Втянувшись в упорный спор, тот воскликнул: "Молодой человек, я-то знаю все это, я — доктор философии !"

— Я тоже, — ответил молоденький монах, который в 21 год выглядел на 16. Важный господин посмотрел на него с удивлением — и сразу переменял тон. Ведь надо быть корректным с коллегами ! Терпеливо и неумолимо молодой доктор теснил его и наконец припер к стенке. "К концу спора, — говорит Отец Паль, сообщивший этот красочный эпизод, — безбожник замолчал и казался погруженным в глубокое раздумье".

Этот прием Отец Максимилиан часто применял и позже с большим успехом: не давать противнику передышки, теснить его все более острыми вопросами, становиться как будто на его точку зрения и затем бить его на его собственной территории.

"Для этого, — думал Отец Максимилиан с обычной ясностью своего ума, — я должен быть *на уровне*".

Кто внушил ему этот в высшей степени современный метод, так опередивший эпоху, когда он учился ? Преподавание того времени, ограничивалось, по-видимому, преимущественно рабским повторением устаревших теорий. Один из его профессоров дошел до того, что, ссылаясь на авторитет

св. Фомы Аквината, защищал систему Птолемея. В такой среде ум Брата Максимилиана представляется вдвойне оригинальным и передовым. "Поставить всякий прогресс на служение славе Божией и *сделать из него оружие для победы* – вот что необходимо", – думал Отец Максимилиан.

Несколько характерных эпизодов показывают, что его точка зрения не всегда совпадала с взглядами его среды.

1917 год. Кинематограф только еще начинает развиваться. В "благонамеренных кругах" к этому изобретению относятся с некоторым недоверием, тогда как замороженные массы толпятся у кинотеатров. Нравственная ценность большинства фильмов весьма сомнительна, они льстят низким страстям. Импрессарио хотят только одного: богатеть. Идет война, мрачный период, когда не только музы, но и добродетели спят.

Конечно, в колледже нередко говорят о кинематографе. Можно представить себе некоторых профессоров, сетующих на это орудие гибели. Брат Максимилиан слушал, а его живой и независимый ум искал решения.

Однажды он почти ввел в соблазн одного из своих соучеников, не отличавшегося гибким умом. На одной из прогулок, был прямо поставлен вопрос об этом искусстве, и Брат Максимилиан не скрыл своего мнения:

– Кинематограф может и должен служить благу общества, наше дело его направить.

– Вы разве не видите, – возразил его товарищ, – что дьявол со своими приспешниками завладевает

всеми изобретениями и всеми достижениями прогресса, чтобы обратить их во зло ?

— Тогда тем более, — ответил Брат Максимилиан, — нам надо наконец очнуться и взяться за дело, чтобы отвоевать назад позиции, занятые врагом.

Время показало, что наш смиренный францисканец был прав: Папа Пий XI объявил кинематограф одним из средств миссионерской деятельности.

Есть и другое орудие, еще более мощное, обращаться с которым следовало бы научиться католикам: широкая печать, влияние которой не перестает возрастать в течение целого столетия. Об этом Брат Максимилиан, по словам его соучеников, часто говорил, когда жил в Риме, и во время рекреаций, и на прогулках. Он уже тогда мечтал о таком журнале, который под покровом Пренепорочной проповедывал бы Евангелие всем народам. Молодые монахи слушали с восхищением, потом забывали эти грандиозные мечты и возвращались к своим узким обычным занятиям. Но для Брата Максимилиана это не были только мечты, — это был план, план сражения ! Должно быть, он порою чувствовал себя очень одиноким среди своих братьев по Ордену. Среди них не видно никого, кто понимал бы его действительно. Но их ли это вина ? Кто из них мог бы помериться с этой пламенной душой ? Он был человеком больших устремлений, страстно желавшим всемирных побед, по призванию добивавшимся "всегда большего, всегда лучшего". Это и приводило в недоумение его окружение. И не его вина, что он был святым !

Все его прежние соученики повторяют без конца, что "не замечали у него никаких недостатков".

Существуют свидетельства того времени, доказывающие, что некоторые уже тогда считали его святым. Но лучше слов говорят факты. Точное соблюдение им устава (разговаривая с важным собеседником, он мгновенно замолкал при звуке колокола, а по утрам при первой побудке выскакивал — больным — из постели), — его характер, всегда ровный и веселый, — его братская любовь — он часами помогал наименее одаренным и отстающим, которые предпочитали обращаться к нему, потому что "никто не умел объяснять так хорошо, как он", — неизменность его послушания, готового заранее исполнять малейшие пожелания его руководителей, — вот что единогласно и с восхищением подчеркивается всеми.

Свидетельства того времени единодушно отмечают и его апостольское рвение, его стремление обратить *всех* грешников, и *как можно скорее*, во всем мире. Грех для него был не отвлеченным понятием, а его собственной сердечной раной.

Вот что рассказывает Отец Паль:

"Однажды, возвращаясь в колледж из базилики Святых Апостолов, мы повстречали хулиганов, хуливших Божию Матерь. Брат Максимилиан стремительно бросился к ним и со слезами на глазах спросил их, отчего они причиняют Пречистой такую скорбь? Смутившись, они пробормотали, что "хотели отвести душу". Оставшись немного в стороне, я безуспешно пытался отозвать своего друга. Со своим обычным упорством Брат Максимилиан хотел довести все до самого конца и всеми силами старался убедить этих негодных парней в том, что они вели себя плохо и потому должны дать обещание никогда

больше не богохульствовать. Хулиганы, обычно скорые на ответ, оставались смущенными и поспешили убраться.

Другой раз Брат Максимилиан предложил тому же Отцу Палю вместе отправиться в Палаццо Верде, масонский центр, чтобы обратиться к их гроссмейстера – ни больше, ни меньше ! Получив его согласие, он побежал к Отцу Ректору за разрешением. Тот отечески заявил юному монаху, что, конечно, это очень хорошо, но, быть может, преждевременно и что начать лучше с молитвы об обращении фран-масонов. Брат Максимилиан вернулся к своему другу слегка опечаленным и притихшим, сообщил ему ответ ректора и сказал:

– Ну, так начнем молиться *сейчас же* !

И еще одна черта, не совсем обычная, особенно у поляка. Брат Максимилиан страстно любил свою родину. Известно, что он почувствовал себя очень больно задетым, когда в колледже его приняли однажды за немца. Можно даже сказать, что эта нерушимая верность стала отдаленной причиной его смерти: до заключения в лагерь ему предложили выдать себя за "поляка немецкого происхождения", как делали другие, часто даже и не бывшие изменниками и даже пользовавшиеся своими бумагами, чтобы помогать патриотам. Но Брат Максимилиан в этом вопросе отвергал какой бы то ни было компромисс. Он хотел жить и умереть поляком. Но дело принимало иной оборот, когда оно касалось Церкви Христовой, где нет "ни эллина, ни иудея". Его завоевательные планы не знали ни границ, ни преград – они были так же широки, как Церковь. Некоторые

из его соотечественников этого не поняли. Как признаться в том, что он любил "даже немцев" ? Но это было именно так. Он любил их во Христе как чад Пренепорочной, любил той любовью, которая не допускает исключений и является пробным камнем христианства.

И смиренный францисканский монах был прав, даже с польской точки зрения. Подлинный патриотизм (противоположный крайним национализмам) не может противоречить закону Христову.

Война идет к концу. 28 апреля 1918 г., в разгар прекрасной римской весны, Брат Максимилиан рукоположен во священники. На следующий день он служит свою первую литургию в знаменитой церкви Сан-Андреа-делле-Эратте, где Божия Мать в 1842 г. явилась еврею Ратисбонну, чтобы обратиться "свирепого волка" в "кроткого ягненка", как гласит надпись на памятной доске.

Спустя год, уже после окончания войны, его польские орденские начальники потребовали его возвращения на родину. Он уехал вооруженный двумя докторатами, но и с еще большим богатством в сердце: "Горе науке, не переходящей в любовь" — как сказал Боссюе⁷ в одной из своих знаменитых проповедей. Отец Максимилиан многому научился в Риме, но самое ценное он почерпнул в мудрости святых. Он чувствует себя охваченным "пламенем любви", которому он отдался добровольно. В одном из своих последних писем к матери он пишет:

"Молись обо мне, мама, чтобы моя любовь росла все быстрее и без предела. *Молись особенно, чтоб без предела*" (подчеркнуто им самим).

Желание молодого монаха исполнится: всю жизнь, до самой смерти, для него не будет "пределов".

VII

"НЕ БЫВАЕТ ПРОРОКА В ОТЕЧЕСТВЕ СВОЕМ..."

Он вернулся в Польшу в июле 1919 г., "до такой степени изнуренный туберкулезом, что врачи не давали ему больше трех месяцев жизни", согласно показанию непокалановского Отца наставника Кубита.

А послали его в монастырь в Краков, где климат губелен для туберкулезных. Что делать с этим тяжело больным человеком? Выход нашли простой: назначили его профессором.

Такое решение может показаться возмутительным и даже навлечь на его руководителей упрек в недопустимой неосторожности. Но легко судить свысока и издалика. Дело происходит в 1919 г. После четырех лет войны Польша, наконец став свободной, истекает кровью. Экономическое положение катастрофично. Казна пуста. Только частные пожертвования начинают ее пополнять, но эти героически жертвенные усилия не могут предотвратить катастрофу. Головокружительное обесценение денег разоряет страну. Один килограмм сала теперь стоит дороже, чем стоил двухэтажный дом в 1914 г. А с Востока надвигается новая гроза. Красная армия

идет на приступ Европы. Многие ли помнят еще в настоящее время, что Польша на двадцать лет оставила замыслы московского империализма ?

"Чудо на Висле" решает судьбу Европы. Но страна, спасенная в последнее мгновение, разорена, бедность царит самая крайняя. Эпидемии распространяются в восточных областях, наиболее пострадавших. Священники, монахи надрываются в непосильной работе, — это ли время думать о себе ? Необходимо держаться до конца и, если надо, умереть на своем посту, как настоящий солдат. Нет, духовное начальство Отца Максимилиана нельзя обвинять за то, что, в такое время, оно не занялось его здоровьем так, как следовало, и как оно само несомненно хотело. К тому же мы уже знаем, что этот больной не жаловался никогда.

А в преподавателях есть острая нужда. За четыре года войны их ряды поредели. Этот же ревностный молодой монах, с румянцем на щеках от повышенной температуры, оказывается совершенно "свободным" !

Не столько работа изнуряет его, — еще больше страдает его душа. Он надеялся сразу после своего возвращения увлечь своим делом — нет, не своим, а делом Пренепорочной ! — весь монастырь, всю свою братию. А те пожимают плечами. Слушают со снисходительной улыбкой и потом смеются между собой. Они его называют "пилой", "мечтателем", придумали даже еще более удачное прозвище, которое надолго прилипает к нему: "мармелад". При виде его они перешептывались: "Мармелад шествует". Ходил он медленно, дышал с трудом, избегал резких

движений, чтобы не вызвать кровотечения. Он был очень терпелив и кроток (при всей живости его характера) — откуда и кличка. Один из свидетелей, мирянин, вспоминал, как один из монахов высмеивал при нем Отца Максимилиана, "медлительность его движений у престола во время обедни", подражал его жестам и говорил: "какой мармелад !"

Бедный Отец не говорил ничего, но страдал ужасно. Однако, этот тяжелый опыт не прошел напрасно. Впоследствии он проявлял безграничную кротость и нежность к больным. Об этом есть немало свидетельств. Даже когда касса бывала полупустой, его любимые больные не терпели недостатка ни в чем. Его снисходительность к их капризам была безграничной, "больше материнской", как сказал один из Братьев со слезами на глазах.

"Надо влезть в их нутро — говорил он Братьям санитарам, — *надо их понимать*". И он обращался с ними как со своими лучшими сотрудниками.

Смех и критику вызывали не один его осторожные движения. Им были недовольны оттого, что он был *не как все*. Жертвами этой недоброжелательности становятся все святые. В нашу обыденную спокойную жизнь они попадают, как палка в муравейник. Того не желая и часто даже не сознавая, они нас принуждают к не очень приятным проверкам нашей совести. "Мармелад" раздражал своим старомодным соблюдением правил. Вот человек курит: разве это грех ? Да нет, — он даже получил разрешение своих руководителей. А этот надоеда высчитывает мгновенно, сколько "злотых" уходит при этом в дым и чего только нельзя было бы сделать

на эти деньги... И даже если он не говорит ничего, он так смотрит на вас своим чистым и пронизательным взором, что становится неприятно. Как защититься, если не тем отравленным оружием, которым является насмешка ?

В Кракове – это факт – с ним обращались как с более или менее безобидным маниаком, во всяком случае как с "нищим духом". Позже, в Гродно, когда происходил уже полный расцвет его дела, один из его собратьев, "придя посмотреть", заявил к изумлению всех присутствовавших: "Подумать только, что в годы учения он был таким ограниченным и нерасторопным !" Отец Максимилиан "покраснел", но сдержался и ничего не сказал. Свои дипломы и свой ум он ставил на вид, когда надо было спасти души, но никогда не делал этого, чтобы блистать.

Естественно, что к концу 1919 года болезнь снова обострилась. Температура доходила до 40 градусов. "Никто его не навещал", говорит в своем показании Брат Бомбрыс, один из монахов того же монастыря. И добавляет: "Наверное боялись заразы".

Тот же свидетель описал его бедную келию. Там стоял шкаф и были старые нары, на которых лежал матрац, такой растрепанный, что был весь во впадинах. В ногах кровати, на шкафу, стояла статуэтка Пренепорочной. В углу стоял ветхий письменный стол, а на нем – изображения двух святых, в то время еще только недавно объявленных блаженными: Терезы Лизьезской и Джеммы Гальгани.

Состояние его здоровья было так плохо, что наконец его отправили в санаторий в Закопаны. Там

он пробыл с января по декабрь 1920 года.

Это было время апостольства через страдание, но и время непосредственного действия. Очень скоро он освоился с положением. В Закопанах некоторые санатории были лишены всякого духовного окормления и руководились лицами, враждебно настроенными к духовенству. Дом отдыха Университетской Взаимопомощи представлялся настоящей твердыней неверия. Однажды Отец Максимилиан наполнил свои карманы запасом своих "пулек", посмотрел с великой любовью на изображение Пренепорочной и воспользовался прогулкой, чтобы дать бой.

В санатории Взаимопомощи, занятой людьми "крепкими умом", была только одна церковно настроенная студентка. В своем потрясающем показании она передала все перипетии этой "кампании". Прежде всего — молодой монах был непреодолимо обаятелен, — черта, которую нам еще не раз придется отмечать. Одного его взгляда, одной улыбки было достаточно, чтобы привлечь к нему сердца. Сразу же он достиг того, что студенты пригласили его читать лекции — ведь в санатории скука... А он этого только и ждал.

Студентка, уже упомянутая, не вставала с постели и потому не могла посещать эти лекции, но обо всех подробностях она расспрашивала своих товарищей; все они признавали "исключительный" ум молодого Отца, говорили, что он настоящий "кладезь знаний" и к тому же наделен таким "даром убеждать, что его предпочитали избегать те, которые не желали быть переубежденными".

"Каждому он умел сказать то, что сказать ему было надо; у него был подлинный дар обращаться с неверующими".

Уже через несколько дней четыре известных "свободомыслящих" обратились к вере, что произвело сенсацию... Из остальных многие пошли исповедоваться. Среди постоянных слушателей Отца Максимилиана был студент-медик из Тарнова, еврей. Он чувствовал себя все хуже и хуже и однажды заявил Отцу Максимилиану, что по всей вероятности в последний раз присутствует на его лекции. Отец утешил его и обещал его навестить. Но вход к тяжело больным был запрещен. Как он это сделал — неизвестно, но факт, что, получив соответствующее извещение, он еще во-время пришел к умиравшему, — который попросил крестить его. С радостным сердцем Отец исполнил его просьбу, потом соборовал и причастил его, а на шею надел ему чудотворную медаль. Больной был несказанно счастлив, но одна мысль мучала его: он боялся прихода своей матери, убежденной еврейки. "Дитя мое, не тревожься, ты уйдешь на небо раньше", — сказал Отец. Больной тихо угас в 11 часов, а его мать пришла в полдень. С воплем она сорвала медаль с его шеи и стала кричать на весь санаторий:

"Вы убили моего сына, вы украли у меня сына!"

Скандал был крупный. Директор санатория встревожился и велел Отцу Максимилиану больше не появляться. Но он плохо его знал! "Пренепорочная дала мне силы сопротивляться, — писал Отец Максимилиан своему брату, — и я ответил, что в часы, установленные для посетителей, я могу приходить, как все".

Он и продолжал приходить с таким успехом, что последовали новые обращения. Была проведена целая серия "апологетических бесед", на темы от бытия Божия до божественности Христа. Став кроткими как ягнята, вчерашние безбожники приобретали Новый Завет и другие основные книги по советам Отца, а затем старательно в них углублялись.

Непоколебимое упорство было одной из основных черт его характера. Когда он был уверен в своей правоте, он не уступал никогда. Его гнали в дверь, а он возвращался в окно. Однажды он обратил внимание на протестантского пастора Нешавы и так припер его к стенке, что пастор, напугавшись, запретил ему входить в свой дом. Тем не менее он появился опять — с черного хода.

В Закопанах он работал только "в пределах, поставленных святым послушанием", следуя точно предписанному ему лечению. Поэтому у него было много времени для молитвы, когда он часами лежал на кушетке. Обязанности больного он знал и исполнял их.

В его письмах к брату — настоящих жемчужинах — отражалась его пламенная душа, всегда искавшая "еще большего".

"Меня восхищает то, что ты мне пишешь, — читаем мы, — и если ты выполнишь все свои решения, то очень скоро ты станешь святым. Но на этом пути не бывает остановок: кто не идет вперед, отступает... святой должен *продолжать* себя святить. Чем дальше идешь по этому пути, тем больше отдаешь себе отчет в том, как мало еще сделано по сравнению с тем, что еще остается сделать. Чем

быстрее продвигаешься, тем яснее видишь медленность пробега, совершенного до сих пор. Как святой Франциск на смертном одре, мы должны говорить: "*Начнем* делать добро".

Можно подумать, что это говорит опытный духовный учитель. А ему всего только 26 лет. Конечно, он требователен и умеет попадать в самую цель.

"Твои письма производят на меня странное действие, — отвечает ему его брат. — Когда я говорю с другими об идеале священства, мне кажется, что я довольно близок к нему. Но стоит тебе только написать мне, как я вижу себя внизу лестницы; испытываю какое-то разочарование, самолюбие топорщится, но потом я смиряюсь и снова берусь за работу".

От того же времени сохранились и другие письма, адресованные Отцу Максимилиану; они красноречивее всякого психологического трактата. В них всех, прости Господи, недостает того звучания, которое в колокольном звоне называют "серебряным", — его собратья кажутся приросшими к земле (не говорим, что они приросли к ней действительно), они свыклись с посредственностью, видят только свой личный серенький быт, с недоверием относятся ко всему "чрезмерному", ко всякому героизму, и хотят только одного: жить спокойно.

Есть одно исключение: 9 писем Отца Венанта, скончавшегося 31 января 1921 г. В этих строках, наспех набросанных умирающим, который сам был отмечен знаками святости, есть то единственное и несравненное звучание, которое дается Духом. Встречались они мало, но их души узнали друг дру-

га. "Не знаю, как это объяснить, — писал Отец Венант, — но с первого же дня мое сердце наполнилось очень большой любовью к вам и мне казалось, что у нас одни и те же устремления и порывы... Хотя, — добавляет он, — вы настолько превосходили меня умом и успехами на пути к совершенству..."

Этот умирающий человек был лучшим союзником Отца Максимилиана. До конца своих дней он поддерживал его своими письмами, свежесть и смирение которых несравненны. Еще больше он помогал после смерти, "когда мог работать уже обеими руками"...

Таково дивное содружество святых: на небе или на земле, они не перестают друг друга понимать и поддерживать.

VIII

"ДАННОЕ СЛОВО – СЛОВО СВЯЩЕННОЕ" ПЛОДЫ ОДНОГО ОБЕЩАНИЯ

Их было семь, ставших под стяг Пренепорочной в тот памятный день 17 октября 1917 г. Двое из них умерли смертью Божиих избранников. А остальные ?

Берем на себя смелость утверждать, что только сам возглавитель, Отец Максимилиан, понимал свое посвящение в буквальном смысле слова – полным, безусловным и нерушимым.

Унизительно ли это замечание для остальных ? Нет, среди них были монахи весьма святой жизни. Но у них не было того широкого и горячего дыхания, не было – скажем прямо – той *гениальности*, которыми был наделен молодой польский францисканец. После его отъезда его идее стало грозить закоснение в узком кругу маленького благочестивого братства. Не того хотел Отец Максимилиан, когда основывал Дружину Пренепорочной !

Нужно повторить еще раз, что его увлекали самые широкие замыслы, его задача имела вселенский охват. Удовлетворить его могло только "все" – это отличительная черта его характера. Он никогда не говорил "спасать души", но – "спасать

все души", а чтоб этим словам не придали только пространственное значение, он всегда добавлял: "те души, которые теперь на земле, и те, которые на ней будут до скончания времен". Кажется, "все" было тем словом, которое он употреблял чаще всего, и во всяком случае оно чаще всего встречается в его письмах. Такие замыслы могли появиться только у безумца – или у святого, и не приходится удивляться тому, что иные считали его сумасшедшим. Его устремления тогда еще не прошли испытания временем. Но будущее должно было показать его правоту.

Больше того: можно сказать, что святые – непреклонные реалисты, придающие самым простым, самым обычным словам их полный смысл, всю их содержательность и полновесность. Они ничего не говорят, ничего не обещают впустую. Бездонная глубина некоторых, как будто даже бледных, выражений вызывает у них священный трепет. Будучи, сами того не зная, поэтами и "властелинами слова", они восстанавливают утерянное благородство речи. Самые обычные, скромные слова у них превращаются в славословия: сестра вода и брат огонь, сестры голубки и даже брат волк... И не оттого ли повинуются им твари, что они нашли *имя собственное* каждой из них ?

Их обещания похожи на клятву. Они принимают при этом полноту ответственности, все понимая буквально. Немало благочестивых людей повторяют каждый день те слова, которыми св. Тереза Лизьезская посвятила себя Бесконечной Любви, но многие ли среди них понимают весь смысл этих слов ?

Во "внутренней" келии колледжа Св. Феодора, семеро принесли обещание, но кажется, один только Отец Максимилиан знал, что говорит и какую принимает ответственность.

Какова же была его ведущая идея ? Чего он, в сущности, хотел ?

Покорить Христу *все* души, во *всем* мире, до скончания времен, через Пренепорочную. Не больше, не меньше.

Кто знает свою цель, должен знать и средства к ней. Здесь снова проявляется неуклонная логика и богословская уверенность Отца Максимилиана. Так как Пренепорочная — "Матерь Виновника всякой благодати", предуставленная раздавать дары Божиего милосердия, то нужно только вручить себя безоговорочно Ее водительству, чтобы, став Ее послушными орудиями, вершить чудеса. В этом — все учение Отца Максимилиана, и этого ему достаточно для того, чтобы предпринять покорение мира.

Он не имел в виду основать еще одно благочестивое братство, не хотел даже ограничиваться пределами францисканского ордена. Силой своего посвящения Пренепорочной, Дружина должна осенить все монашеские объединения и Ордена, все начинания Католической Акции, так как ее цель и смысл ее существования в том, чтобы завершить и довести до высшей святости всякое призвание, каково бы ни было его содержание. Устремленная к полноте всего, она дает для достижения этой цели безошибочно действующее средство: буквально понимаемое и осуществляемое в жизни посвящение Пренепорочной. Нельзя понять Отца Максимилиана без этого ключа ко всей его деятельности.

Но есть еще одна черта, которую необходимо подчеркнуть. Все его биографы превозносят его неутомимую деятельность. А вместе с тем трудно представить себе человека настроенного менее "активистски", чем он. Он всегда настаивал на первенстве духовной жизни и без устали предостерегал своих учеников от того заблуждения, менее всех заметного, которое "горизонтальность" предпочитает "вертикальности".

В программе Д.П. он указывает четыре средства, которыми должен пользоваться рыцарь Божией Матери: пример, молитва, страдание и труд. Он беспрестанно повторяет, — совершенно сознательно, — что страданием достигают большего, чем прямым действием. Дело Пренепорочной должно быть развитием внутренней жизни, живой водой, переливающейся через край или пламенем неудержимо стремящимся вверх, — иначе это будет карикатура или хуже того: измена. Это он говорил еще и через двадцать лет, когда работа уже кипела в его Граде Пренепорочной. Подрыв первенства духовной жизни был бы подрывом всего его дела.

Но как же это дело началось ? Перед нами пока тяжело больной человек, которому как раз должны делать пневмоторакс (другое легкое также затронуто). Но перед отъездом в санаторий он успел забросить в землю свое горчичное зерно, такое крошечное, что никто к нему не отнесся серьезно, а некоторые просто над ним издевались.

Итак, в Кракове он основал первый кружок Д.П. Понятно, что он прежде всего обратился к своим собратьям по Ордену, но с малым успехом. Тогда

он обратился к людям "внешним". Раз в месяц происходили собрания в т. наз. "итальянском" зале, близ францисканского монастыря. Число кандидатов увеличивалось с каждым днем. Они ощущали притягательную силу этого молодого монаха с детским лицом, улыбавшегося, когда он говорил о Пренепорочной, и казавшегося на вершине блаженства оттого, что он мог Ей служить. Его проповедь, больше чем в словах, была в самом его присутствии.

От того времени сохранился только один его доклад, прочитанный для духовенства 15 ноября 1919 г. Основное в нем — это похвала страданию как огню, "очищающему всякое золото". Об этом он говорит с таким неподражаемым выражением, какое дается только личным опытом. Он умеет понимать и прощать, — даже и гонения входят в "программу". "Иногда, — говорит он, — наши лучшие намерения истолковываются плохо и некоторые доходят до клеветы на нас. Эти гонения исходят не только от врагов, но от людей хороших и благочестивых, или даже святых, может быть и от тех, кто сам записан в Д.П.

"Нет ничего мучительнее, чем видеть, как эти лица преграждают нам все пути, при этом желая лишь славы Божией, как они стараются разрушить то, что мы строили, и отдалить от нас другие души.

"Но что же, если все против нас, то что остается для нас маяком и компасом?"

Ответ ясен и не допускает возражений: "святое послушание", через которое проявляется воля Пренепорочной. Мои духовные руководители могут ошибаться, но я не ошибусь, повинуюсь им. "Если се-

годня послушание говорит мне "да", а завтра скажет "нет", то сегодня — да, я это сделаю, а завтра — нет, не сделаю, и никогда я не скажу, что ошибся".

Не следует думать, что ему горько наталкиваться на такие противоречия. "Сестру страдание" он встречает с чистейшей францисканской радостью.

"Все эти испытания, — говорит он, — очень полезны, нужны, даже необходимы, как горнило, в котором очищается золото".

И не только полезны, но желательны:

"Когда благодать воспламеняет наши сердца, она вызывает в них настоящую жажду страдания, страдания безграничного, — быть униженным и презираемым, свидетельствовать нашим страданием о нашей любви к Отцу Небесному, ко Господу Иисусу Христу и к Пренепорочной, Матери нашей возлюбленной. Страдание — единственная школа любви".

"Мы сделаем гораздо больше, если будем погружены во мрак внешний и внутренний, если будем полны скорби, изнурены, истощены, совершенно безутешны, гонимы на каждом шагу, преследуемы постоянными неудачами, покинуты всеми, осмеяны, поруганы, как Христос на кресте, — лишь бы мы только молились всеми нашими силами за своих гонителей и старались бы всеми средствами привлечь их к Богу через Пренепорочную".

Надо, следовательно, "желать, и желать безгранично".

"После нашей смерти Пренепорочная завершит наше дело. Тогда мы будем в состоянии делать намного больше того, что мы делаем на этой скорбной земле, где нам приходится, подавая руку дру-

гим, смотреть так внимательно за тем, чтобы самим не упасть.

"Поэтому не надо огорчаться, если мы здесь, на земле, не видим плодов нашего труда: может быть Богу угодно, чтобы мы их собирали уже только после смерти".

*

Апостольская деятельность больного продлилась достаточно. Он чувствует себя лучше, хотя еще не выздоровел. Его руководители дают ему разрешение вернуться в Краков на его прежнюю работу.

Начинается новый этап, которого он давно желал.

В Д.П. поступают все новые члены, и "итальянский" зал для них уже слишком мал. Притом многие живут загородом, не могут приезжать и жалуются на это. Значит, надо как можно скорее создать центральное помещение. Надо также издавать бюллетень, хоть самый скромный и невзрачный.

Орденские руководители ничего плохого в этом не видели, "но при условии, чтоб вы нашли средства сами: монастырь слишком беден, чтоб вам их давать".

Ради любви к Пренепорочной Отец Максимилиан решился *просить подаяния*.

Впоследствии он признался, что это было ему очень трудно: он три раза поворачивал назад, прежде чем постучаться в первую дверь. Наконец, покраснев от стыда, он попросил денег на проект, казавшийся смутным и неосуществимым. Его первой жертвой стал один милосердный краковский священник. Несколько полученных подаяний и членские

взносы "дружинников", которые почти все были людьми бедными, дали возможность выпустить первый бюллетень. Он вышел в свет в январе 1922 г., в разгар кризиса, когда стремительно прогорали самые солидные журналы. Вышел он в свет смиренно, бедно, без шума и без обложки, с предупреждением "от дирекции":

"По недостатку средств мы не можем обеспечить нашим читателям регулярную доставку журнала".

Заголовок был громкий: "Рыцарь Пренепорочной". Сотрудников у бедного Отца Максимилиана не было. Заполнить первый номер ему пришлось почти одному, а литературного дарования в обычном смысле этого слова у него не было. Зато было у него нечто большее: прозрачная ясность стиля, меткость слова и тот священный огонь, который передается другим. Какое значение имели все препятствия? Он шел вперед.

Сдали в печать второй номер. Тем временем девальвация продолжалась. Когда надо было платить типографии, денег не было больше ни гроша.

Отец-игумен пожимал плечами: он же знал это заранее! "Вот что значит, дитя мое, доставать лопатой луну" (это польская пословица), "теперь ваше дело разбираться, как знаете, только чтоб не было нареканий на монастырь".

Тогда-то вступилась Сама Пренепорочная.

Отслужив обедню у престола Богоматери, растерянный редактор вдруг нашел конверт с тем именно количеством денег, какое было нужно для уплаты в типографию, а на конверте было написано неумелой рукой:

"Моей дорогой Маме, Пренепорочной".

Конечно, он побежал к настоятелю. Все поразились. "Совпадение" было таким явным, что спорить о нем не приходилось. Отцу Максимилиану дали разрешение распоряжаться этими деньгами, что он и сделал.

С этого дня издание маленького журнала стало непрерывным чудом. Если уже не было таких поразительных "совпадений", то совокупность множества мелких фактов говорит о более или менее непосредственном вмешательстве Провидения.

Человек, близко знавший Отца Максимилиана, однажды сказал нам: "В его жизни было два чуда, которых было бы достаточно для его канонизации. Во-первых, — его здоровье. У него осталась четверть одного легкого ! А затем — его дело. Начавшись с ничего, оно разрасталось вопреки здравому смыслу и всякому предвидению. Никто, и даже сам Отец Максимилиан, не мог этого понять. Впрочем, он говорил, что вполне этим доволен: с него хватало того, что тайну дела знала Пренепорочная !"

Конечно, его собратья не ободряли его. Безумное предприятие доказывало лишний раз, что у милого Отца Максимилиана — "не все дома". Некоторые были даже откровенно враждебны ему. "Не в духе отца нашего святого Франциска издавать журнал", — восклицал один из них, — "надо проповедовать и исповедовать".

Отец Максимилиан не возражал, он ждал, чтоб гроза прошла, а потом шел к начальству просить нового послушания.

На этот раз дело не шуточное, — речь идет о

покупке типографского станка, правда, старого образца, что, впрочем, не так уж важно. Причина: "за год мы пять раз переходили из одной типографии в другую, и это нас разорвет".

Отец Провинциал дает обычный ответ: "Разрешаю, но с тем условием, чтобы деньги достали вы сами".

А у Отца Максимилиана не было ни гроша. Что же произошло ?

В Кракове находился тогда Отец, незадолго до того приехавший из Америки посмотреть на "воскресшую Польшу". Однажды, во время рекреации, Отцы решили позабавить его за счет нашего бедного редактора. Один из них стал критиковать его журнал, "так плохо оформленный, такой незначительный и такого низкого уровня". Другой, смеясь, заявил, что вот "с этим" наш милый Отец намеревается покорить весь мир. Третий сообщил, очень забавно ему подражая, что бедняга мечтает о собственной типографии, — что за чушь, когда в кармане нет ни гроша и одни долги !

Отец Максимилиан "не защищался и не казался недовольным; от униженности он опустил глаза, прикрыл рот рукой и молчал".

Американскому Отцу эти шутки не очень понравились. Его, приехавшего из Соединенных Штатов, несколько не пугали "несуразные" идеи Отца Максимилиана, напротив, они помогли ему высказать свое собственное мнение. Что естественнее желания купить типографский станок ? Он сам поступал бы так же ! "А вы, дорогие Отцы, вместо того чтобы насмеяться над ним, лучше бы помогли ему и оплатили бы ему станок".

Затем, среди ледяного молчания, он повернулся к Отцу Максимилиану, смущенному более чем когда-либо:

– Для начала, вот вам маленький взнос.

Тут же он выписал ему чек на сто долларов. В те времена, это было целое состояние.

Таким образом Отец Максимилиан мог купить старый типографский станок в женском монастыре Милосердия Божиего, в Лагевниках близ Кракова, где в то время возрастала для Царствия Небесного, тоже святая, Сестра Фаустина – апостол бесконечного Милосердия.

Становилось невозможно его выносить. Он слишком шумел, будоражил весь монастырь. Добрым старым Отцам, привыкшим к сонному существованию, все это было уже неумоготу. Руководители с ужасом думали о его следующих просьбах, которые снова будут испытываться "святым послушанием", что превращало их в глашатаев воли Божией: положение поистине неудобное ! Пора было кончить. Стали искать спокойное место, куда бы его поместить.

Придумали: отправить его в Гродно, на другой конец Польши, в хиреющий монастырь – возражать там не станут. Предлогом послужит более здоровый климат этого старого восточного города, тоже, впрочем, пришедшего в полный упадок. Бедный рыцарь Пренепорочной засядет в глушь, зато в Кракове можно будет вздохнуть...

Много раз в письмах Отца Максимилиана встречается один и тот же горестный возглас: "О Краков, Краков!"

Один Бог знает, сколько он там страдал, и телом, и душой, а пошло это ему на благо.

Но не от личного страдания вырывался у него этот вопль, а оттого, что он видел, как будничная тина засасывает столько душ, давших обет совершенства. Он так страдал оттого, что под удар ставилось дело Божие.

IX

ГРОДНО ИЛИ ТАЙНА ЧУДЕСНЫХ УЛОВОВ

Чтобы вызывать чудеса, у святых есть прием, ускользящий от нашей близорукости. Их расчет очень прост: они делают все, что могут, и того *больше*, не считая расходуют свои силы, а когда исчерпают их до конца, говорят: "Теперь, Господи, Ты делай, я больше не могу". Бесконечная Любовь как бы прижимается к стенке.

Полностью наделенный хитростью святых, Отец Максимилиан взялся за безумное предприятие покорить мир, не имея для этого ничего, ни даже здоровья. Он хотел лишь одного: использовать до самого конца те немногие силы, которые у него оставались, каждое мгновение своей жизни и каждую каплю своей крови, стать жертвой и остальное предоставить Пренепорочной.

Во время своей болезни он однажды попросил положить его очки и часы к подножью статуи Пренепорочной. Подумали, что он бредит. Он улыбнулся и пояснил:

– Мои очки это – мои глаза, мои мысли, мой труд. Часы – это время, которое мне осталось жить. Все это принадлежит Ей, мне не принадлежит больше ничего, я все Ей отдал. Так пусть Она и делает со всем этим, что Ей угодно.

В Гродно, городе со славным прошлым, но пришедшем в полный упадок, он получил, чего хотел. Кроме разрешения духовного начальства у него не было никаких точек опоры, и начинать надо было с нуля. В помощь ему был дан один Брат и один послушник. Первый из них, Брат Альберт Ольшаковский, буквально надорвался в труде и умер от переутомления. Отец Максимилиан впоследствии часто призывал его в молитве как одно из своих "небесных подкреплений".

Когда он приехал, гродненский монастырь был в полном захирении. Ему не мешали, но и поддержки или понимания он не нашел у посаженных сюда старых монахов. Один только Отец игумен Фордон, стал понемногу примыкать к Отцу Максимилиану и в конце концов стал ценным помощником: был он также человеком больным, туберкулезным, и отправился работать среди тех, кто уже был на небе.

Монастырь был обширный и скромному журналу можно было отвести три свободных комнаты: в первой поместилась "дирекция", вторая называлась типографией, а третья предназначалась для экспедиции. Редакция находилась в келье Отца Максимилиана: весь пол в ней был завален газетами и журналами, так как ни полок, ни шкафов не было.

Станок, купленный за те самые сто долларов, был старой "кастрюлей", которую надо было крутить вручную. Требовалось 60.000 оборотов, чтобы напечатать 5.000 экземпляров журнала — это был тогдашний тираж. Весь "персонал" работал с утра до ночи, а нередко и всю ночь до утра. Работа была изнурительная и очень вредная для здоровья, т.к.

надо было часами стоять нагнувшись. Один из Братьев, в то время молодой, признается в своих воспоминаниях, что порой ему "становилось невмоготу" и "минуты казались часами".

Отец Максимилиан работал наравне с другими, и даже больше других, т.к. он не был освобожден ни от чтения иерейского часослова, ни от других монастырских обязанностей. Он должен был исповедывать, как и другие Отцы, иногда часами, и искупать свои журналистические "вольности" точным исполнением всех уставных правил. Часто посылали его к больным в отдаленные села и возвращался он уже только вечером, совсем разбитым после того, как его на многих километрах трясло в дрянной повозке. Братья также могли работать в типографии только по выполнении всех монастырских нарядов. Они подметали, рубили дрова, убирали комнаты Отцов. Питание в то время было совсем недостаточным. Монастырская касса нередко пустовала, а из кассы Пренепорочной никто из храбрецов этой маленькой группы ни за что на свете не взял бы ничего на покупку себе необходимого подкрепления. Деньги журнала шли только на увеличение тиража и на улучшение оборудования — работники не принимались в расчет !

Конечно, Отец Максимилиан никак уж не был безжалостным хозяином, скупым на зарплату и думающим только о выработке. Наоборот, он их сдерживал, а сами Братья, в пылу святого энтузиазма, умоляли его не щадить их сил, так как и они "хотят сгореть от любви к Пречистой". Правдивая история этого изумительного начала показывает Отца Мак-

симилиана замечательным вдохновителем. Он проповедует только своим примером, но *этого достаточно*. Героизм заразителен – и нередко труден только первый шаг. Маленькая редколлегия, сама этого почти не замечая, годами жила в атмосфере героизма.

Вскоре появился еще один Брат, с затаенной опаской: посылая его, Отец Провинциал нашел нужным предупредить его, что ему предстоит работать "с самым назойливым человеком какой когда-либо был". Свои трогательные воспоминания сообщил нам сам Брат Гавриил.

Пять тысяч экземпляров расходились быстро, но деньги продолжали обесцениваться и доходы были скудные. Делу это не мешало. Рабочая сила не стоила ничего и у маленькой группы было одно желание – увеличить тираж.

Время от времени – раз в несколько месяцев, – когда спрос увеличивался, они отправлялись делегацией к Отцу редактору, просить у него разрешения сделать еще большее усилие. Трогаясь до слез, Отец слабо сопротивлялся, потом писал письмо Отцу Провинциалу, прося разрешения увеличить тираж. Радостно один из Братьев бежал с письмом на почту, и дня через три Отец объявлял:

– Ну, детки, за работу !

Урывали еще несколько часов у необходимого сна, по вечерам спины болели еще немного больше, и после рассылки журнала немного больше крови сочилось из пальцев.

Отец Максимилиан трудился не только простым рабочим, часами нажимая на педаль станка и крутя

пресловутое колесо: он же писал и почти все статьи, наспех, "в свободные минуты", т.е. по ночам. Иногда ему приходилось писать их, по мере того как они набирались. Сотрудников было мало и талантливостью они не отличались. Поэтому успех журнала надо приписать исключительно ему самому.

Между тем, — повторяем, — у него не было ни одного из тех свойств, которыми обладают преуспевающие журналисты. Поражает в его статьях их логичность и простота. Но разгадка его успеха — в его внутреннем горении, в несказанной любви к Пренепорочной. Когда он начинает говорить о Ней, он невольно находит такие слова, которые трепещут и обжигают...

И вот, в то самое время, когда крупные журналы банкротились из-за девальвации, "Рыцарь Пренепорочной" из месяца в месяц увеличивал свой тираж. И бедные Братья, при всем желании, не были уже в состоянии удовлетворять весь спрос! Восхищенные читатели присылали требования на старые номера, а когда их больше не оказывалось, — умоляли всего только одолжить им редакционные экземпляры, "чтобы их переписать".

Большинство читателей — совсем простые люди. Отец Максимилиан писал не для университетской среды, а для масс. И поразительно, что этот молодой монах, обладатель двух докторатов, считавшийся среди своих профессоров будущим ученым, великолепно приспособлялся к народным запросам и умел писать с необыкновенной ясностью. Его небольшие апологетические статьи, в форме диалогов, могут считаться образцовыми. В привлекательной

форме "Рыцарь Пренепорочной" излагал, в общем, церковное учение, вкратце повторял катехизис, углублял почитание Божией Матери, столь близкое польским сердцам, давал ему верное направление и готовил к полной самоотдаче в руки Пренепорочной, что и было целью и смыслом существования Дружины.

Что же составляло экономическую основу этого беспрестанно развивавшегося журнала ? Ответ не вызывает сомнений: искание *во-первых* Царства Божиего, при спокойной уверенности в том, что все "остальное" непременно "приложится".

Прежде всего, журнал посылался *бесплатно* каждому, кто об этом просил. Понятно, что в таких охотниках до даровых абоннементов недостатка не было. Иногда Братья испытывали от этого легкий испуг, но никогда, до самого конца, Отец Максимилиан не соглашался отказаться от этой формы "пропаганды". Своим читателям он оказывал полнейшее доверие, но это и обязывало их совесть. Так, например, он писал: "Очень охотно мы предоставляем бесплатные абонементы всем тем, кто ничего не может дать на дело Пренепорочной, *даже если это заставляет нас лишать себя самих кое в чем*". И этого бывало достаточно... Начинали приходиться трогательные письма, и число их росло. Один писал: "Отказываюсь от курения, чтобы оплатить подписку за себя и за неверующего соседа". Или: "У меня была привычка после обедни ходить в шинок; больше туда не хожу, а эти несколько грошей жертвую Пренепорочной". Или еще: "Вместо того, чтобы купить себе платье, посылаю эти деньги вам, это позволит

вам предоставить несколько бесплатных абонементов".

Рабочие и крестьяне чувствовали своими этих трудящихся монахов, которые сами были крестьянскими детьми и изо всех сил работали во славу Пренепорочной. Отцу Максимилиану пришла счастливая мысль помещать репортажи со снимками Братьев, в монашеском одеянии работающих у станков и изготавливающих очередной номер журнала. Это произвело настоящий переворот. Раньше эти простые люди в большинстве своем наивно представляли себе монахов занятыми весь день только молитвой и во всяком случае не имеющими никакого отношения к трудовой жизни! Появлялись новые желающие принять постриг, но при том условии — говорили они — что им дадут возможность работать с Отцом Максимилианом. Положение становилось щекотливым, новое вино грозило прорвать старые мехи — устаревшие обычаи и заведенный быт монастырей. Отец Максимилиан изобретал новую формулу монашеской жизни, прекрасно отвечающую апостольским надобностям в современном мире: *монахи-рабочие в рабочем мире.*

По счастью, духовные руководители не прозревали будущего, которое наверно привело бы в испуг некоторых из них. "Имеем ли мы право отказывать желающим на том основании, что они ставят условием работать с этим сумасбродом Отцом Максимилианом?" — размышляли они не без тревоги. Дело в том, что они не были плохими монахами и помешать призванию кого-либо казалось им преступлением. Если бы только этот милый Отец оставил

их в покое и всю ответственность взял бы на себя ! Но нет, — вот что он пишет им: "Я буду слепо исполнять все ваши пожелания, потому, что они выражают мне волю Пренепорочной". Что с ним делать ? А если противореча ему в самом деле нарушишь волю Пренепорочной ? Кто на это решится ?

"Ну, — решили они, — пусть пока делает, а потом будет видно". Но "потом" стало уже слишком поздно: Град Пренепорочной с 700 Братьями невозможно ликвидировать одним взмахом руки. Журналами с почти уже миллионным тиражем нельзя распоряжаться так, как распоряжаются Братом-привратником. Добрые Отцы — и в особенности те из них, которые сначала относились к этому "мечтателю" с полным недоверием, — в конце концов почувствовали себя захлестнутыми его делом, способным соревноваться с самыми передовыми промышленными предприятиями и вместе с тем преисполненным пламенной любви: первоклассный работник, специалист в монашеском одеянии, полностью осуществляющий в жизни свое призвание, разве это не совсем замечательно и не совсем ново ? И что придумать более *актуального* ?

Пережитки феодализма создали в Польше глубокий разрыв между "Отцами" и "Братьями послушниками". Эти последние представляли низший класс, использовались для черных работ и жили отдельно. Но не этого хотел основатель Ордена, св. Франциск, который сам был простым "Братом" ! Возвращаясь к истокам, Отец Максимилиан вскрывал необычайную своевременность дела и мысли Ассизского Бедняка. Разве не преодоление классовых различий

было их основой? И в наше время, когда выдвижение рабочего класса стало *фактом*, не стало ли срочно необходимым дать ему верное направление? *Настоящий прогресс — прогресс духовный, или его нет вовсе.*

Отец Максимилиан никогда не отворачивался от прогресса. Немногие ощущали современность так, как он. И он знал, что его Братьям-рабочим, полностью посвятившим себя делу Пренепорочной, являющимся одновременно настоящими рабочими и пламенными апостолами, предстоит огромная миссия в нарождающемся мире труда, за который бескомпромиссная борьба идет между двумя религиями, двумя мистиками: Христа и нового Прометея. Исход ее, быть может, будет решен воинством Пренепорочной, которое Отец Максимилиан и после своего ухода на небо продолжает набирать.

Он был, бесспорно, несравненным воспитателем. Его гениальность расшатала слишком затвердевшие рамки монастырской жизни. На первый план, прежде занятый одними "Отцами", теперь выдвинулся Брат послушник, самым фактом своего "полного и безграничного" посвящения служению Пренепорочной. Достигая этого, Отец Максимилиан просто возвращался к истокам, следуя ясно выраженной воле основателя Ордена, "демократические" идеи которого в свое время произвели настоящий переворот. Есть вообще немало черт, сближающих его с Ассизским Бедняком: пламенная любовь к святой бедности, подвижническое послушание, стремление к мученичеству и в особенности беспредельная любовь. Она и покоряет ему все сердца. Как он умеет любить

своих "деток" – Братьев ! Его чуткость по отношению к ним была необычайна. Сам всегда заваленный работой, он мог чуть не каждый день писать письма, страниц по шесть, по семь, чтобы успокоить человека, слишком копающегося в своей совести. С какой любовью он принимал своих "заблудших овечек, блудных сынов" ! Постучаться к нему можно было всегда, даже ночью. Не удивительно, что призваний становилось все больше и больше. При этом он производил строгий отбор, прежде чем допускать людей к служению Пренепорочной и без колебаний отсылал техников-специалистов, если замечал, что их намерения недостаточно чисты. Ему требовалось все или ничего, и полумер он не признавал.

*

Тем временем в Гродно многие старые Отцы ворчали. Где это видано, чтоб простые послушники выполняли такие важные задания ? Чтоб их ставили на одну доску с другими ? Ведь каждый должен знать свое место ! И что делать с этим наплывом призваний ? Простая осторожность требует сохранять известное численное соотношение между "Отцами" и "Братьями". А если дело ваше лопнет, Отец Максимилиан ? Что мы будем делать с ними со всеми, когда они состарятся ? "А все эти заупокойные обедни, которые нам придется служить, когда они начнут умирать ?" (буквальная цитата). Не лучше ли было бы нанимать простых рабочих ?

На все эти возражения, у Отца Максимилиана был один ответ: *без посвящения нельзя быть достой-*

ным работать для Пренепорочной. Он скорее закрыл бы журнал, чем отдал бы его в руки равнодушных людей. Конечно, современное апостольство требует современного оснащения, но при условии сохранять первенство духовного начала. Дело Пренепорочной не может быть *просто* коммерческим предприятием, хотя оно и должно быть *образцовым* предприятием, отвечающим всем самым современным техническим требованиям: оно нечто неизмеримо *большее*.

В конечном итоге, то, что он делает смиренно и скромно, — или вернее: то, что его Владычице и Заступнице угодно совершать посредством Ее послушного служителя, — означает освящение трудового мира, сегодняшнего и завтрашнего, и духовное становление трудящихся. В Гродно Отец Максимилиан еще только наощупь начинает уяснять себе этот смысл своего дела, озаряемый светом Той, Которая его ведет.

Братья работают с великой радостью, испытывая недостаток во всем, даже в необходимом. От времени до времени, Отец ездит в Варшаву и привозит им оттуда подарки: ничего для них самих, но все на трудовое оборудование.

"Как дети мы бежали ему навстречу и радостно брали привезенное им: Брату Альберту — несколько килограммов типографских шрифтов и ящик краски; Брату Иоахиму — несколько скоб и проволоки; управлению — несколько стопок бумаги.

Отец Максимилиан ни за что не нанял бы извозчика. Вокзал был в четырех километрах от монастыря и "подарки" он тащил на спине. Однажды зимой он поскользнулся на гололедице и упал под тя-

жестью своей ноши. Вернувшись в монастырь, он радостно объявил: "Вот, детки, я упал, но к счастью ни один ящик не разбился !"

Бедны они были так, что сапоги (необходимые в Польше) и пальто были у них общие, в выходные дни на каждого производился "сбор". Брат Альберт получал блузу Отца Мельхиора, Брат Гавриил брал из скудного гардероба Брата Паскаля и носил его пальто "намного чаще самого владельца". У Отца Максимилиана номер обуви был к счастью тот же, что у Брата Зенона, который и носил все его сапоги, "уступая" их Отцу только тогда, когда тот уезжал в Варшаву. Одно только старое пальто Отца Максимилиана не меняло владельца, по той простой причине, что по ночам оно служило ему одеялом – другого у него не было.

В 1925-м юбилейном году работники Божией Матери решились на новое усилие, которое казалось форменным безумием: издать специальный "календарь", славословящий Пренепорочную, в 60 страниц, неслыханным тиражом в 12.000 экземпляров. Для этого надо было в течение трех месяцев отказываться от всех перерывов рабочего дня, сократить время сна и работать, как каторжники. В "редакции", когда Отец писал статью, Брат-типографщик, явившись, "вырывал ее у него из рук", чтобы нести ее к наборщику. Тогда Отец-редактор менял профессию, надевал блузу и шел крутить знаменитое колесо или нажимать на педаль бедной старой непослушной машины. Вечером он отсылал молодых Братьев спать и оставался вдвоем с Братом Альбертом – "округлить" дневную выработку, на что уходило иногда

несколько часов ! Раз ночью Отец Максимилиан диктовал поправки, держа в руке керосиновую лампу; вдруг она упала с грохотом — и пробудила его от сна, на мгновение его одолевшего. Другой раз он появился утром с огромной шишкой на лбу и со смехом объяснил испуганным Братьям, что накануне вечером он заснул, читая иерейский часослов.

Конечно, этот самый календарь не отвечал правилам рекламы. В самом начале редакция отметила все недочеты и принесла за них извинения. О какой либо определенной цене не было речи и дирекция объявила просто: "Дорогие читатели, если вы думаете, что этот календарь может зажечь в сердцах хотя бы одну искру любви к Пренепорочной, то не откажите распространять его..."

И вот, этот календарь оказался делом выгодным и принес совершенно непредвиденный доход. Можно сказать, что юбилейный год стал новым этапом в развитии дела. Это развитие ломает старые рамки и наводит страх на старых монастырских Отцов... К счастью, приехал Отец Провинциал. Он убедился в удивительных успехах журнала, благословил его, сам попросил быть принятым в Дружину Пренепорочной, а уже полностью ей сочувствовавшему О. Фордону он дал распоряжение отвести под типографию один из флигелей.

После его отъезда, оппозиция снова подняла голову и стала готовить саботаж этих планов. Братья растерялись. Что делать? Одному из них пришла гениальная мысль: разрешение у нас есть, со стороны святого послушания все в полном порядке, — так предупредим ход событий и поставим Отцов перед совершившимся фактом !

Сказано, сделано ! Встав ночью, как тати, они бесшумно пробрались в старую столовую, которая была им "уступлена", и, вооружившись кирками и топорами, принялись ломать печи и ненужные перегородки. Хорошо, что монастырь был велик, а Отцы спали сном праведных, так что этот адский шум их не разбудил... В шесть часов утра, Брат повар, придя по обыкновению готовить завтрак, чуть не упал в обморок "при виде этих исступленных, сновавших, черными как черти, в облаках сажи и пыли".

В ответ на расспросы, Братья простодушно пояснили что "хотели выиграть время" и поскорее занять помещение, — раз это было им разрешено.

Этот подвиг окончательно навлек на них неудовольствие старших. "Нас стали называть буйными сумасшедшими, — невозмутимо пишет Брат летописец, — но мы это терпели в духе покаяния и смирения".

Хоть бы после этого Отец Максимилиан притих ! Так нет же: в занятую таким образом бывшую столовую предстояло поставить новые машины. Откуда Отец достал деньги для этих крупных покупок, никто не узнал никогда. Но в один прекрасный день на Гродненском вокзале появились большие таинственные ящики. Машины произвели сенсацию. Никто на своем веку еще не видал ничего подобного, — так они были совершенны и вместе с тем сложны. Неизвестно было даже, как за них взяться. Были и довольно драматичные минуты, когда некоторые моторы, приведенные в действие, больше не желали остановиться, а один из них "стал стрелять как пулемет" и вызвал среди Братьев настоящую панику.

Даже Отец-редактор, при всей своей находчивости, встал в тупик: машины тут, а как с ними справиться ?

Но "случайно" в это самое время появился молодой механик, специалист именно этого дела, и попросился в "команду Пренепорочной". В опытных руках Брата Франциска-Сальского, самые неподатливые машины превратились в ягнят и все пошло как по маслу.

Настоящей позмой была история приобретения дизеля. Отец Максимилиан с Братом Зеноном отправились к его владельцу, Боровскому, по обыкновению читая всю дорогу "Радуйся Благодатная". Придя к месту назначения, они увидели над мотором маленькое изображение Божией Матери. "Мотор наш", шепнул Отец Максимилиан своему спутнику, — "смотри !"

Действительно, после довольно продолжительного разговора, сделка состоялась — со скидкой в 35 %. Достойный г-н Боровский сам установил мотор в новой "типографии". За этой работой он под строжайшей тайной поведал одному из Братьев, что уже двадцать лет не исповедовался... Тот, конечно, тоже под секретом, рассказал об этом другому, и печальное сведение скоро облетело всю общину. Что делать ? Об исповеди Боровский и слышать не хотел.

— Молитесь, детки, — сказал Отец Максимилиан, — молитва все может ...

В один из вечеров Братья пригласили "милого нераскаянного" пойти с ними в церковь.

— Да ноги моей там не бывает, — отнекивался он.

– Ничего, – возразил один из Братьев, – когда-нибудь надо же начать ! Да вас никто и не увидит – вы будете с нами, около алтаря.

Это его убедило. Но на свое "несчастье" он очень "некстати" встал на колени у исповедальной решетки. Проходя мимо, Отец Максимилиан увидел его, возрадовался, надел епитрахиль, сел на стул по ту сторону решетки и спросил:

– Вы, дитя мое, сколько времени уже не исповедовались ?

"Милый Боровский попался", – сообщают летописцы. – По прошествии некоторого времени, довольно продолжительного, он поднялся, с глазами красными от слез, закончив исповедь и получив отпущение. После этого, время, проведенное им в церкви, уже не казалось ему слишком долгим !"

– Видите, детки, как отплатилось ему за услуги ? – сказал, сияя, Отец.

*

Для тружеников Божией Матери можно было ожидать некоторого успокоения, в условиях, ставших наконец приемлемыми.

Но нет. Не таковы пути Пренепорочной. Новые испытания градом посыпались на гродненскую редакцию.

Началось с очень серьезного рецидива болезни у Отца Максимилиана. Его начальство спешно отправило его в Закопаны, где ему предстояло пробыть полтора года. Его брат, Отец Альфонс, заменил его, желая лишь одного – идти точно по его стопам. Но

не те были у него дарования и размах. То, что доставало ему от природы, он возмещал смирением и навсегда остался вернейшим сотрудником Отца Максимилиана. Теперь же он должен был разбираться один, т.к. его брату было велено "не думать об издательском деле". Тот, разумеется, подчинился буквально, подвижнически избирая путь послушания. Вскоре ветеран группы, Брат Альберт Ольшакковский, почти прямо от земной работы перешел в "небесные подкрепления".

Под этими ударами, которые должны были бы прикончить его или по меньшей мере остановить его развитие, маленький синий журнал, вопреки всем человеческим предвидениям, распространялся все больше и больше и тираж его круто подымался.

В Закопанах Отец-редактор спокойно отдался опять занятиям больного: страдал и молился, молился все время.

"Когда на меня, порою, находит искушение тревожиться, — писал он своему брату, — я сразу говорю самому себе: глупая голова, о чем ты беспокоишься? Это разве *твое* дело? Если все принадлежит Пренепорочной, то не Она ли сама устроит все? Следуй только Ее водительству!"

Х

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК И ЕГО МЕТЛА ОСНОВАНИЕ НЕПОКАЛАНОВА

Не надо думать, что он был бесчувствен к страданию. Святые страдают как все люди, и даже больше, потому что их чувства особенно тонки и даже всякая мелочь их задевает. Сущность страдания в его кажущейся бессмысленности: "зачем?" Как и смерть, которую оно предвосхищает, оно противно природе и поэтому крест не перестанет быть "соблазном" до скончания времен.

Святые не бегут от него и не стараются овладеть им, — они попросту его принимают, в святом неведении веры. Зерну, которое умирает, не дано знать о будущих жатвах. Придет день, когда это ему откроется во всем своем блеске ...

Вторичное пребывание Отца Максимилиана в Закопанах оказалось самым тяжким испытанием в его жизни. Он чувствовал себя как бы эвакуированным с фронта солдатом, инвалидом, ни к чему больше не годным. Врачи не оставляли ему много надежды. В своих письмах он часто заговаривал о своей смерти: "Для дела, может быть, было бы лучше, чтоб меня больше не было там".

Он страдает от мысли, что стал обузой, а может быть и препятствием. К физическим страданиям добавляется нравственная мука. Вокруг него мрак, он ничего не видит, не понимает, жизнь едва теплится в его душе. В письмах брату он старается себя сдерживать, чтобы не сказать слишком много. Прежде он с ним беседовал от избытка сердца, в светлой радости. Теперь он касается одних узко технических тем и только отвечает на вопросы. О своей душе — ни слова. О своем идеале — всего лишь редкие и робкие намеки. Время теперь не для слов, а для плодотворного молчания. Его Владычица назначила ему послушничество более суровое, чем во Львове. Впоследствии он много раз говорил об этом "огненном испытании": душа такого закала, как у него, должна была, чтобы служить, полностью освободиться от всего постороннего.

В одном очень показательном письме он предупреждает гродненских послушников от влечения к слишком "ощутительным" дарам благодати: "Вы должны быть готовы к периодам тьмы, беспокойства, неуверенности, боязни, искушений, иногда очень изнурительных, физических страданий, но также и моральных, неизмеримо более острых ..."

В этой страшной буре, что было его якорем спасения, маяком и единственной надеждой? Та, Которая всегда побеждала зло и Сама стала светом навеки. Тем лучше, если он Ее больше не видит. Пришло время проявить самую большую любовь — ту, которая дает, ничего не прося в обмен. С этого времени во всем, что он пишет, появляется новая нота — щемящей кротости: отзвук окончательной самоотдачи, свершающейся среди мрака.

"Не полагайтесь ни в чем на самих себя, но со всеми вашими искушениями и испытаниями отдайтесь Пренепорочной и вы несомненно победите". Это же письмо он заканчивает следующим трогательным пожеланием:

"Желаю вам любить Ее так, чтобы вам стало совсем невозможно жить без Нее ..."

*

Несомненно, не человеческие средства поставили на ноги этого умирающего. При всей своей обычной сдержанности, он раз – только один раз – осторожно на это намекнул:

"Когда все средства оказались бессильными, когда меня сочли конченным, и мои начальники признали меня уже неспособным ни на какую работу, – вот тогда Пренепорочная подобрала эти жалкие обломки, годные уже только для мусорной ямы. Она взяла это ничтожество и использует его для распространения славы Божией ! Представим себе великого художника, который писал бы шедевр дрянной метлой: этот художник – Божия Матерь, а метла, – это я".

Подготовка продлилась достаточно. Отныне никакой успех, никакое достижение и никакая победа не подвергают его опасности возгордиться: он всего только бесполезная старая метла, но эта метла в руках великого художника.

Тем временем в Гродно, вопреки всем предвидениям, журнал процветает и тиражи круто продолжают идти вверх: 12.000 экземпляров в 1924 г.;

30.000 в 1925; 45.000 в 1926. Старый гродненский монастырь всем этим захлестнут. Отцы ропщут, и их можно понять: жить со святыми неудобно. Правда, Отец Максимилиан отсутствует, но у его брата одно желание – подражать ему во всем. А это значит – идти вперед, всегда вперед !

Старые Отцы практичны. Идеал Ассизского Бедняка слегка стерся в течение веков, подвижнический период Ордена ушел в прошлое. Старые Отцы не любят слишком смелых предприятий. Почему, – спрашивают они, – не остановиться вовремя ? Положим капитал в банк, у нас будут доходы, которые позволят понемножку продолжать дело и помогут нам жить.

Отец Максимилиан не сдается. Дело Пренепорочной не может быть "доходным предприятием" ! Он пишет из Закопан: "Наша цель – покорить Христу, через Пренепорочную, весь мир и все души, без всякого исключения, а никак уж не эти проклятые доходы, как вообразил недавно один из наших Отцов: "Перестаньте же развиваться, хватит машин, теперь у нас будут доходы ...". Это означало бы – принять средства за цель ! "у нас будут доходы"... А тем временем пусть души гибнут, пусть диавол одолевает все больше, пусть процветает безбожная печать ... Мещанство и больше ничего !"

Обычно такой спокойный, он на этот раз не выдержал, – его задели за живое. Со времени св. Франциска, права святой бедности редко защищались с таким упорством и с такой горячностью. Но защищал он дух, а не букву. *Eго* бедность выглядит очень по-современному. Ее можно выразить в двух

словах: *ничего* для себя, *все* для Бога через Пренепорочную. Нам – недостаток во всем, грубая пища, жалкие бараки, заплатанная одежда. Ей – образцовые цехи, новейшие машины, все что дает современная техника, самый ускоренный транспорт.

Своей Владычице он хотел бы отдать все достижения человеческого гения, вдохнуть душу и высокий идеал в самый узко-технический труд, освятить цехи, машины, самую невзрачную работу как и самую сложную, ввести все орудия производства в хвалебную песнь.

Ясно, что такие идеи должны были пугать некоторых Отцов, видящих только букву. И не они одни соблазнялись. Одно высокопоставленное духовное лицо, приехав однажды "посмотреть", сказало Отцу Максимилиану, показывая пальцем на мощный ротационный станок:

– Что сделал бы святой Франциск при виде таких дорогих машин ?

– Он засучил бы рукава, Владыка, – ответил Отец Максимилиан, – и стал бы работать с нами.

Все же подвиг действует заразительно и некоторые из его собратьев по Ордену, прежде усиленно вставлявшие ему палки в колеса, с течением времени превратились в его пламенных сотрудников.

Кризис был в полном разгаре, когда Отец Максимилиан вернулся из Закопан. Надо было перебраться на новое место, и как можно скорее. Но куда и как ?

До сих пор мы бывали не раз на грани чудесного, теперь мы вступаем в атмосферу постоянного чуда. "Совпадения" следуют одно за другим. При-

ходит добрая весть: под самой Варшавой продается участок земли. Отец Максимилиан вступает в переговоры, едет посмотреть, приходит в восторг и прямо в поле ставит статуэтку Пренепорочной, тихонько говоря Ей: "Владычица, да будет угодно Тебе принять во владение это поле и эту землю, — это именно то, что нам надо".

Но Отец Провинциал нашел, что это слишком дорого, и сказал "нет". Бедный Отец склонился как всегда и даже не попытался спорить. Боялся он только одного: "проявлением своей собственной воли пойти наперекор воле Пренепорочной, проявляемой через волю духовного начальства". С тяжелым сердцем он отправился к владельцу, князю Друцкому-Любецкому, сообщить, что покупка не состоится.

— А что мне делать со статуей? — спросил князь.

— Пусть там и остается, — ответил Отец.

Князь задумался на мгновение и вдруг сказал:

— Ну, так берите с ней и землю! Уступаю вам ее даром.

Тут же он написал письмо Отцу Провинциалу, сообщая "новые условия дела".

В Гродно пришло окончательное разрешение. Отец Максимилиан вскрыл письмо в цехе, где печатался новый номер журнала, и сказал Братьям-работникам:

— Станем, детки, на колени и поблагодарим Божию Матерь.

Под гул моторов они трижды прочитали "Радуйся, Благодатная".

Первая группа уехала сразу — подготовить уст-

ройство на новом месте. Под ласковым взором Пренепорочной началось строительство барачков. Для найма рабочей силы они были слишком бедны: надо было обходиться теми средствами, какие были под рукой, и как можно экономнее, чтобы не нанести ущерба журналу. Окрестные крестьяне из жалости приносили провизию этим "совсем не гордым" монахам, которые сами не думали о еде и приходили по утрам всего только с большими краухами хлеба в руках. Крестьяне сделали и еще больше — стали помогать им в работе. Их святой союз был скреплен в общем поте и в общем труде. С того времени народ стал говорить о Граде Божией Матери: "наш" Непокаланов.

Отец Максимилиан на всех работах был первым и не щадил себя. Дело было в октябре, и каждое утро окрестные поля покрывались инеем. Спать приходилось нередко под открытым небом или в бараках, где еще зияли дыры вместо окон. Каждый день он ездил в Варшаву и возвращался нагруженный пакетами. А ведь за год до того врачи предписали ему жить "очень спокойно, очень размеренно, с усиленным питанием, много спать, много лежать на кушетке и в особенности никогда не носить ничего тяжелого". Как же он справлялся? Это тайна Той, Которая есть Спасение немощных. Ни в год основания Непокаланова, ни в последующие годы, у него не было серьезных рецидивов болезни, несмотря на изнурительную работу и недостаток сна, к чему вскоре присоединился еще и нездоровый климат. До самой смерти он не уйдет со своего поста.

Рабочая бригада Божией Матери окончательно

покинула Гродно 21 ноября 1927 г., в день Введения во храм. Приехав на следующий день в Непокаланов, они сразу же отправились помогать на стройке тех барачков, которые предназначались для типографии. Еду готовили под открытым небом, самую простую: время терять было нельзя. К счастью, крестьянки из окрестностей, пораженные таким энтузиазмом и такой бедностью, стали изо дня в день заботиться о продовольствии для этих по-монашески одетых рабочих, которых они называли просто "братишками".

Вначале лишения были чрезвычайны. Пришлось делать сборы на самое необходимое. "Даже евреи нам помогали", отмечает с восхищением Брат Зенон.

Ясно, что новым послушникам пришлось пройти тяжелое испытание. "Когда я приехал, — рассказывает один из Братьев, — я был по-настоящему потрясен. — Где же монастырь? — спросил я одного из крестьян. — Вон там, — ответил он мне. — Где это — там? — Посмотрите хорошенько: видите вон те бараки? — Смотрю и вижу всего только несколько деревянных лачуг, совсем низких и едва побеленных. Спрашиваю с изумлением: — Это вот монастырь? — Ну, да, — отвечает крестьянин, — и, видно, они там очень довольны, поют ..."

"Принял меня сам Отец Максимилиан, — продолжает свой рассказ этот Брат. — Он возвращался с работы и выглядел очень утомленным. Он посмотрел на меня своими добрыми глазами, словно мать, и сказал: "Ты должно быть устал и голоден. Пойдем, дитя мое". Он дал мне поесть и попить, а потом сказал: "Если ты любишь Божию Матерь, если целиком принадлежишь Ей, то, сынок, будешь счаст-

лив, очень счастлив !" И он смеялся, говоря это, и весь сиял. Я подумал про себя: "Что он говорит, то и есть его жизнь". И вдруг почувствовал себя очень довольным и с тех пор был счастлив всегда. А в нем я нашел отца и мать".

Та же черта все время, с трогательным постоянством, встречается в свидетельствах непокалановской братии.

"Не думаю, — пишет другой Брат, — чтобы отец или мать когда-либо так любили своих родных детей с такой заботливостью и лаской, как любил нас Отец Максимилиан". И еще другой: "Я его любил как отца и мать, и больше того, потому что я действительно в нем нашел мать и отца". И еще: "С ним я чувствовал себя как малый ребенок на руках своей матери".

Отец Максимилиан очень ясно сознавал это духовное отцовство. Вслед за апостолом Павлом, он часто повторяет в своих замечательных письмах: "Я породил вас во Христе Иисусе". Нередко он советует начальникам обращаться с ними "по матерински", т.к., — говорит он, — "чтобы прийти сюда, они оставили все, и иногда эта жертва бывала тяжелой: нужно поэтому, чтобы они у нас нашли новую семью, настоящую".

XI

В НЕПОКАЛАНОВЕ

С того дня как они оказались у себя, — или, точнее, в поместье Пренепорочной, которым стал Непокаланов, — их радостная смелость больше не знала пределов. И начался головокружительный подъем, восхищавший одних, смущавший других, вызывавший и восторги, и взрывы ненависти, и гонения. Тираж журнала возрастает из года в год в почти геометрической прогрессии: 50.000 экземпляров в 1927 г.; 81.000 в 1928; 117.500 в 1929; 292.750 в 1930; 432.000 в 1931; 700.000 в 1935; в 1939 — миллион !

Пока это еще только один ежемесячный журнал. Но разве можно остановиться на этом ? А дети ? Появляется новый журнал для них — "Маленький Рыцарь Пренепорочной". А за пределами Польши — многие ли читают по-польски ? "Нам необходимо мировое агентство печати", — заявляет Отец Максимилиан и пускает в ход латинский журнал, — "Воин Пренепорочной", который должен привлечь духовенство всех народов и стран.

И это еще не все. Уже с давних пор польские епископы указывают на потребность в такой газете, которая была бы определенно католической по

своему направлению, хорошо составлялась бы и вместе с тем отвечала бы запросам масс, держась вне и выше всякой партийной борьбы и частных интересов. Попытки к этому делались несколько раз — и каждый раз, уже через несколько месяцев, кончались плачевной неудачей: трудное дело — сохранять в газете открыто католический и правдивый дух ! К тому же, широкая пресса в Польше смотрела за тем, чтобы у нее не возникало конкурентов.

То, что другие пытались делать безуспешно, решила предпринять рабочая бригада Божией Матери, и ей это удалось сразу же. В мае 1935 г. вышел в свет первый номер газеты "*Малый Дзенник*", сразу же завоевавший широкие читательские круги. Очень хорошо составленная, очень дешевая, в цветах Божией Матери — белом и синем, газета проникает всюду, продается повсеместно молодыми добровольцами, которые в восторге от того, что их взяли "на службу Божией Матери". Ее массовое распространение нарастает так быстро, что директора преуспевших больших газет приходят в крайнее волнение. Такой конкуренции со стороны "бедных Братьев" они не предвидели никак. Вне себя, они наблюдают стремительное сокращение своих оборотов, тогда как "никчемный листок", как они презрительно его называют, всюду получает признание и доходит до народного сердца. "Вам легко, — кричат они в бешенстве, — ваша рабочая сила вам не стоит ничего !" Отец Максимилиан возражает с улыбкой: "А вы почему не поступаете, как мы ?"

Поразительный успех газеты не объясняется одной только смехотворной ценой в 5 грошей. Чего

не знают директора больших газет, и чего они даже не поняли бы, это — действительная исходная точка "Малого Дзенника". Перед появлением первого номера триста двадцать семь Братьев-работников девять суток молились день и ночь перед Святыми Дарами, постились и горячо призывали "Владычицу предприятия", чтоб Она помогла их начинанию. Только после этого, а не раньше, они пустили свои мощные ротационные машины. У этих на редкость умелых рабочих молитва *всегда* предшествует действию, иерархия ценностей у них соблюдается строго. Но оттого, что духовному отводится первое место, материальная сторона не страдает ничуть, даже напротив. Эти созерцатели в то же время — великолепные техники, высоко квалифицированные во всем, все время следящие за новыми усовершенствованиями, за прогрессом. Здесь сказывался практический гений Отца Максимилиана: в Непокланове он хочет святых рабочих, святых по-настоящему, а значит и всецело преданных своему долгу. Он терпеть не может любителей и часто повторяет в своих письмах старое правило: "Что делаешь, делай хорошо".

Посмотрим, как все происходит на месте, и сделаем прыжок в 9 лет с того дня, когда Отец Максимилиан на голое поле водрузил маленькую статую Пренепорочной. Теперь перед нами целый поселок, издали выглядящий обыкновенным промышленным городком.

Брат привратник, улыбаясь, ведет нас к Отцу игумену, возглавляющему это огромное предприятие. Мы входим в комнатку площадью ок. 9 кв. мет-

ров, побеленную известкой. Стол, две табуретки, две полки с книгами, все белого дерева, в одном углу железная кровать с тазом под ней — вот вся мебелировка. На столе телефон и, конечно, статуэтка Пренепорочной. Эта строгая бедность, которую здесь мы находим повсюду, имеет свой стиль и свое величие. Бесвкусицы в Непокаланове не найти.

У Отца игумена, взгляд кроткий, очень живой и очень пронизательный. Совсем не удивительно, что некоторые Братья приписывают ему дар "читать в душах". Он поглаживает свою густую седеющую бороду и часто улыбается какой-то детской улыбкой, показывая при этом все свои зубы. Вид у него не больной, но очень утомленный. Недавно он вернулся из Японии.

Принимает он нас с францисканским гостеприимством, немедленно сообщая по телефону Брату повару, что "тут вот друзья, которым, я думаю, чашка чаю доставила бы удовольствие". Через мгновение появляется совсем молодой Брат, с сияющей улыбкой несущий большой поднос с чайником и жестяными стаканами. В Непокаланове фарфор запрещен и все гости, начиная с папского нунция и кардиналов, должны довольствоваться этой жестью, что они и делают с полным добродушием.

На вопросы Отец отвечает с большой простотой. Он старательно избегает всего, что касается его лично. Чувствуется, что он в самом деле считает совершенно второстепенным свое собственное участие в этом огромном деле. Но едва речь заходит о Божией Матери, как он оживляется и лицо его светлеет: "Пренепорочная наша Царица, в Ней вся

наша жизнь. Она и делает все. Через Нее мы хотим покорить Христу все души, во всем мире, нынешние и все те, которые еще будут до скончания времен!"

Говорится это с таким пылом, таким проникновенным голосом и с таким просветленным лицом, что сразу становится понятным, какая ослепительная реальность таится за этими бесхитростными словами и воплощается в этих скромных бараках.

Идем по цехам. В каждом из них, на видном месте, стоит статуя Пренепорочной. Каждая смена, приходя на работу, становится на колени, краткой молитвой посвящает Ей свой труд и немедленно расходится по местам. Во время работы молчание обязательно. Нарушить его можно только в случае крайней необходимости и только шопотом. В огромных цехах слышен только гул моторов, свист приводных ремней и ритмичный стук мощных ротационных машин, выбрасывающих в час 20.000 экземпляров журнала, уже сброшюрованных и готовых к отправке. Ими немедленно завладевает другая рабочая бригада, занимающаяся сортировкой и изготовлением адресов. Здесь работают по системе троек, несомненно тэйлоровской, с максимальной производительностью. Один из Братьев, специалист, довольный привезенными из заграницы машинами для адресов, изобрел новую модель, которая вскоре получила премию на выставке в Познани: она вдвое ускоряла работу. Здесь тоже соблюдается молчание. На молодых сосредоточенных лицах много радости и некоторая усталость — день идет к концу. При появлении Отца игумена, все головы поворачиваются к нему, все лица встречают его улыбкой. Он привет-

ствуется их, как всегда, одним словом: "Мария". И в ответ они произносят то же святое имя: "Мария".

По всем этим цехам разлито нечто неопределимое, захватывающее самой своей невесомостью. Под умелыми и посвященными святому делу руками эти машины подлинно *творяют молитву*. Труд, узко технический и выполняемый с совершенной компетентностью, все время как бы переходит в богослужение, благодаря вдохновляющей его святой любви. Эти рабочие говорят о "сестре" машине и о "брате" моторе с тем самым выражением, с каким святой Франциск говорил о птицах и цветах, — и, конечно, он был бы с ними согласен.

Сам Отец Максимилиан однажды воспел хвалу "брату мотору", которому предстояло войти в строй:

"Чего ему пожелать, — говорил он, — как не верной службы его Царице и Владычице? Сейчас его благословят — это его вступление в послушничество, оно продолжится столько времени, сколько понадобится для его установки и регулировки, а когда его пустят в ход — это будет принесение им обетов. Чего еще ему пожелать? Чтоб он работал долго? Чтоб у него было много товарищей? Чтоб он работал продуктивно? Нет, ничего больше я ему не пожелаю. Что бы он ни делал, важно только одно: чтоб он слепо следовал велениям Божией Матери. Хороший монах не оттого "хорош", что он много делает, а оттого, что он послушен. Стало быть, "брат мотор" будет хорошим монахом, если будет делать то, что через Брата-механика велит ему Пренепорочная. Если Ей угодно, пусть он испортится завтра же; а если Ей угодно, пусть работает сто лет и

больше и пусть зарабатывает нам на приобретение других братьев-моторов ..."

Это ли не язык сказаний о святом Франциске ?

Показательно, что в этой рабочей республике на только шесть Отцов приходится более семисот Братьев, которым поручено все и, во имя святого послушания, предоставлена самая широкая инициатива. Организаторский гений Отца Максимилиана никогда не желал "слепых орудий", и никто не старался так, как он, воспитывать чувство ответственности и изобретательский дух. Каждый Брат имеет право определиться в ту отрасль, которая подходит ему больше всего, и просить о переходе на другую работу, если он устал от прежней. Разумеется, "святое послушание" может иногда оставить его на прежнем месте, но только по совершенно ясным, очевидным причинам. Отец Максимилиан не терпит бессмыслицы — и чрезмерной специализации. Он желает, чтоб каждый Брат в конце концов знал все отсеки своей специальности и поэтому переводит его из одного цеха в другой. В Непокаланове не "роботы", а рабочие, сознающие достоинство своего призвания и облагороженные полной самоотдачей, превращающей их в сотрудников Господа Бога.

В управлении Непокаланова имеется особый ящик с надписью "Изобретения и проекты", и каждый Брат имеет право класть в него свои предложения улучшений. Их рассматривает особая комиссия, и очень часто они находят применение. Глядя на эти открытые, молодые и умные лица, перестаешь удивляться тому, что за Непокалановым числится несколько патентов.

– Много ли новых поступает к вам ? – спрашиваем мы Отца.

– О да, – отвечает он, – каждый год является около 1.800 желающих, но мы производим строгий отбор и в конце концов принимается только около сотни, а из этой сотни едва человек пятьдесят доходят до пострига. Нам нужен отбор, потому что ... (он запинается на мгновение) – Непокаланов должен быть школой святых.

Среди поступающих много квалифицированных рабочих, отлично зарабатывавших в мирской жизни. Есть и окончившие высшее образование: архитекторы, инженеры, кандидаты наук. Непокаланов полностью обслуживает себя сам, в нем представлены все профессии.

На первый взгляд Брат рабочий ничем не отличается от Отца редактора. Та же поношенная и заплатанная одежда, та же пища. Отец Максимилиан не допускает никакой дискриминации. Ко всем, Отцам и Братьям, отношение одно и то же, и оно *должно* быть одинаковым; за всякое нарушение устава строго взыскивается. Единственная привилегия руководителей – иметь свои отдельные келии, меблированные точно так, как у Отца игумена. Большинство Братьев спят в огромных дортуарах.

Существуют красочные рассказы о вспышках "святого гнева", которые происходили у Отца Максимилиана тогда, когда он узнавал о каком-нибудь преимуществе, тайком устроенном для него. Каждый раз, когда он находил в своей келии новую одежду, он неизменно спрашивал: "Все ли Братья получили то же самое ?" Иногда приходилось прибегать ко

всяким хитростям, чтобы заставить его надеть новую фуфайку или подменить новыми ботинками старые, совершенно изношенные.

В привилегированном положении у него были только больные. Им – особое питание и все, даже самые дорогие лекарства, в каких они только нуждались. Им – самые выдающиеся специалисты, самое дорогое лечение и самые большие удобства, какие только возможны. Отец Максимилиан буквально балует их. Слишком долго был он сам тяжело болен, чтобы не знать, сколько можно выстрадать в больнице. Даже в дни самой горячей работы он обходит своих "милых больных", чтобы сказать им как весь Непокаланов рассчитывает на них. На не совсем уместный вопрос посетителей: где в этом улье работают больше всего? – он отвечает тем, что ведет их в окруженный соснами дом отдыха и, указывая на своих "дорогих больных деток", говорит:

– Здесь.

В столовой – огромные столы белого дерева и, конечно, в глубине небольшой престол, осененный Пренепорочной.

Перед трапезой молятся. И как молятся! Каждое слово отчеканено, выделяется и заряжено несказанным горением. Хором все они повторяют стих апостола Иоанна, тот самый, который посетителям не раз доводится слышать в Непокаланове: "Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем". Слушая их, понимаешь, что собрала их и хранит их любовь, – не идея и не миф, а Тот, Кто *есть* Любовь.

Пища простая, но хорошая и обильная. Голодных

в Непокаланове нет. Едят на жестяных тарелках, такими же ложками. Обычно царит молчание, строго соблюдаемое. Отец Максимилиан придает этому большое значение: "Как хотите вы слышать голос Божий, — говорит он, — если так шумите? Бог говорит к вам, но в молчании ..."

Руководители предприятий, из любопытства приезжающие "посмотреть" (ведь Непокаланов начинает вызывать и благоговение, и ... соблазн), очень скоро начинают ощущать головокружение и теряются совершенно. "Ничего не понять, — заявил, смеясь, один из них, — техника прогуливается с мистикой под ручку!"

Чтобы действительно понять их, надо побывать с ними в часовне. Это тоже простой барак (на его месте будет воздвигнут собор, но Отец этого уже не увидит). Барак этот до отказа заполняют коленопреклоненные молодые монахи. Молятся они так горячо, так проникновенно, что их лица сияют.

Это передовое промышленное предприятие, побивающее рекорд за рекордом и считающееся образцом технической эффективности, глубоко укоренено в сверхприродной реальности.

Это и навлекает на него столько гонений, клеветы и бешеной злобы, не только адских сил, но и некоторых "благонамеренных", старающихся согласовать Бога с Маммоном.

Но порой и противники не могут не воздать ему должного.

Однажды в Непокаланов приехали по делу евреи. Осмотрев все, один из них признался Отцу Максимилиану:

— Я коммунист (до войны коммунистическая партия в Польше не имела легального существования), но я должен сказать вам, что впервые я вижу наши идеи осуществленными. Настоящие коммунисты — это вы !

В его устах это была, несомненно, самая высшая похвала.

XII

В СТРАНЕ ВИШЕН В ЦВЕТУ

В былые времена "меньшие братья" – францисканцы отправлялись по-двое возвещать миру Благоую Весть. Теперь они пользуются услугами "сестры-машины", чтобы рассылать во все концы света бесчисленные печатные тексты. Каждой эпохе – свои приемы; Отец Максимилиан с радостью принимал всякое изобретение и немедленно овладевал им, чтобы "освятить его".

"Все достижения человеческого гения, – говорил он не раз, – следовало бы поставить на служение Богу и Его прославление через Пренепорочную".

Накануне войны у него был проект создать на участке Непокаланова авиационную площадку для четырех самолетов ("в ожидании лучшего"). Он оборудовал отлично действовавший радиопередатчик. И намеревался пригласить самых лучших актеров для съемки католических фильмов !

Все его слова и дела свидетельствуют о несокрушимом христианском оптимизме, безусловно верящем в конечное торжество добра. Он не осуждает и не порицает ничего, кроме греха, и не только не отворачивается от своей эпохи, а принимает ее с распростертыми объятиями, чтобы охватить ее –

и освоить. Ему не пришло бы в голову призывать огонь небесный на плевелы: он знает, что пшеница, раньше их посеянная Господом, борется с сорняками. В его письмах не раз встречается призыв к терпеливому отбору: нужно, писал он, и в лжеучениях находить запрятанные в них зерна истины, брать то, что наше, а остальное пусть тогда умирает от самоистощения. Это в ысшей степени положительный метод, гибкий, и очень опасный для противника потому, что овладевает его же оружием и бьет его на его собственной территории. Об отношении О. Максимилиана к коммунизму можно было бы написать целую главу. Ведь это ему пришла гениальная мысль применить к служению Пренепорочной, в Непокаланове, первую пятилетку.

Казалось бы, ему должно было хватить развивающегося дела и этих широких планов. Но Польша была не единственным объектом его апостольских стремлений, а лишь базой для дальнейшего. Прошло едва три года после основания Непокаланова, когда стремительно развивавшееся дело требовало, казалось, всех его сил и труда, а он уехал с миссионерской целью.

В один прекрасный день он встретился в поезде с японскими студентами. Завязалась беседа и он, естественно, предложил им чудотворные медали – свои "пульки", всегда имевшиеся в его карманах. В обмен студенты подарили ему деревянных слоников – это были их амулеты. С того времени он не переставал думать с глубокой жалостью об этих душах, не знающих Бога.

Однажды он явился к Отцу Провинциалу и про-

сто заявил, что хочет поехать в Японию и основать там японский Непокаланов.

Последовал диалог:

– Деньги у вас есть ?

– Нет.

– По-японски вы говорите ?

– Нет.

– По крайней мере, есть у вас друзья, какая-то опора ?

– Нет еще, но я их найду с Божией помощью.

Надо войти в положение Провинциала, Отца Чупрыка, человека осторожного и рассудительного. Как обычно, Отец Максимилиан умолял решать дело непредвзято, не считаясь с его мнением: сам он хочет лишь "слепо повиноваться", а "Пренепорочная через его руководителей выразит то, что Ей угодно" ... Вот план (совершенно безумный), а теперь высказаться должны досточтимые Отцы, благо они – глашатаи воли Божией.

Как было устоять против его доводов ? Разве Непокаланов не был очевидным доказательством всегдашней правоты этого невозможного человека ? Разве у него не было дара делать пустыню плодородной ? А если попробовать и на этот раз ?

Отец Максимилиан замечательно умел увлекать за собой людей. Добро – это была одна из его основных мыслей – *еще "заразительнее" зла.*

Итак, он получил все необходимые разрешения и в 1930 г. с четырьмя Братьями уехал в далекую Японию.

Он проехал через Францию, побывал в Лурде и в Лизье. Очень сдержанный как всегда, он почти не

говорит об этом в своих письмах. В них он явно старается позабавить своих "братишек":

"В Лизье я видел шахматы святой Терезы – пишу это в утешение нашим нераскаянным игрокам".

Иногда звучат более серьезные нотки:

"Ни от чего я не страдаю так, как от посредственности душ, посвятивших себя Пречистой. Для их освящения я бы тысячу раз отдал свою жизнь".

Или еще: "Мы принадлежим Пренепорочной, мы Ее собственность. Она имеет на нас все права. Мы Ее рыцари, готовые идти, куда Она укажет, и делать то, что нам скажет Она". "Наша цель – это дело Пренепорочной".

"Только неисследимые сокровища Провидения могут перевесить груды золота Князя мира сего ..."

"Мы должны жертвовать жизнью для нашего идеала, а не подчинять наш идеал нашей жизни ..."

В Марселе они сели на пароход. Во время плавания и на остановках Отец Максимилиан покориł немало душ. Он овладевал ими мгновенно, благодаря своему непреодолимому очарованию. Как истые францисканцы они ехали, разумеется, на палубе, разделяя участь самых бедных пассажиров. Всегда веселые, услужливые и скромные, они среди всех этих иностранцев вели проповедь больше примером, чем словом. А в свободное время одолевали японский язык.

В Сайгоне Отец Максимилиан наладил сношения с аннамитским духовенством и получил разрешение издавать на месте свой журнал. В Шанхае католик-миллиардер Ло Бан-хэ предложил ему средства для издания нового журнала на китайском языке. К со-

жалению, этот план не удался из-за возражений других миссионеров.

"Город разделен на сферы влияния, — пишет он с грустью. — Мы могли действовать только во французской сфере. Язычники вполне готовы нам помочь, все трудности возникают со стороны христиан".

Наши миссионеры высадились в Нагасаки 24 апреля 1930 г. Входя в порт, пароход проплыл вдоль живописных островов, на которых через три века сохранились еще следы христианства. В бамбуковых хижинах еще хранились статуэтки Божией Матери, порою весьма похожие на богиню Кваном ... Под пеплом все еще тлеет огонь, но кто раздует его до прежней силы? Огромная задача вставала перед миссионерами: во что бы то ни стало и как можно скорей достичь того, чтобы кровь стольких мучеников стала, согласно выражению Тертуллиана, семенем христиан. Вспомнил ли Отец Максимилиан польского иезуита Адальберта Мецинского, отправившегося в Японию с горячим желанием умереть за веру — и действительно получившего там мученический венец? Думал ли он о бесчисленных мучениках-японцах, слишком мало известных в Европе, подвергавшихся пыткам, истреблявшимся и оставшимся непоколебимо верными до конца?

Глядя на эти острова, поросшие вишневыми деревьями в цвету, он вдруг вспомнил о своем дивном красном венце и тихо спросил: "Не здесь ли, Владычица, Ты его мне приготовила?"

Для начала надо было много такта, много практичности и много дипломатической тонкости, — все-

ми этими качествами он обладал в высокой степени. Он внимательно наблюдал этот странный для него и незнакомый мир. Очень скоро он усвоил все, что ему надо было знать. Проходя среди снующей толпы по живописным улицам Нагасаки, он часто устремлял взор к "горе мучеников", где на три века раньше тысячи христиан своей кровью заплатили за свою верность Благой Вести, издалека принесенной им польскими Братьями: не это ли самые сильные помощники, какие только могут быть ?

Преосвященный Хиасаки, епископ Нагасакский, только улыбнулся, узнав о намерениях миссионеров, прибывших из далекого "Порандо". План издания журнала с такими слабыми средствами показался ему совсем неосуществимым. Но когда он узнал, что Отец Максимилиан — доктор богословия и философии, он сейчас же предложил ему читать лекции в его семинарии.

Отец Максимилиан мгновенно ухватился за представившийся случай:

— С удовольствием, Владыка, но с тем условием, что вы разрешите мне издавать журнал.

Епископ поглядел на него в некотором замешательстве. У этого злосчастливого миссионера вид был очень решительный. "Не будем мешать тому, что может оказаться волей Божией", — подумал епископ. И сказал:

— Согласен. Но разбирайтесь, как знаете.

Они приехали 24 апреля. 24 мая Отец Максимилиан послал в Непокаланов телеграмму: "Рассылаем сегодня первый номер. Имеем типографию. Слава Пренепорочной. Максимилиан".

Читая и перечитывая эту телеграмму, Братья переглядывались в полном изумлении. Как ни велико было их упование, такой успех превосходил все их мечты.

Как же добился этого необыкновенный человек, принципиально исключивший из своего словаря слово "невозможно" ?

Конечно, он прежде всего прибег к "решительным средствам": молитве и воздержанию, заключающемуся главным образом в их крайней, абсолютной бедности. Она и сломала всякое недоверие и сразу же покорила сердца "дорогих язычников". У японцев самоотверженность ради высокого дела вызывает живейший отклик. Они сами умеют отказывать себе в очень многом, и об идеале иностранца они судят обычно по его способности терпеть лишения ради своего идеала. Наблюдая этих миссионеров, мало евших, мало спавших, живших чуть ли не под открытым небом и желавших только приобщить их к той высшей радости, которая сияла в их глазах и звучала в их голосах, они поняли, что не корысть привела к ним этих людей. Поэтому сразу же образовалась целая группа добровольных помощников. Среди них были и протестанты. Свои статьи Отец Максимилиан писал по-латыни или по-итальянски, и показательно, что его первым переводчиком стал японец-методист, который, впрочем, вскоре перешел в католичество.

Начали с того, что купили старую типографию ("она стоит нашей бабушки, — писал Отец Максимилиан, — вся она ржавая и крутить ее надо вручную, от этого у нас все руки в крови"). Для набора ста-

тей, переведенных на японский язык, требовалось больше труда, чем в Польше, и бедные Братья не раз терялись, как в дебрах, среди двух тысяч печатных знаков. Очень трудным оказалось перевести само заглавие журнала. За неимением точного перевода слова "Пренепорочная" пришлось поставить "без греха": "*Мугензай но Сеибо но киши*".

Жили они в ужасном бараке с продурывленной крышей. "Сегодня ночью шел снег и была буря. Снег падал нам прямо на голову и приходилось кутаться, чтобы от него укрыться. Утром наш "дортуар" был весь белый".

Само собой разумеется, что еду они готовят под открытым небом и "дождь льет в наш котел". Бедный Отец не выносит японской кухни и тщетно старается привыкнуть "к этим лакомствам". Впоследствии, говоря однажды о злоключениях, ожидающих миссионеров, он на первое место поставил... местную кухню !

Отец Максимилиан выбивается из сил. Он изнурен сильнейшими головными болями, его все время лихорадит. Глаза его покраснели от бессонницы. Все его тело в болезненных нарывах от какой-то странной инфекции, вызванной, может быть, пищей, которую его желудок не переносит, и он едва ходит. Во время обедни двум Братьям приходится поддерживать его, т.к. он может стоять только на одной ноге. Однажды он упал на дороге и, не имея сил двинуться, пролежал до тех пор, пока один из Братьев не нашел его.

Тем не менее он держится и не перестает действовать. Испытания не только не сломили его —

они придали ему новую энергию. В одном из писем того времени он намечает планы дальнейших "вторжений":

"Как только наше дело окрепнет в Японии, я отправлюсь в Индию, развивать его там, а потом в Бейрут, к арабам. Имею в виду издавать журнал по-турецки, по-персидски, по-арабски и по-еврейски. Таким образом деятельность Дружины затронет миллиард читателей, половину обитателей земного шара".

В Японии тираж пока еще не превышает 10.000 экземпляров. Добровольные распространители журнала ездят по всей стране, даром предлагают номера возможным будущим подписчикам, а в обмен просят визитные карточки. Чрезвычайная вежливость японцев не допускает никаких вторжений в частную жизнь, и даже рекламы нельзя посылать без разрешения адресата.

Встречают всюду сочувственно, иногда восторженно. Дело в том, что Япония задыхается в духовной пустоте, сменив веру предков на завезенный из иностранного мира безудержный и безбожный национализм. Неудовлетворенность растет особенно в интеллектуальной среде.

Со своей обычной пронизательностью Отец Максимилиан сразу же затронул невралгическую точку. Пустота этих душ требует заполнения, неблагополучие сердец требует врача. Пришел час для миссионеров. "Какая обильная жатва ожидает нас, – восклицает он, – если только мы, христиане, будем жить по нашей вере ! Не слова производят на них впечатление, а пример ..."

Связи устанавливаются неведомо как. Маленькая группа польских монахов, таких радостных в своей крайней нищете и совершенно бескорыстных, вызывает любопытство, трогает, привлекает. Остальное делает журналчик, такой скромный и так насыщенный содержанием. Пренепорочная действует, как магнит: эти язычники чтут Ее и начинают любить. Слишком уж заразителен пример этих чужеземцев, всецело и страстно преданных служению Ей. Японцы очень тонкие наблюдатели и они стараются дойти до первоисточника всего этого подвижничества.

Вот фотография с надписью: "Отец среди бонз". Его лицо, изможденное и улыбающееся, выделяется среди непроницаемых лиц. Что привело их сюда — любопытство или непреодолимая притягательная сила святости? Отец Максимилиан не раз часами излагал им истины христианства. Однажды один из них заявил, что впредь не будет допускать в свой монастырь никого, "кто не любит *Сеибо но Киши*".

Всего через несколько месяцев после своего приезда в Японию, Отец Максимилиан был вызван на совет игуменов своего ордена, который должен был состояться во Львове. Послушный как всегда, он поехал, но с тяжелым сердцем. Ведь в его отсутствие никто не был в состоянии вести гигантское дело.

На совете само существование японского Непокаланова было поставлено под вопрос. Стоит ли пускаться в такое безумное предприятие, оказывающееся тяжелым бременем? Отец Максимилиан держался своей обычной тактики: изложил все свои дово-

ды, от всего сердца, со свойственным ему горением, которое способно передаваться другим, а затем умолк, закрыл глаза и стал ждать, спрятав руки под рясой. Этот его жест был знаком очень многим: в кармане для часов у него лежали четки и пока решалась судьба его дела в Японии он тихонько их перебирал, без конца читал "Радуйся, Благодатная" и призывал Совет своих небесных заступников:

"Я сделал все, что мог, а теперь дело за Тобой, Пренепорочная !"

Он одержал полную победу и вернулся в Японию с широкими полномочиями. На этот раз он поехал через Россию. Соприкосновение с огромной страной, из которой официально изгнали Бога, не могло не взволновать его глубоко. Ехал он, конечно, в третьем классе, с самым бедным человеком. По всему бесконечному пути, на каждом большом вокзале все бросались за кипятком для чая, который был единственным доступным горячим напитком. В битком набитых купе легко было наблюдать и можно было даже услышать кое какие откровенные разговоры.

Мысль о России преследовала его с давних пор. В санатории, когда он проводил на кушетке бесконечно тянувшиеся часы, он начал учить русский язык. С тех пор он всегда старался следить за издававшейся в России безбожной литературой и держал ее у себя в сундуке, под замком. Его главной мечтой было издавать свой журнал по-русски. Под конец жизни, незадолго до войны, он сказал:

"Придет день, когда вы увидите образ Пренепорочной в центре Москвы, над Кремлем".

Многие свидетели слышали эти слова, произнесенные со спокойной уверенностью. Но только один из них, Отец Пиньяльбери, — один из "семи основателей" Дружины, — запомнил дополнительную фразу, сказанную доверительно:

"Прежде чем это свершится, мы должны будем пройти через испытание кровью".

*

Вернувшись в Японию, он с грустью увидал бедственные последствия своего отсутствия. Материально — дело проваливалось. Журнал не выходил уже целый месяц и похоже было на то, что он и не появится больше ...

Его присутствие спасает все, и начинается новый подъем. На совете игуменов он получил разрешение основать настоящее японское отделение Непокаланова и открыть монастырь для послушников из японцев. Для этого надо было как можно скорее строить дом.

В окрестностях Нагасаки Отец покупает участок земли, на довольно крутом склоне цепи холмов, обращенном в сторону, противоположную городу. Это подвергается всяческой критике. Кто строит в таких условиях? Какой смысл поворачиваться к городу спиной?

Отец улыбается... и упорствует.

При взрыве атомной бомбы, "*Мугензаи но Соно*" — буквально: "сад Пренепорочной" — сохранился почти без повреждений, благодаря защищавшей его гряде холмов. Только стекла вылетели из окон. В

пределах монастыря ни один человек не погиб. Тогда только поняли ...

Конечно, все надо было строить самим. Было это не легко. У Отца Максимилиана не было сотрудников таких, как он сам, способных на его горение и самопожертвование. Многие падали духом. Многие страдали от тоски по родине и просились домой. Многие хотели бы быть миссионерами, но в других местах. Надо признать — Отец Максимилиан делал чудеса, но все давалось ему не легко и каждый день его жизни был мучительным испытанием его веры: ведь почти все время приходилось "верить вопреки всякой надежде". Об очень многом говорит его потрясающая переписка этих лет, когда он, из святого послушания и без малейшей горечи, рассказывает своему Провинциалу о падениях, изменах и малодушии неверных Братьев.

К счастью, были и другие. На деле Божиим всегда происходит замечательный отбор. За одного павшего духом и бежавшего, двое других "выходили на передовые позиции". Несмотря ни на что, дом строился, тираж возрастал — и все больше "дорогих язычников" приходило в поисках света и радости.

Некоторые из них писали трогательные письма. Эта замечательная корреспонденция показывает великую тоску японской души, готовой принять учение Христа. Вот несколько выдержек:

"Спасибо за присылку "Киши но Соно". Читайте с радостью, — пишет Инохаха Мамое. — Спасибо и за доброе письмо. Уже некоторое время я болею. Но с тех пор как один мой друг, подписавшийся на ваш журнал, говорит со мной о католической вере, я забываю о своих страданиях".

"Очень радостно, — пишет Н. Масако, — что вы все там, в *Мугензай но Соно*, трудитесь на славу Божию и распространяете любовь к Пренепорочной. Сам я еще не крестился, так как мои отец и мать против этого. Некоторое время тому назад, когда я был в Хокайдо, я встретил там друга, Канатсу (члена Д.П. и читателя журнала). Я познакомился с его благородной душой; священник в Осаке тоже очень ценил его. Уже год, что я вернулся из Осаки. В феврале (1933 г.) Канатсу умер. Он прекрасно подготовился к смерти! Я восхищался его упованием на Бога и на Пренепорочную. Когда он почувствовал себя при смерти, он, зная, что дома не может ни причаститься, ни собороваться, добрался до церкви и там принял таинства. Не все нашли бы в себе столько мужества! Когда он умирал, с ним не было ни отца ни матери, были только священник и санитарка. Канатсу очень любил Божию Матерь и часто просил Ее заступничества. Он и мне часто советовал любить Ее и без устали повторял мне: "Молись Пренепорочной, молись Пренепорочной, молись Пренепорочной!" Я и стараюсь следовать его наставлениям и других побуждаю к тому же".

"Если бы вы не приехали в Японию, — пишет другой, — то я, Амаки, был бы еще язычником!"

А вот трогательная история одного обращения:

"Однажды случайно попал мне в руки номер вашего журнала, и я в нем прочла о монахиня, работающей на Мадагаскаре среди прокаженных. Посетивший госпиталь американец сказал ей: "Я и за 20.000 долларов не согласился бы работать здесь".

"А я, — ответила монахиня, — не стала бы этого

делать и за 100.000 долларов, так как работаю только из любви к Господу Богу". Эта история поразила меня. Я начала задумываться. С тех пор я регулярно получаю ваш журнал. Читая его внимательно, я узнала, что если человек согрешил и жалеет об этом и просит прощения у Господа Бога и заступничества Пренепорочной, то Бог его прощает. Раньше я думала, что достаточно никого не убить, чтобы не попасть в ад, а теперь, читая "Рыцаря Пренепорочной", вижу, что это еще не все, что надо тоже иметь веру и молиться. Понемногу я просвещалась, читая ваш журнал, и в октябре прошлого года меня допустили к крещению и теперь я ношу имя Терезы и радуюсь тому, что я — дитя Божие !"

В общем, *"Книжи но Соно"* представлял собой своего рода курс христианского учения, иллюстрированный примерами и рассказами. Очень быстро побив все рекорды тиражей, он тем самым доказывал, что умел попадать в цель.

В 1932 г., через два года после начала своего дела в Японии, Отец Максимилиан отплыл в Индию, основывать там новый Непокаланов. Он чувствовал себя изнуренным, временами его лихорадило, но он не обращал на это никакого внимания, зная по опыту, что "дела Божии делаются только крестом".

"Верю, — писал он во время путешествия, — что Божия Мать посылает каждому из нас столько необходимых даров, сколько их нужно для осуществления Ее предначертаний. Следовательно ... но не буду увлекаться мечтами ... Верю, что в каждой стране должен возникнуть местный "Непокаланов", откуда Пренепорочная будет сиять на всю об-

ласть, имея в Своем распоряжении все достижения современной техники ... Надо спешить, терять времени нельзя !"

Воспользовавшись остановкой в Сингапуре, Отец Максимилиан осторожно готовит почву для осуществления своего давнишнего плана – издавать журнал на малайском языке. По приезде в Индию он отправляется в Эрнаулам – резиденцию католического архиепископа.

Принят он с холодком, недоверчиво. Чего хочет этот иностранец ? Отец Максимилиан погружается в молитву, призывает святую Терезу Лизьезскую: некогда, в Риме, он, ведь, условился с ней, что будет молиться о ее канонизации, с тем, что она будет зато покровительницей его начинаний. Стоя перед ее статуей, в коридоре архиепископского дома, он говорить ей буквально следующее:

"Ну как же, сестричка, ты не забыла ?"

"В это самое мгновение, – продолжает он, к моим ногам упал цветок, похожий на розу. Просто он выпал из вазы с цветами, стоявшей у подножья статуи. На меня это произвело некоторое впечатление и я подумал: увидим, что это означает !"

Вся переписка Отца Максимилиана дышит этой совершенной простотой. Он и говорил так, как писал, полностью и точно выражая свою мысль. Это ему создавало врагов и вызывало много непонимания. Душа у него была детская, в ней не было места ни для злопамятности, ни для горечи. Он настолько жил в сверхприродном, что порой это вызывало недоумение. Трудно было привыкнуть к тому, как он обращался к святым и в особенности к Божией Ма-

тери. Он говорил с ними попросту, как с живыми, здесь присутствующими. Будучи великим реалистом, он не принадлежал к этой земле, и, может быть, именно это позволяло ему так овладевать людьми и вещами.

Святая Тереза не нарушила договора. Все затруднения с духовными властями Индии уладились "словно чудом", и архиепископ Эрнауламский послал генералу Ордена великолепное письмо на латинском языке, официально приглашая польских миссионеров.

К несчастью, подготовка этого дела оказалась трудной, отсутствовавший Отец Максимилиан не мог ее ускорить, тучи сгущались на горизонте и никто не спешил. Началась война и польские францисканцы по сей день не собрались туда, куда направляла их святая Тереза, послав цветок своему соратнику...

Выполнив свою задачу и достигнув своей цели, Отец Максимилиан возвращается в *Мугензайн-но-Сонно*, строит там церковь и дает новый толчок развитию журнала. Японские послушники прибывают со всех сторон, а обращениям уже нет числа. Среди Братьев постепенно произошел отбор и все оставшиеся стали "юродивыми Божией Матери": таково замечательное свидетельство, которое оставил с них Отец Максимилиан в одном из своих писем.

Сделал он столько, что это, увы, серьезно отзывается на его здоровье. В 1936 г. он уезжает в Польшу, где его избирают игуменом Непокаланова.

Это все-таки был удар. Его сердце осталось с "дорогими язычниками". Но он не спорит: ведь устами его руководителей говорила Пренепорочная.

ХІІІ

"СМЕРТЬ СТЯЖАЕТСЯ ЦЕЛОЮ ЖИЗНЬЮ"

Со времени его возвращения в Польшу во всех его докладах и писаниях звучит новая нотка: предчувствие надвигающейся катастрофы и своего собственного конца.

Время еще остающееся, драгоценное время, должно быть использовано полностью. Отец Максимилиан превосходит самого себя, он спешит. "Как скупец", он хотел бы "стяжать каждую минуту". За последние три года перед войной плоды его деятельности развиваются головокружительно и при этом он более настойчиво, чем когда-либо, подчеркивает первенство духовного начала. Он старается предостеречь своих "дорогих деток" от угара материальных успехов, которые сами по себе — ничто и имеют значение только в сочетании с преизбыточествующей внутренней жизнью.

В этом разгадка его замечательных успехов. Поражавший лучших специалистов своей необычайной способностью доводить всякое конкретное дело до конца Отец Максимилиан никогда не попадался на удочку "производительности", статистики и цифровых показателей. Не дававший себе ни минуты передышки, он ревниво отстаивал "нерушимые права

Бога на нашу эпоху", сам посвящал Богу все, что мог, и хотел того же от других.

В Непокаланове атмосфера молитвы и молчания производит на посетителей еще больше впечатления, чем мощные ротационные машины и изумительная производительность этого промышленного городка. Чувствуется, что здесь любовное устремление все время превосходит текущую деятельность и освящает ее. Эти рабочие призваны вместе со своими машинами и инструментами петь хвалу Господу Богу и Его кротчайшей Матери: здесь все становится богослужением.

Не *количество* важно, а *качество*: Отец Максимилиан настаивает на этом без усталости. Однажды он захотел испытать "своих овец" и спросил:

– А теперь что мы должны делать ?

Спрашивать их мнения было в его обычае: он был несравненным руководителем, но никак не диктатором, и отлично знал, что подлинное послушание никогда не подавляет свободу, но освящает ее.

Один из Братьев ответил с жаром:

– Удвоить производительность !

Другой сказал:

– Производительность мы удвоим, если каждый из нас будет возрастать сам.

– Прекрасно, – возрадовался Отец, – ты попал в самую точку ! Если наше качество будет улучшаться, то количество приложится.

Другой раз Братя спросили его:

– Скажите, Отец, в чем настоящий прогресс в Непокаланове ?

Он ответил:

"Конечно, не увеличение нашего участка земли будет новым доказательством прогресса, и не возведение на нем новых больших построек.

"Если мы получим самые новейшие машины, если получим в свое распоряжение все технические усовершенствования и все открытия современной науки, то это еще не будет подлинным прогрессом.

"Если тираж наших журналов удвоится или даже утроится, то и это не будет еще доказательством настоящего прогресса.

"Что же нужно для того, чтобы был прогресс? В чем настоящий прогресс Непокаланова?"

"В сущности, Непокаланов – это не столько наша видимая, внешняя деятельность, будь она внутри монастыря или вне его. Настоящий Непокаланов – это *наши души*. Все остальное, даже наука, – второстепенно. Прогресс должен быть духовным, или его нет вовсе.

"Значит, даже если бы нам пришлось приостановить наше дело, если бы все члены Дружины покинули нас, если бы нам пришлось рассеяться как листьям под осенним ветром, – но идеал Непокаланова при этом продолжал бы жить в наших душах, – то и тогда, детки, можно будет сказать, что у нас полный прогресс ..."

*

Давно уже, но особенно после возвращения из Японии, Отец Максимилиан предсказывал жестокие гонения; показательно, что он видел в них не только испытание, но и кару за все, что мы сами "нагрешили по упущению".

В одном тексте, написанном им по-латыни в Нагасаки, есть такое место, заслуживающее особого внимания:

"Нужно изучать антирелигиозные движения нашей эпохи, их методы, достижения и т.д. Надо в особенности отличать от плохого то, что в них есть хорошего, так как самый действенный способ бороться с дурным течением и его побеждать это — признать ту частицу добра, которая в нем содержится, и немедленно применить ее к нашему делу. Упущения в этой области привели к плачевным последствиям в Мексике и в Испании ..."

В этих строках Отец Максимилиан коснулся самой невралгической точки основного зла нашей эпохи. Мы не сумели *во-время* спасти золотые зерна истины, которые лжеучения присвоили себе и использовали.

*

Как достигнуть высшего качества ? Просто — становясь *святыми*. На этот счет Отец Максимилиан категоричен:

"*Я требую*, чтобы вы были святыми, и притом великими святыми !"

— Позвольте, а не слишком ли многого вы требуете ?

— Да нет, — отвечает он, — святость не роскошь, а просто обязанность. Во-первых, Христос сказал: будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный. А затем — это ведь и не трудно ... Нет ли у вас кусочка мела ?

Все на него смотрят с недоумением.

Он улыбается:

– Это вопрос простого расчета. Сейчас я напишу вам на доске формулу святости. Увидите, как это просто !

Молодые слушатели тарашат глаза, а он спокойно, уверенно пишет на доске:

$$v = V$$

– Вот моя формула, – продолжает он, – понимаете вы ее ? Маленькое "v" – это *моя* воля. Большое "V" – это воля Божия. Когда они пересекаются, вот так: +, то получается крест. Хочешь убрать крест ? отождестви свою волю с волей Божией, согласно которой ты *должен* быть свят. Это так просто, надо только повиноваться.

"Маленькая формула" Отца Максимилиана, "такая простая", что он, словно играя, оперирует ею уже годами, – это не что иное, как квинтэссенция величайших произведений духовных авторов и высший парадокс внутренней жизни. Только величайшим святым удавалось "устранить крест" посредством такого согласия на самое крайнее самоотречение.

Но Отец Максимилиан сказал нам не все, и мы об этом догадываемся. Все "так просто" потому, что мы безоговорочно принадлежим Пренепорочной: так как Она – Матерь Главы и членов таинственного Тела, наше освящение – Ее дело, так сказать, по преимуществу. Следовательно, чем больше будет душ, совершенно предавших себя водительству Пренепорочной, тем больше будет великих святых: *"Нет подвига, которого мы не могли бы совершить с помощью Пренепорочной"*.

В той же лекции он добавляет:

"Необходимо, чтоб мы показали особо высоким примером, как жертвовать собой беспредельно ради Нее ... Эта жизнь коротка, мы должны, как скупцы, использовать еще остающееся нам время.

"Как можно будет судить о нашем совершенстве ?

"Делать все так, как на нашем месте делала бы Она, и в особенности любить Бога так, как любит Она, Своим собственным сердцем ..."

Ясно, что такие вещи узнаются не из книг. Отец Максимилиан напоминает без усталости, что:

"Этому учатся только на коленях".

*

Он вел свою проповедь больше примером, чем словом. Когда предпринималось нечто важное и возглавитель того или другого отдела приходил к нему за советом, оба они сначала становились на колени у письменного стола, над которым царил Пренепорочная, и только после этого переходили к техническим вопросам.

Однажды, в разгар кампании против "Малого Дзенника", когда клеветнические обвинения сыпались со всех сторон, главный редактор газеты послал одного из Братьев к Отцу Максимилиану – просить у него статьи с необходимыми "уточнениями". К всеобщему изумлению этот Брат вернулся почти сразу, с листом бумаги, на котором стояло всего несколько бесхитростных слов:

"Предоставим Пренепорочной вести нас и дей-

ствовать, потихоньку, детки мои, потихоньку, мы можем все испортить, действуя слишком быстро".

При каждой очередной кампании по распространению журнала, он неизменно повторял:

— Помните, дети мои, что дело не в том, чтобы привлекать подписчиков, а в том, чтобы привлекать души.

При появлении каждого из его новых изданий, его противники высказывали самые мрачные прогнозы: это противно здравому смыслу, это не пойдет и т.п. Потом приходилось сдаваться перед очевидностью. Один из польских францисканских Отцов так объяснял этот опровергавший все предвидения баснословный успех:

— Чего вы хотите ? Прежде чем рассылать номер, Отец Максимилиан так окутывает его молитвой, что потом дело идет само собой ...

*

Зная о своем близком конце, он захотел оставить завещание своим "деткам".

Однажды, на святках в Непокаланове, по старинному польскому обычаю должны были ставить мистерию — "ясли". После вечерней трапезы Отец Максимилиан сказал:

— Те из вас, кто захочет, могут остаться со мной.

Среди оставшихся был Брат летописец, хотя — сознается он — посмотреть "ясли" ему очень хотелось.

Маленькая группа окружила Отца.

– Садитесь, дети, поближе ко мне.

В его лице и голосе была большая кротость и нечто торжественное.

– Дорогие мои дети, – сказал он, – сейчас я еще с вами. Вы меня любите и я вас люблю. Но надо дать себе отчет в том, что я не всегда буду здесь. Я умру, а вы останетесь. Прежде чем уйти, я хотел бы оставить вам кое что ... Оттого что я хочу лишь того, что угодно Пренепорочной, я сказал, чтобы остались только желающие, – чтоб их выбрала Она Сама ...

– Вы называете меня "Отцом игуменом" и это правильно, я являюсь таковым. Вы называете меня Отцом директором, и это точно, я директор этих изданий. Значит, я Отец игумен, директор, руководитель ... Но что еще ? Я – ваш отец, ваш настоящий отец, намного больше, чем ваш плотский отец. Потому что через отца по плоти Бог дает физическую жизнь, а от меня вы получили духовную жизнь, жизнь божественную, монашеское призвание. Верно я говорю ?

– Да, конечно, Отец ! Без вас, без "Рыцаря", без Непокаланова мы не были бы в монастыре !

Поочередно они стали вспоминать, как началось призвание каждого из них, и чем они были обязаны Отцу.

Он их слушал, улыбаясь. А затем:

– Значит, я действительно ваш отец. Кстати, я поэтому и говорю с вами на "ты", – оттого, что вы мои детки ...

На мгновение наступило молчание. Отец Максимилиан, своим привычным жестом, держал руки под

рясой, "словно прятал какой-то неожиданный подарок для нас". А потом заговорил "очень робко":

– Детки, вы знаете, что я намного старше вас и не всегда буду здесь. Оттого-то я и хотел бы оставить вам кое-что, кое-что вам сказать. Должны ли я это сделать ?

– О, да, Отец, скажите !

И они теснее окружили его.

Тогда Отец стал говорить с большим волнением:

– Если бы вы знали, детки, как я счастлив ! Мое сердце переполнено счастьем и миром, настолько, насколько это возможно на земле. Несмотря на ежедневные труды и заботы, где-то в глубине сердца всегда царит мир и радость, которую нельзя выразить человеческими словами.

Он умолк на мгновение, потом снова заговорил, почти шопотом:

– Детки, любите Пренепорочную, любите Пренепорочную, любите Пренепорочную, – Она даст вам счастье. Уповайте на Нее, отдайтесь Ей целиком, беспредельно ... Понимать Пренепорочную дано не каждому, а только тем, кто на коленях просит об этом благодатном даре. Пренепорочная – Матерь Божия. Понимаем ли мы, что это значит – "Матерь Божия" ? Истинно, действительно "*Матерь Божия*" ! Только Святой Дух может дать познание Своей Невесты, кому Он захочет и как захочет ... Мне хотелось сказать вам еще и о другом, но не достаточно ли и этого ?

Тогда, – продолжает Брат летописец, – он посмотрел на нас так, точно боялся чего-то. Мы продолжали умолять и настаивать, чтоб он сказал нам

все, ничего не скрывая. Он опять заговорил:

— Я сказал вам, детки, что я очень счастлив и что мое сердце переполнено радостью. А знаете, отчего? *Оттого, что царство небесное мне обещано с полной несомненностью.* Дети мои, любите Пренепорочную, любите Пренепорочную, любите Пренепорочную !

Он говорил с таким волнением, что слезы выступили у него на глазах и потекли по лицу. Наступило молчание, которое никто не решался нарушить. Потом он сказал:

— Вот, дети мои. Этого должно быть вам достаточно.

Снова они стали умолять его:

— Говорите, Отец, такого случая, такой встречи у нас может быть не будет больше никогда.

Он колебался мгновение, затем сказал:

— Раз вы так настаиваете, скажу вам еще одно: *это было в Японии ...* Больше ничего вам не скажу и не спрашивайте больше ...

Тщетно Братья умоляли "открыть им еще что-то больше из его тайн". Он продолжал молчать, глубоко сосредоточившись внутренне. Когда же они притихли, он добавил "совсем по-отцовски":

— Я выдал вам свою тайну, чтобы она укрепляла и поддерживала вас в ожидающих вас испытаниях. Будут страдания, будут искушения, может быть вы будете падать духом ... Тогда вспоминайте то, что я вам сказал, и учитесь быть готовыми к величайшим жертвам, ко всему, что Пренепорочной будет угодно от вас потребовать ... Детки, не желайте необычайных вещей, старайтесь только испол-

нять волю Пренепорочной, которая и есть воля Божия ...

Прежде чем расстаться с ними, он сказал еще:

– Никому не говорите того, что я вам доверил, ни с кем не говорите об этом, пока я жив !

"В его голосе было столько настойчивости, что все Братья дали это обещание ..."

*

По мере приближения катастрофы, его увещания становились все более настойчивыми, его намеки все более ясными. В Европе никто еще не верил в войну, когда он, в начале 1938 г., уже говорил о ней как о событии несомненно предстоящем и совсем близком. Он хотел подготовить своих "деток", закалить их. А в глубине всех его высказываний была та мысль, что "все для нас к лучшему, что бы ни случилось".

– Это оттого, – говорил он, – что в нашем положении никто не может нам повредить. Страдания внешние и внутренние могут только послужить к нашему освящению. Разве мы не готовы на все ради Пренепорочной ? Предположим, что нас убьют, – это будет даровым билетом на небо. Нам следовало бы даже быть благодарными палачам и доказать им это тем, что на небе мы вымолим у Пренепорочной благодатный дар их обращения. Словом – *мы непобедимы*. И разве не высшей честью было бы для нас – скрепить нашу веру своей кровью ? В награду за верную службу получить пулю прямо в сердце – ведь это мечта ! И какое счастье умереть с уверен-

ностью, что мы много потрудились, много поработали — для Нее !

Иногда он высказывался еще яснее. В марте 1938 г. он сказал буквально (один из Братьев, по обыкновению, стенографировал его слова):

— Знайте, детки, что готовится ужасный конфликт. Мы еще не знаем, каковы будут его этапы. У нас, в Польше, надо быть готовыми к худшему. В течение первых трех веков Церковь была гонима. Кровь мучеников была семенем новых христиан. Позже, когда гонения прекратились, один из Отцов Церкви стал жаловаться на посредственность христиан. И он обрадовался, когда гонения возобновились. Так и мы должны радоваться тому, что произойдет, потому что среди испытаний наше рвение разгорится еще больше. Притом, разве мы не в руках Божией Матери ? Разве не самое горячее наше желание — отдать за Нее свою жизнь ? Живут только один раз. Умирают только один раз. Лишь бы только это было так, как Ей угодно !

Перед самой войной, говоря о трех этапах духовной жизни — "подготовке к апостольству, апостольстве, страстотерпчестве" — он сказал:

— Что касается меня, то вполне справедливо, чтобы я вступил теперь в третий этап. Где ? Как ? Это знает Она ...

"Какое счастье — умереть смертью воина, не в своей постели, как любой мещанин, а у столба смертников, с пулей прямо в сердце, — своей кровью запечатлеть свою любовь к Пренепорочной, — до последней капли пролить эту кровь, чтобы ускорить покорение мира Христу, через Нее ... Вот чего я желаю вам, детки, и чего желаю самому себе".

XIV

ОТЕЦ МАКСИМИЛИАН ВЕДЕТ "СВОЮ" ВОЙНУ

В сентябре 1939 г. молниеносная война обрушилась на Польшу.

Эскадрильи Юнкерсов, как стаи огромных хищных птиц, бороздят небо. Бомбежки днем и ночью следуют одна за другой без перерыва. Деревни, поселки, целые города как факелы, куда ни глянь. Все небо в огненно-красных и багровых полосах, словно их оставили за собой всадники Апокалипсиса.

На фронте, рушащемся со всех концов, польские войска бьются ожесточенно. Обойденные, попадающие в окружение, они спасают уже не ввергнутое в пучину бедствий отечество, а честь. Высший героизм проявляется в эпических подвигах, но практически они не служат уже ни к чему.

Каждая очередная сводка сообщает о новом массовом отходе. Потом и сводок больше нет. Непреклонная Варшава все еще сопротивляется, вопреки всякой надежде, при всемирном восхищении и таком же всемирном бездействии. Война проиграна: для солдат, продолжающих сражаться в лесах, партизанами, выбор остается еще только между смертью и пленом. Многие предпочитают смерть.

Пережив это страшное унижение, страна начи-

нает выходить из оцепенения. Развалины еще дымятся, поля сражений усеяны трупами. Враг, наглый, выдрессированный бесчеловечной мистикой, начинает методично, точно приводить в исполнение свои истребительные планы. Уже не пленник стонет под сапогом победителя, а приговоренный, которого палач ведет на казнь. Чтобы "народ господ" властвовал, раб должен служить или умереть.

Огромный порыв ненависти охватывает тогда всю страну – ударяет в голову, как вино. Война проиграна, но не кончена, и в лесах, под землей уже образуются и организуются первые центры Сопrotивления. Мужчины, женщины, дети – все принимают участие в борьбе. Только оружие бывает различным, и для наиболее сложных родов его находится меньше всего добровольцев.

Опьяниться ненавистью легко, даже очень легко. Она как стакан водки, который дают бойцам перед штыковой атакой. Водка возбуждает, но она не питает.

Один из моих друзей, умерший от последствий войны, писал: "Немцев я ненавижу за то, что они научили меня ненависти". Надо было иметь много внутренней честности и много душевных сил, чтобы высказать такое мучительное признание. У большинства не было таких угрызений совести. Ненависть казалась справедливой, естественной, необходимой. У кого в это время было достаточно смелости, чтобы напоминать о заповеди совершенной любви, покрывающей своей царственной мантией и палача, и врага? Прощение показалось бы трусостью. В этом самое страшное преступление войны:

она извращает в людях даже их христианские качества. Ее яду не поддаются только святые, самые великие святые. Мы же не святые, а грешники, и когда нас ударили в правую щеку, не подставляем левую, а отвечаем звонкой пощечиной.

При церковном разбирательстве, закончившемся причислением Жанны д' Арк к лику святых, одно обстоятельство было отмечено с особой настойчивостью: умевшая сражаться и побеждать на поле битвы, она одержала и еще гораздо более трудную победу: *она не знала ненависти.*

В этом отношении Отец Максимилиан — у которого в жилах текла и кровь воинов — был подобен ей: *он тоже не знал ненависти.*

А жить в атмосфере ненависти и ею не заразиться — это больше чем воскресить мертвого. Чтобы понять значение такого свидетельства, надо было жить в то время в Польше, в стране истерзанной ужасающим образом, унижаемой на каждом шагу, уязвленной в своей чести и в своих самых священных правах. Чтобы на кресте простить палачей, надо быть или Христом, или всецело принадлежать Ему одному ("уже не я живу, но Он живет во мне"), т.к. это совершенно превышает *человеческие* силы.

У Отца Максимилиана воинская наследственность и он тоже ведет войну — *свою* войну. И он бросает на весы больше, чем свою жизнь.

С самого начала Непокаланов подвергся жестокой бомбежке. Видя, что положение с каждым часом становится все более серьезным, Отец Максимилиан собрал всех Братьев и сказал им, что они могут

и даже должны разъехаться по своим семьям, где опасность будет им угрожать меньше. Остаться он разрешил только тем, которых он считал наиболее закаленными, и только, если они с особой настойчивостью об этом просили. Остальных он отослал, "как отец своих детей", благословив и проводив каждого в отдельности.

Оставшись с "малым стадом" – своим штабом, своими любимцами, – он призвал их вновь "безоговорочно" посвятить свою жизнь и смерть Пренепорочной, дал им общее отпущение грехов и поочередно каждому дал приложиться ко кресту.

Бомбежки продолжались с короткими перерывами, особенно по ночам. Братья не выходили из бомбоубежищ, но Отец туда не спускался. "Казалось, он не знал страха", говорит один из них. Все подчеркивают его спокойствие, невозмутимость и бесстрашие. Он думал только о "своих детях". В дальнейшем, когда они опять стали спать в дортуарах, он заходил туда ночью посмотреть на них, увериться, все ли на месте и не исчез ли кто-либо из них. К этим ночным обходам они привыкли еще до войны и недоумевали – как мог он жить, уделяя так мало времени сну.

19 сентября появились первые немецкие мотоциклисты. Эсэсовцы подошли к воротам монастыря и один из них рывкнул: "Все вон !" Собрав монахов, им приказали убраться немедленно, за исключением двух для обслуживания больницы, где были раненые. Один из остававшихся был Брат санитар, – а другой ?

– Оставайтесь, Отец ! – раздался чей-то умо-

ляющий голос.

– Нет, детка, – кротко ответил Отец Максимилиан, – Брат Кириак принесет больше пользы.

И он ушел со всеми остальными.

На дороге женщины плакали, видя их идущими под конвоем.

– Не заговаривайте с ними, – сказал Отец, – чтобы не огорчать их еще больше и не навлечь на них репрессий.

Первой же остановкой он воспользовался, чтобы сказать Братьям:

– Будьте бодры, дети мои ! Не понимаете вы разве, что мы отправляемся миссионерствовать ? И нам еще оплачивают путешествие, – вот так удача ! Теперь надо усердно молиться, чтобы приобрести как можно больше душ. Скажем же Божией Матери, что мы довольны и что Она может с нами делать все, что Ей угодно.

Их запихали в грузовики, потом в вагоны для скота. 21 сентября они приехали в лагерь Амтиц.

Это еще не был концентрационный лагерь со всем его ужасом, но того, что здесь было, уже было достаточно, чтобы испытать самых смелых. Жестокое обращение, всевозможные издевательства, мучительная теснота, голод и холод очень скоро довели "меньших Братьев" до того, что они стали думать, выдержат ли. Отец Максимилиан был болен, изнурен больше других, но он их поддерживал и ободрял, умел и побудить их к молитве – и вызвать у них смех. Он знал, что шутка иной раз стоит куска хлеба ! Он источал мир и радость, одно его присутствие было уже утешением.

Немцы в полном недоумении наблюдают этого хилого монаха, который им улыбается и даже очень мило предлагает им медали. Издевается он что ли ? Нет – стоит только на него посмотреть. Так что же это такое ? Невольно они сами становились мягче.

Крупное завоевание: жена немецкого заведующего, тронутая какой-то любезностью Отца, прислала *для него одного* замечательную лепешку. Разумеется, Отец созвал всех "своих деток" и велел им поделить ее поровну, – каждому достался крошечный символический кусочек. Другой раз, получив немного творога, он положил от него каждому в руку по ложке (тарелок-то не было).

В день своих именин, 12 октября, он сказал поздравлявшим его Братьям:

– Сегодня утром, я думал, что дать вам на этот мой праздник. Так вот: желаю вам еще больше, с каждым днем все больше принадлежать Божией Матери. Пока страдание далеко, мы готовы на все. Но теперь, когда есть случай пострадать, надо этим воспользоваться и приобрести много душ. Постараемся же приобрести как можно больше душ для дела Пренепорочной !

Им не позволили взять с собой белья кроме того, которое было на них. Грязь в бараках была ужасающая. Их заедали вши. По ночам Братья, проснувшись, часто видели тонкий силуэт Отца Максимилиана, стоящего на коленях, на соломенном настиле.

Все больше гражданских пленников умирало в лагере. Однажды Отец сказал своим детям:

– Давайте условимся с Божией Матерью. Ска-

жем Ей: Мать кротчайшая, из любви я предаю себя в Твои руки с тем, чтобы мне остаться в этом лагере, где так тяжело, но чтобы другие вернулись к себе. Я же останусь здесь страдать, забытым, презиаемым, одиноким. Отдаю себя Тебе, чтобы умереть на этой грязной соломе, среди совсем бесчувственных и холодных сердец ...

Его "овечки", может быть, повторяли за ним эти слова одними устами, даже не совсем понимая их смысл, зато он знал, чего просил.

При всех лишениях и глумлениях Амтицкий лагерь все же не был еще *"концентрационным адом"*. Было голодно, но от голода не умирали. Непокалановские монахи могли даже, до некоторой степени, соблюдать свой устав. Отец нередко читал им лекции. Конечно, он особенно настаивал на своем учении о Божией Матери. Один раз он им говорил о явлениях Божией Матери в Лурде и в Ла-Салетт, о Ее многократных призывах к покаянию:

— Мы переживаем время великого покаяния, — говорил он, — сумеем же по крайней мере этим воспользоваться ! Страдать хорошо и легко тому, кто принимает страдание с сердечной готовностью.

Несомненно, он должен был отдавать себе отчет в том, что не все его сыны уже созрели для мученичества. Однажды он сказал Братьям:

— Ободритесь, дети ! Наша миссия идет к концу. Воспользуемся, как следует, этими последними днями !

Все свидетельства его товарищей по заключению говорят о его огромной, неослабной любви. Вот один пример:

"Некоторое время – пишет Брат Юрашек – мы с ним спали рядом. Один раз я проснулся ночью и почувствовал, что кто-то осторожно закутывает мне ноги. Открываю глаза – и что же я вижу ? Это Отец кутает меня. Каждый раз, когда я вспоминаю этот случай, слезы навертываются мне на глаза. Я его почувствовал тогда бесконечно добрым и нежным, как мать ... Я также заметил, что большую часть своего пайка хлеба он отдавал украдкой одному из Братьев, особенно страдавшему от голода. А наши пайки были так малы, что надо было иметь материнское сердце, чтобы так лишать себя самого".

Другой пишет: "Не нахожу слов, чтобы выразить, чем был для нас Отец Максимилиан в эти дни страданий, горя и лишений ! Надо благодарить за это Божию Матерь, ибо эти мгновения были для нас драгоценны".

Предсказание Отца Максимилиана исполнилось буквально. Их освободили в самый день Непорочно-го Зачатия. Все они вернулись в Непокаланов, разграбленный, но не разрушенный.

У Отца Максимилиана нет иллюзий. Он ждет теперь своей очереди. И не хочет терять ни минуты из остающегося ему драгоценного времени.

Начинает он с того, что вводит непрерывное поклонение Святым Дарам. Весь день Братья сменяют друг друга перед скромным престолом. Никогда еще не молились они с таким рвением.

Понемногу они возвращаются из изгнания. Вот их уже 200, а скоро будет 370. Но увы, многие, которых разыскивает Гестапо, не могут вернуться. Состав редакции особо скомпрометирован и вынуж-

ден скрываться. С неисчерпаемой любовью Отец Максимилиан старается не терять их из виду и пишет им циркулярные письма — настоящие жемчужины.

Он призывает их не только к терпению, но и к новым победам: "Где есть душа совершенно посвятившая себя Божией Матери и любящая Ее всем сердцем, там эта любовь не может не проникнуть в свое окружение и не может не спасти много душ ..."

Следовательно, "далекие Братья" находятся "в миссиях" и куда бы они ни попали, должны распространять Непокалановский идеал.

"Не будем допускать никаких перерывов в нашей миссионерской работе. Будем распространять Ее царство во всех сердцах. Для этой цели принесем в жертву все наши тяготы и страдания. Будем желать лишь одного — быть Ей угодными. Постараемся быть на радость Ей себе в ущерб, даже если это нам трудно ..."

"Сколько душ обретают свет благодаря вашему рассеянию !

"Будем молиться, будем с любовью принимать всякий крест, будем любить всех наших ближних, без всякого исключения, и друзей, и врагов ... "

"Бог есть любовь. И так как следствие должно походить на причину, все творение живет любовью. Не только для конечной цели, но и для промежуточных целей и для всякого здравого и нормального действия, главная побуждающая сила и основной двигатель — это любовь".

Не вспомнил ли он, когда писал эти строки, знаменитый текст Данте: "Тот, Кто движет всем" (Рай, XXIV. 131) ?

Отец Максимилиан – созерцатель, а вместе с тем и апостол, т.е. – активный человек. Пытаясь осуществить невозможное, он хочет при немецкой оккупации возобновить издание своего любимого журнала. После бесконечных хлопот он наконец добивается необходимых разрешений. Вышел в свет только один номер на праздник Непорочного Зачатия 1940 г. В нем Отец Максимилиан напечатал свою последнюю статью. Он писал в ней:

"Если добро заключается в любви к Богу и во всем, что исходит из любви, то зло по своей сущности есть отрицание любви ..."

Вот где подлинный конфликт и *та* война, которую *он* ведет. Дальше и выше борющихся армий, развязанных страстей, массовых жертв и лагерей смерти, в глубине каждой души присутствуют эти два непримиримых противника: добро и зло, грех и любовь. И чего стоят победы на поле битвы, если мы терпим поражение внутри себя ?

Отец Максимилиан готовится к своему последнему бою: в Любви, во имя Любви и за Любовь.

XV

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

В своей последней статье он писал еще о том, что никто на свете не может изменить истину, и настаивал: "Мы можем и должны искать ее, найти ее и служить ей".

Здесь им указана решающая точка. Конфликт, раздирающий современный мир, сводится, действительно, к кризису Истины. Все реформаторы хотели бы ее изменить, между тем как дело просто в том, чтобы ее *признать* такой, какая она есть, служить ей и любить ее.

К тому же и сатана назван, ведь, "отцом лжи"...

Отец Максимилиан ждет. Уже давно он знает, что не переживет этой войны. "Испытание кровью", столько раз предсказанное им при бесчисленных свидетелях, — оно пришло. Он прекрасно знает, что вооруженный конфликт выражает — но и маскирует — другой конфликт, неизмеримо более серьезный, раздирающий сердце человеческое, где и змеи копошатся, и отражается небо, и где тайный источник всякой войны. По слову апостола Павла, война наша не против плоти, не против одних материальных сил.

Учитель показал, каким оружием надо бороться. А ученик разве больше Учителя ?

Страстотерпчество продолжается. Отец Максимилиан сказал однажды: "Предельная покинутость в предсмертном борении была увенчанием всего дела Иисуса Христа". К такой же победе он стремится всей своей пламенной душой.

Поэтому нет смысла искать непосредственных причин ареста Отца Максимилиана. Писали об этом много, теряясь в хитроумных предположениях. В Польше нацисты не затрудняли свою совесть попытками оправдать свои действия. В своих методах постепенного истребления они руководствовались одним главным принципом: ликвидации подлежали отборные слои населения, руководители. А Отец Максимилиан, очевидно, принадлежал к прирожденным руководителям, крайне нежелательным. Его судьба была предопределена.

17 февраля 1941 г. черная автомашина остановилась у ворот монастыря. Эмблема Гестапо была слишком известна, и один из Братьев побежал предупредить Отца игумена.

— Правда ? — сказал тот, и в его голосе прозвучало что-то вроде тревоги. Но он сразу же взял себя в руки:

— Хорошо, дитя мое, я иду. Мария !

И он пошел им навстречу.

Вот они лицом к лицу: хилый монах, тело которого измождено болезнью и лишениями, и пять откормленных краснощеких полицейских.

— Хвала Господу нашему Иисусу Христу, — сказал он им вежливо, по польскому обычаю.

Они не удостоили его ответом.

— Это ты — Максимилиан Кольбе ? — рявкнул

один из них.

— Да, я.

— Тогда иди за нами.

Его арестовали с четырьмя другими Отцами, из которых только двое остались в живых.

Прежде чем войти в черную машину, похожую на катафалк, Отец Максимилиан в последний раз окинул взором поместье Пренепорочной и свою дорогую паству, мучительно теснимую и безутешную. Внутренне он благословил их и препоручил Божией Матери.

Машина тронулась. Он отлично знал, что больше не вернется.

Сначала их отвезли в Варшаву и заключили в страшную Павякскую тюрьму, от одного имени которой кровь леденела в жилах у поляков.

Это было самое тяжелое время. Перед вторжением в Россию немцы "чистили тыл". Тысячи поляков расстреливались каждый день. Смертным приговорам был потерян счет.

Отец Максимилиан оказался в камере № 103. Не прошло и часа, как он покори́л в ней все сердца. Его товарищи по заключению, некоторые из которых были изнурены ужасающими пытками, изливали ему свою душу, он их исповедовал, молился за них и с ними, обращаясь с ними "как нежная мать со своими детьми".

Однажды был произведен осмотр. При виде монашеского одеяния "шарфюрер" эсэсовцев пришел в ярость. Глаза его налились кровью, пена выступила на губах, он ухватился за четки, которые Отец Максимилиан носил на поясе, и резко потянул их

к себе:

– Дурак, кретин, мерзкий поп, скажи мне сейчас же – ты в это веришь ?

И он указал ему на висевшее на четках распятие.

– Да, верю, – с силой и с полным спокойствием ответил Отец.

Сильный удар по щеке. Потом другой. Отец скрючился. Во рту у него соленый вкус крови.

– Ну как, все еще веришь ? – захихикал тот.

– О да, и еще как !

Еще удар. И целый град ударов. С ругательствами. Лицо Отца побелело, потом стало лиловым. После каждого удара ему все трудней выпрямляться. Но он стоит на своем.

– Ты и теперь мне скажешь, что еще веришь ?

– Да, верю !

Бешенству эсэсовца нет больше границ. Он бьет изо всех сил, сжав кулаки. Отец падает – тогда он его избивает ногами. На его искаженном злобой лице нет больше ничего человеческого. Видя, наконец, что жертва больше не двигается, он выбегает вон и хлопает дверью.

Едва придя в себя, Отец Максимилиан делает все, что может, чтобы успокоить своих сотоварищей. Его лицо так ужасно опухло, что он с трудом говорит:

– Друзья мои, вам следовало бы радоваться со мной, – ведь это для спасения душ, за Пренепорочную !

Заключенным врачам это происшествие дало возможность добиться отправки Отца Максимилиана

в тюремную больницу, где по крайней мере ему не угрожали новые встречи с неистовым начальником.

Между тем в Непокаланове не теряли времени. Двадцать Братьев предложили себя в заложники, чтобы "заменить" Отца. Но нацисты держатся за свою добычу и отказывают.

Отец может писать им лишь совсем изредка и очень кратко, открытками, которые проходят строгую цензуру. Среди бытовых поручений – "посылайте нам носовые платки и зубные щетки, гражданские костюмы, пищевые посылки, с именами родственников в качестве отправителей" – ему удавалось вставить молниеносные мысли, в которых изливалось его сердце:

"Пренепорочная, Мать любвеобильная, всегда окружала нас Своим милосердием и будет всегда нашей Заступницей ..."

"Зачем вам тревожиться, детки, раз ничего плохого не может с нами случиться без ведома и дозволения Бога и Пренепорочной ?"

"Предоставим себя Ей со все большей целостностью, чтобы Она нас вела, куда и как Ей будет угодно, и чтобы мы могли, выполняя свой долг до конца, спасти любовью *все* души ..."

Так заканчивается его последнее письмо, датированное 12-м мая.

Через несколько дней он оказался в очередном списке отправляемых в Освенцим, – "лагерь смерти", как его называли, и это было, без сомнения, верно.

В Освенциме – "Аушвице", как его называли немцы, – после ужасающих мук приняло смерть бо-

лее пяти миллионов осужденных. "Научно" устроенные крематории дымились день и ночь и особой комиссии было поручено увеличивать их производительность. Методы истребления совершенствовались с каждым годом. Кто переступал через эту ограду, прощался со всякой человеческой надеждой.

О концентрационных лагерях написано много на разных языках, но есть страницы, которые никогда не будут написаны на этой земле. Слова скользят между двумя неопишуемыми безднами, верхней и нижней. Есть сверхприродное начало наверху, но есть и внеприродное начало внизу, и то, что нельзя вместить в человека, не может быть влито в человеческую речь.

Не удивительно, что те, кто вышел живыми из концлагерей, обычно отворачиваются от их описаний. "Нет, это все не то", говорят они. Опыт каждого из них – единственный в своем роде и не совпадает с опытом других. Один и тот же ад прошел сквозь призмы бесчисленных душ. И снова оправдывается глубоко верное изречение: "Получающий получает по своей способности получать". Ад был один и тот же, – как же поверить, что в этой черной бездне некоторые души видели звезды, тогда как мы сами видели только беспросветную тьму? Да, ад был один и тот же, но некоторые сумели использовать его как опорную точку для небывалого подъема. Даже если мы не можем этого понять, поверим им на-слово.

Были несчастные, которые умирали ненавидя, с полной непримиренностью. Эта непримиренность понятна, эта ненависть совершенно естественна.

Были невольные мученики, работники двенадцатого часа, внезапно выросшие благодаря тому, что внутренне согласились стать жертвами. Но были и сознательные жертвы, в умилоствление отдававшие свою кровь каплю за каплей и использовавшие этот рынок крови для стяжания высшего блага.

Конечно, эта страшная каторга совсем не была школой святости и развязывала самые отвратительные инстинкты даже у людей, считавших себя хорошими. Происходили падения, которые в "нормальное" время казались бы невозможными. Вера в природную доброту человека не выдерживала этого предметного урока ! Души обнажались в этом горниле: чудовища, преступники, огромное большинство посредственностей, — но и святые. Благодать не была выключена из этого ада и как подвести итог ее победам ?

Голод, постоянный мучительный голод, терзающий внутренности и не дающий спать. Холод, заставляющий дрожать днем и ночью. Бесперывные издевательства, систематическое попираие человеческого достоинства, преступления, которым больше нет числа — все они входят в тщательно разработанную программу. Прежде чем убить жертву, ее надо было уничтожить морально.

Среди париев священники составляют предпоследний разряд, непосредственно перед евреями. Их постоянно обзывают "свинскими попами", дают им самые тяжелые нагрузки, то и дело сопровождаемые ударами хлыста. Униженные, превращенные в обломки самих себя, преследуемые, как дикие звери, некой таинственной ненавистью — *ненавистью к свя-*

щеннику, — они свидетельствуют своей жизнью, сами того не желая, а иногда и не сознавая, и их изуродованные опухшие лица становятся напоминанием об оплеванном Лике Христа.

Отец Максимилиан *хочет. И знает.* В этом аду он один из тех очень немногих, которые совершенно свободны, потому что его воля уже давно не отделена ничем от воли Божией. Как святой апостол Андрей, как Ассизский Бедняк, он приветствует свой крест, как прекрасную невесту, — "О благой крест !" — и готовится к брачному пиру.

Он зачислен в команду "Бабице", самую страшную, которой распоряжается "кровавый" Кротт. К Отцу Максимилиану это чудовище преисполнилось беспощадной ненавистью. Вместе со своими товарищами он должен носить толстые стволы деревьев и должен делать это "бегом", а когда он падает под непосильным бременем, удары каждый раз сыпятся на его изможденную спину. Жалеющим его товарищам, которые хотели бы ему помочь, он неизменно отвечает:

— Не надо, отойдите, вы можете получить то же самое. Пренепорочная помогает мне, я выдержу !

То был истинно "крестный путь" и он продолжался две недели.

Однажды Кротт заметил, что Отец Максимилиан еле идет, и воспользовался этим, чтобы "развлечься". Он сам выбрал несколько самых толстых стволов, сам взвалил их на плечи священнику и скомандовал:

— Бегом !

Отец сделал несколько шагов, пошатнулся и

упал.

Тогда Кротт ринулся к нему, стал избивать его ногами, в пах, по лицу (попадать в цель он умел) и заорал:

– Не хочешь работать, тунеядец ? погоди, я тебе покажу, что такое работа !

В обеденный перерыв он его вызывает, приказывает ему лечь на бревно и вызывает самого дюжего из своих палачей, который наносит ему 50 ударов.

Отец остается лежать без движения. Тогда Кротт, сочтя его мертвым, сталкивает его в яму и набрасывает на него сухих веток.

Все эти подробности мы знаем от очевидца, аббата Шведы, одного из немногих, вышедших живыми из Освенцима.

Товарищи бедного Отца сжимали кулаки, но не могли ничего сделать. Малейшее выступление с их стороны еще более ухудшило бы его положение. Только вечером, после работы, им удалось подобрать его, превращенного в окровавленный кусок мяса. На следующий день его все же освободили от работы.

В больнице, внушающей страх, где больные мрут как мухи, лежа по-трое, по-четверо на одних и тех же нарах, без врачебной помощи, без какого бы то ни было ухода за ними, Отец Максимилиан выбрал самое плохое место, у самого входа:

– Так я вижу умерших, когда их уносят, и могу молиться за них.

Он вызывает восхищение заключенных санитаров и всех своих сотоварищей. Он часто повторяет:

– За Иисуса Христа я готов страдать еще гораздо больше ! Пренепорочная со мной, Она мне помогает.

Однажды санитар украдкой принес ему вечером стакан чаю – предел мечтаний больных изнемогавших в жару.

К его великому удивлению Отец Максимилиан отказался наотрез:

– У других этого нет, – сказал он, – так я не хочу для себя исключения.

Несмотря на запрет и на угрозу репрессий, он исповедует людей ночи напролет. Как только темнеет, больные, как могут, тащатся к его нарам и подолгу остаются с ним. По словам оставшегося в живых священника, Отец Максимилиан "прижимал его к своей груди как мать своего ребенка" и тихонько говорил ему в утешение:

– Смотри на Пренепорочную, Она утешительница скорбящих, Она любит нас, слышит нас, помогает нам всем.

В больнице он оставался около двух недель, потом его перевели в инвалидный корпус, где заключенные были освобождены от работ, но получали только половину скудного лагерного пайка. Отец Максимилиан часто отдавал им свой, говоря просто: "Вы более голодны, чем я".

Однажды он сказал молодому товарищу, старавшемуся всеми силами его спасти:

– Нет, дитя мое, я не переживу лагеря. Но ты, вы все, молодые, – да.

В этом аду он все время сохранял невозмутимость духа, веселость и бодрость, поддерживал па-

давших духом, журил "нытиков":

– *Надо* держаться, детки. Вы *должны* выжить. Доверьтесь Божией Матери – Она вам поможет, Она вас спасет ...

Сообщают об этом свидетели, которые действительно остались в живых и не могут вспоминать об этом без слез.

Время от времени он решался читать настоящие лекции на духовные темы полумертвым слушателям, которые были похожи на скелеты. Уцелевшие члены его группы запомнили, как в одно из воскресений он говорил об "отношении Пренепорочной к трем Лицам Пресвятой Троицы" так проникновенно и с таким увлечением, что привел в восхищение даже неверующих.

Несмотря на все усилия его друзей, стало невозможным держать его дольше в инвалидном корпусе. Его перевели в корпус № 14, где его ожидало последнее испытание.

XVI

"С НЕЙ Я ВСЕ МОГУ" ВЫСШЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО "ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ"

Конец июля 1941 г. В корпусе № 14, где находится Отец Максимилиан, нехватает одного человека.

Новый побег ! Каторжане с ужасом вспоминают угрозу начальника лагеря, Фритша, — что за каждого беглеца двадцать человек из его корпуса будут осуждены на *голодную* смерть.

Никто в бараке не спит в эту ночь. Смертельный ужас овладевает несчастными, хотя они уже свыклись с утонченнейшими пытками и нередко желали смерти как избавления.

Пусть смерть, но не *эта* смерть, самая ужасная из всех ! Расстрел, воинская смерть не пугает смелых людей, готовых и к виселице идти без дрожи; но умирать постепенно в течение многих дней, в невыразимых мучениях, иссушающих внутренности, наполняющих жилы огнем, доводящих до безумия, — от одной мысли об этом у них стынет кровь и несказанный ужас охватывает их.

По лагерю ходят ужасающие рассказы о том,

что происходит в "Корпусе Смерти". По ночам у этого страшного места иногда слышен вой, похожий на вой диких зверей. Говорят, что у осужденных на голодную смерть не остается ничего человеческого и сами тюремщики пугаются их ... Дело ведь не только в мучении *голодом*, но и в мучении *жаждой*. Ганди пил во время своих знаменитых голодовок ! Умереть от голода, когда можно пить, не так уж тяжело: несказанное мучение — от жажды.

Каждый терзается вопросом: "А если я ?" Герои Сопrotивления плачут, как малые дети.

Совсем молодому юноше, который дрожит рядом с ним, Отец Максимилиан говорит вполголоса:

— Бедный мальчик, ты так боишься ? Не бойся, смерть не страшна.

*

Утром, на перекличке, начальник лагеря объявил, что беглеца не нашли. И затем скомандовал всем разойтись, кроме корпуса № 14.

Они стоят под палящим солнцем. Проходят часы. Давать им пить запрещено строжайше. Эсэсовцы присматривают за ними и для "восстановления порядка" бьют прикладами. Время от времени то один, то другой из заключенных падает. Когда удары больше не помогают и несчастные, потеряв сознание, не чувствуют больше ничего, палачи выволакивают их из рядов и вперемешку бросают одних на других. Страшная куча растет с каждым часом. Лица тех, которые держатся, опухли от жары и стали неузнаваемыми.

Отец Максимилиан – больной человек, двадцать раз приговоренный врачами к смерти, – не теряет сознания, не падает. Как Божия Матерь у креста, он *стоит*.

Он ведь и говорил тысячу раз: "С Ней я *все могу* !" Пришел час доказать это. Под немилосердным июльским солнцем постепенно созревает его решение.

Часы проходят.

Около трех часов пополудни им дают передышку в полчаса и разрешают съесть суп. Это их последняя еда. Потом их снова выстраивают до вечера, в ожидании приговора.

"Лагерфюрер" Фритш любит поступать эффектно. Он очень доволен своим педагогическим чутьем. Какой прекрасный случай показать пример ! Как умелый укротитель зверей, он ждет благоприятного мгновения. Настает час вечерней переключки. На огромном вытоптанном поле, заключенные, вернувшись с работы, выстраиваются, каждый корпус отдельно. Все взоры устремлены на подвергаемых казни товарищей, бесчисленные губы шевелятся в неслышной молитве. Ужас почти осязаемо пробегает по рядам.

"Лагерфюрер" Фритш шествует медленно, принимает рапорты.

Вдруг он останавливается перед корпусом № 14. Лицо его похоже на бульдожье. Он видимо упивается ужасом своих жертв. В наступившей тишине кажется, что можно услышать полет мухи.

Наконец он заговорил – точно залаял. Отчеканенные слова одно за другим врываются в мертвен-

ную тишину:

– Беглец не найден. Десятеро из вас умрут вместо него в голодном каземате. В следующий раз осужденных будет двадцать.

Он приближается к первому ряду, всматривается в каждое лицо и, как будто, размышляет. Потом говорит на ломаном польском языке:

– Открой пасть, высунь язык, покажи зубы.

Дрожащая жертва с нелепым видом смотрит на него, как отправляемое на бойню животное, тогда как он, приняв сосредоточенный вид, разглядывает зубы.

Было ли это утонченной систематической жестокостью? Или проверкой здоровья, как на лошадином рынке? Хотел он выбрать самых сильных или самых слабых? В принципе, в немецких лагерях щадили наиболее здоровых. Но Фритш был садистом и действовал только по своему настроению. Ему доставляло удовольствие проходить как ангел смерти среди этих теней.

Наконец он подымает руку и показывает пальцем:

– Этот.

Палитш, его помощник, немедленно вписывает номер в список осужденных.

В Освенциме человек – всего только номер.

Бледный как смерть, осужденный выходит из строя. Среди тишины прерывистое дыхание похоже на стоны.

Фритш продолжает выбирать. Это его забавляет.

– Этот. И этот. И еще вот этот.

Их десять. Десять осужденных на смерть. Один

из них, выходя из строя, вскрикивает:

– Бедная моя жена, бедные дети, я их больше не увижу !

У оставшихся в строю вырываются вздохи облегчения. Только те, кто был в концентрационном лагере, знают, с каким диким упорством человек цепляется за жизнь. А на этот раз сохранение жизни означает, что избегнута самая ужасная смерть.

Палитш, самый страшный из приспешников Фритша, рывкает новую команду:

– Обувь долой !

Заведенный порядок известен: приговоренные к смерти должны идти на казнь *босыми*.

Деревянные сандалии хлопают по земле и этот звук сливается с рыданиями одного из несчастных, того самого, который несколько мгновений тому назад с жалостью вспоминал жену и детей.

Снова команда:

– Налево кругом !

Бесчисленные зрители этой бесчеловечной инсценировки содрогаются: налево находится зловещий корпус № 13 с черной стеной, у которой происходят расстрелы, с виселицами – и с "голодными казематами".

Вдруг происходит нечто совершенно непредвиденное. Один из каторжан протискивается сквозь строй своих ошеломленных товарищей и выходит из рядов.

Как он посмел !

Его голова слегка наклонена в сторону, большие глаза смотрят прямо в лицо оторопевшему Фритшу.

По рядам волною пробегает шопот:

– Это Отец Максимилиан ! Отец Кольбе !

Лагерфюрер хватается за револьвер, отступает на шаг и орет:

– Стой ! Чего хочет от меня эта польская свинья ?

Отец Максимилиан стоит перед ним, совершенно спокойный, почти улыбающийся. Он говорит так тихо, что только ближе всех стоящие товарищи его слышат:

– Я хотел бы умереть вместо одного из этих осужденных.

Фритш ошеломленно смотрит на него. То, что он услышал, настолько превосходит его понимание, что кажется ему сном. Не допускающий никаких возражений, *никогда* не отменяющий своих решений, просто пристреливающий из револьвера каждого непокорного, он словно растерялся под ясным взором, который безотчетно укрощает его и покоряет. В это мгновение повелевает уже Отец Максимилиан.

Лагерфюрер совсем по-глупому спрашивает:

– А зачем ?

Что это – простое любопытство ? Или он хочет выиграть время, чтобы взять себя в руки ?

Отец Максимилиан – отличный психолог. Он знает, что должен облегчить отступление своему палачу. Героическая поза могла бы все испортить. Лучше сослаться на неписанную статью нацистского закона: "Калеки и слабосильные подлежат ликвидации". Он отвечает:

– Я стар и ни к чему не пригоден. Моя жизнь уже не послужит многому ...

– За кого ты хочешь умереть ?

– Вот за этого, – у него жена и дети.

Отец показывает пальцем на только что жаловавшегося человека, сержанта Франциска Гайвоничека.

За исключением стоящих совсем близко, никто из присутствующих на переключке каторжан не слышит этого диалога и не понимает ничего. Их изумлению нет предела. В первый раз они видят, что Фритш разговаривает с заключенным !

Любопытство на этот раз пересилило у Фритша жестокость. Он хочет понять.

– Кто ты такой ?

Ответ звучит кратко и торжественно:

– Католический священник.

Он не сказал "монах". Не сказал "францисканец". Не сказал даже "член Дружины Пренепорочной" (смирение не позволило бы ему сказать "основатель"). Он сказал "священник". Он хочет умереть и умрет *как* священник, *потому что* священник – облеченный самой благодатной властью, какую только может иметь человек на земле: властью давать Тело и Кровь Господа и Его Прощение. Необходимо, чтобы идущие на смерть в своей последней борьбе не были лишены помощи священника.

На мгновение наступило молчание. Что происходило в голове и в сердце кровожадного Фритша ? Чувствовал ли он в тайниках души, как происходящее бесконечно превышало его ? Как бы то ни было, он не решался сказать "нет".

Отец Максимилиан ждет. Без бороды его лицо кажется необычайно юным и прозрачным. Он не

смотрит на своего палача. Он видит гораздо дальше. Заходящее солнце окутывает его в багряницу и золото и кажется, что в этой торжественной тишине он совершает богослужение.

Никогда еще во время переключки молчание не продолжалось так долго.

Наконец Фритш говорит хриплым голосом:

— Хорошо. Ступай с ними.

Ни ругательств, ни оскорблений. И Фритш погружается в молчание.

Губы Отца Максимилиана слегка шевелятся. Он молится. Нельзя сомневаться в том, что и кровожадный Фритш был среди тех, за кого он во всей простоте приносил в жертву свою жизнь.

"Унтерфюрер" Палитш ждал решения с карандашом в руке. Теперь он старательно вычеркивает один номер и вписывает другой: 16670. Это такая простая формальность! Один номер заменяется другим. *А между тем никогда еще человек низведенный на количественный уровень не торжествовал такой победы своим качеством!*

Огненный шар солнца касается горизонта и небо пылает, как потир. Свидетели говорят, что не видали более великолепного заката. Отец Максимилиан — священник и он идет служить свою последнюю обедню, а литургический цвет мучеников — красный.

Снова команда: *Марш!*

Босыми, в рубахах, осужденные медленно направляются к "Корпусу Смерти". Все взоры устремлены им вслед. Отец Максимилиан идет последним, как пастух за стадом.

Они идут и медленно спускается ночь. Теперь они повернулись спиной к солнцу и идут во тьму.

Любознательным туристам в Освенциме гиды всегда показывают "Корпус Смерти", где в несказанных муках агонизировали тысячи жертв. В подземельях находятся страшные "голодные бункеры". Это сырые и темные камеры, в большинство которых свет не проникает ни через одно отверстие. Когда осужденные из корпуса № 14 пришли сюда, в тот памятный июльский вечер 1941 года, более двадцати несчастных умирали в соседних казематах. Толстые стены не могли заглушить их крики, вопли и стоны. Новоприбывшим было приказано раздеться. Цепenea от страха, они повиновались автоматически. Только Отец Максимилиан повиновался в полноте сознания и любви, помня о том, что Христос умер *нагим* на кресте.

Предельное унижение. Перед тем как оставить их умирать ужаснейшей смертью, палачи хотят сломить их окончательно. Вместе с жалкими залатанными лохмотьями, с кровавыми пятнами на многих из них, у жертв должно быть отнято все, что еще осталось у них от человеческого достоинства. Но на этот раз расчет неверен. У этого жалкого стада, которое они загоняют прикладами в подземелье без света, без воздуха, без нар, – у этого полумертвого стада есть пастырь. С ними священник, готовый не только умереть с ними, но и помочь им умереть.

Над черной пропастью закрывается тяжелая дверь. С этого мгновения осужденные не получат больше ни еды, ни питья. Хихикая, один из тюремщиков изрекает немецкую поговорку: "Вы завянете,

как тюльпаны".

Но очень скоро они убедились в том, что на этот раз что-то изменилось. До этого дня из голодных казематов — прообразов ада на земле — слышались вопли обреченных. Только смерть понемногу их успокаивала, но в первые часы и в первые дни после закрытия роковой двери ими овладевало безумие отчаяния.

Но на этот раз — чудо ! — осужденные не воют и не проклинаят. Они поют. И из соседних казематов, где только что раздавались крики и ругательства, им начинают отвечать слабые голоса. Место казни становится церковью и камера с камерой перекликаются молитвами и песнопениями.

Тюремщики переглядываются с недоумением и говорят: "Такого мы еще не видали".

Некоторые авторы пытались восполнить своим воображением тайну запертой камеры, придумывали замечательные диалоги и необычайные поступки, в которых выступать героем должен был, конечно, Отец Максимилиан. Но надо уважать молчание. Не будем гадать о том, что одному Богу известно и что Он нам откроет в Свой день. И будем уверены, что действительность была прекраснее всего того, что может придумать наша недалекая фантазия. Бывают мгновения, когда остается только замолкнуть и преклонить колена.

Итак, казематы стали церковью. С каждым днем голоса становились слабее. О том, что происходило там, мы знаем очень немного. Драгоценно свидетельство одного из заключенных, Борговеца, на которого была возложена обязанность выносить трупы

(сами эсэсовцы не решались проникать в эти зачумленные места, которые никогда не проветривались и где не было стока для нечистот). Приходя каждый день за мертвецами, он неизменно заставлял Отца Максимилиана или на коленях, или стоящим посреди каземата и громко молящимся, "даже когда все остальные лежали, как обломки". Стоявшие в дверях эсэсовцы смотрели за ним, и он не мог говорить с осужденными. В первые дни, – говорится в этом свидетельстве, – они бывали иногда "так погружены в молитву", что не слышали, как открывалась дверь, и только окрики эсэсовцев заставляли их встрепенуться. Позже некоторые с плачем просили воды, но Отец Максимилиан всегда оставался спокойным, не просил ничего и смотрел на палачей "с большой невозмутимостью". Они не были в состоянии выносить этот взгляд и кричали: "Отвернись, не смотри на нас так !" А выходя они говорили:

– Никогда еще мы не видели такого человека, как этот !

Вот еще одна подробность, которая может задеть слишком деликатных читателей, но надо все же научиться хотя бы читать о том, что перестрадали другие: Борговец говорит, что ему полагалось также каждый день выливать парашу, но от этой нагрузки он оказался избавленным, т.к. она была всегда пуста.

*

Проходят дни. Освенцимские заключенные молятся за умирающих. Они организовали наблюдение, чтобы узнавать по крайней мере, когда кто умирает.

Было ли это лишь совпадением, — но один из свидетелей говорит, что "жертва Отца Максимилиана спасла жизнь многим заключенным", т.к. тюремщики, "невольно растрогавшись", стали "бить меньше, чем прежде и не убивали во время работы". Несомненно то, что с осени 1941 г. условия жизни в лагере несколько смягчились, — это известно всем бывшим заключенным Освенцима. Мы попросту отмечаем факт. А причинная связь откроется на Страшном Суде. В каземате смерти Отец Максимилиан молился и за своих палачей, и можно верить, что в некоторых случаях он был услышан.

Дни проходят. Настал канун Успения. В каземате Отца Максимилиана живы уже только четыре человека и из них только он остается в полном сознании. Он уже не стоит и не встает на колени, а только сидит. Одного за другим он отпустил своих немногочисленных пасомых. Трое последних лежат на полу без сознания, готовые предстать перед Богом. Добрый пастырь закончил свою работу. Он имеет право на отдых. Теперь, но и только теперь, он может умереть.

В момент, когда тюремщики входят, чтобы его прикончить, Отец сидит в углу на полу и молится. Увидев шприц, он протягивает свою исхудавшую руку для смертельного укола. Борговец не выдерживает и убегает.

Немного позже на него же возлагается "очистка" каземата. Войдя он находит Отца Максимилиана "все еще сидящим, с головой слегка наклоненной в сторону и прислоненной к стене, с глазами широко открытыми и, словно в восхищении, устремившими

взор в одну точку, с ясным и сияющим лицом".

Другие трупы были грязные, с искаженными и застывшими в судороге лицами, а "его тело было чисто и словно излучало свет".

— Никогда я не забуду впечатления, которое это на меня произвело, — заключает Борговец.

Узнав о смерти Отца Максимилиана, все его со-товарищи оплакивали его, как отца. Они безуспешно попытались добиться для его тела исключения из беспощадного закона: как и все прочие, оно было сожжено в одной из кремационных печей, дымившихся днем и ночью.

"День второго рождения Максимилиана Кольбе: канун Успения" ... Пренепорочная пришла за ним в день, когда Церковь готовилась к одному из Ее самых торжественных праздников. Трудно сомневаться в том, что в руках у Нее были те два венца — белый и красный, — которые Она некогда ему показала.

*

При жизни он любил говорить: "На этой земле мы можем работать только одной рукой, так как другой должны цепляться, чтобы самим не упасть. А на небе будет не так ! Больше не будет никакой опасности поскользнуться и упасть ! Тогда и будем работать еще больше, *обеими руками* !"

Все, кто узнал его и полюбил, знают, что Отец Максимилиан держит свое слово. Никто не призывает его тщетно и Всеблагая Дева слышит его. Его ходатайством получено множество Божиих милост-

ей, многие больные исцелены и многие души ожили. И наш потерявший равновесие мир находит в нем верного вожатого для новых и трудных восхождений.

Ибо только любовь побеждает ненависть и, *чтобы спасти веру в Бога, иногда бывает нужно спасти веру в человека.* В век, изведавший все круги отчаяния, Отец Максимилиан радостно несет свое благовестие беспредельной любви. Он — человек своего времени, поразительно "актуальный" и "наш". Он оказал доверие человеку и его труду, его открытиям и техническому прогрессу, требуя лишь одного: все направить, включить и претворить в единую песнь славы Божией. Человек в высшей степени современный, он не усомнился в Промысле Божиим, умеющем сегодня, как вчера, вписывать свои письмена в извилины истории. Он безраздельно верил в торжество Того, Который не бывает побежден никогда и царит с высоты Креста.

В чем тайна Отца Максимилиана Кольбе ? Он сказал это сам: *в Той, через Которую нисходит к нам всякая благодать.* И еще больше чем своими словами, всей своей жизнью и смертью он вслед за собой влечет нас к Ней. Чтобы следовать за ним по восходящему пути, достаточно с безграничным упованием предать себя в Ее руки, источающие благодать, и подниматься шаг за шагом по крутой "белой лестнице", ведущей только к Богу. Труден лишь первый шаг.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

НЕПОКАЛАНОВ В 1971 ГОДУ

В 1945 г. Непокаланов был бомбардирован советской авиацией. Часть монастырских зданий была занята нацистами, устроившими поблизости авиационное поле. Во время бомбежек семь Братьев были убиты. Сразу после войны духовные сыны Отца Максимилиана попытались возобновить издание синего журнальчика. Тираж немедленно дошел до 250.000 экземпляров. Непокаланов получил также разрешение на изготовление и продажу предметов культа, напр., на чеканку образков Божией Матери.

После 1950 г. народно-демократическое правительство Польши конфисковало не отобранные в свое время немцами линотипы, ротационные и другие машины и типографское оборудование, а также отменило разрешение на изготовление "предметов культа". Начиная с этого момента, о судьбе и дальнейшем существовании сынов Отца Максимилиана стал заботиться весь польский народ. Благодаря разрешению, полученному до общего запрета строить здания, предназначенные для культа, из развалин вырос новый храм, построенный Братьями, которые с тех пор специализируются в церковном искусстве и архитектуре и часто приглашаются польскими епископами на епархиальные совещания по этим вопросам.

Теперь, в Непокаланове 15 священников, 180 Братьев и 120 семинаристов. Для поступления в послушники требуется законченное среднее образование. Братья работают простыми рабочими, кустарями, квалифицированными рабочими (часовщиками), исчезновение же возможности апостольства через печать побудило их сосредоточиться на *духовной основе всякого апостольства*. Непокаланов – "где чувствуется присутствие и покровительство Отца Максимилиана Кольбе" – стал священным очагом духовной жизни. Паломничества, говения, дни молитв и созерцания, проповеди и беседы на духовные темы чередуются здесь без перерыва. Кардинал Вышинский называет Непокаланов "польским Назаретом". Благоговейно сохраненная келия Отца Максимилиана стала высоко-благодатным местом, где совершаются многочисленные обращения.

В Японии дело Отца Максимилиана развилось замечательно. Вот несколько цифр: 12 монастырей посвятили себя пастырскому служению, существует 6 приходов, 55 Отцов японской национальности (польских Отцов только 5), всего – вместе с Братями – 103 монаха. Японский журнал *Сеибо но Киши*, привлекательно оформленный, достигает тиража в 750.000 экземпляров. Это самый значительный католический журнал в Японии. Японские монахи создали свои отделы в Корее, в Бразилии, на острове Кагошима. Память об Отце Максимилиане свято хранится, и все его духовные сыны свидетельствуют об изумительной осязаемости и действенности его покровительства. Женская ветвь Ордена насчитывает около сотни монахинь; почти все они японки.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

БЕАТИФИКАЦИЯ¹ О. КОЛЬБЕ 17 ОКТ. 1971 Г.

"К уже многочисленным и разнообразным горестям человеческого состояния наше время добавляет новые и среди них муки заключенных в концлагерях. Для каждого положения в жизни нам даны святые как образцы. Можно было бы сослаться на далекий пример пап, епископов и исповедников, осужденных на каторжные работы в рудниках в первые века Церкви. Однако современный пример более близок тем, кто пережил, переживает или еще будет переживать ужас этих лагерей. Отец Максимилиан Кольбе, умерший с величайшим мужеством и жертвенностью в ужасных условиях нацистского лагеря в Освенциме, был бы должным образцом ... У концлагерников был бы тогда вполне свой святой!" (25 января 1953 г.)

*Б. де Солаж, ректор Тулузского Католического Института, быв. концлагерник.
(Из письма, направленного св. Отцу с просьбой о беатификации отца Максимилиана.)*

17 ОКТЯБРЯ 1971 Г. ПРИ ОГРОМНОМ СТЕЧЕНИИ ВЕРУЮЩИХ В СОБОРЕ СВ. ПЕТРА ПАПА ПАВЕЛ VI ПРИЧИСЛИЛ О. МАКСИМИЛИАНА К ЛИКУ БЛАЖЕННЫХ. ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЧЕ МАКСИМИЛИАНЕ, МОЛИ БОГА О НАС.

Закончим словами, обращенными кардиналом Вышинским к польскому народу в пастырском послании накануне причисления о. Кольбе к лику блаженных. Подчеркнув, что беатификация "является наиболее осязательным свидетельством о тысячетлетнем присутствии Польши в лоне Вселенской Церкви и о приобщении ее к христианской культуре", примас Польши пишет, что "героический пример святости и пастырской жертвы о. Кольбе, добровольно пошедшего на голодную смерть в нацистский бункер для спасения жизни одного из заключенных, указывает путь подлинного послесоборного обновления. Благодаря о. Кольбе польская Церковь уже тогда претворила в жизнь учение II Ватиканского Собора, показывая всему миру, как осознавало свои обязанности по отношению к Церкви и к вверенному ему Богом народу польское духовенство. Поистине, на этой земле, где ненависть захватчиков достигла наивысшей степени озверения, в этом лагере, напоминающем видение пророка Иезекииля, покрытом могилами и пеплом крематориев, восторжествовала Любовь, знамение которой до сих пор не утеряно".

¹ В католической Церкви производится предварительное расследование о достоинствах данного лица. Это расследование подобно судебному следствию: выступают эксперты, адвокаты-защитники и обвинители. Специальная комиссия, рассмотрев предложенные ей доводы, тщательно изучает достоверность чудес, совершившихся по молитве к этому человеку, и тогда только решает достоин ли он быть прославляемым как святой (или святая) — с занесе-

нием в календарь, сооружением ему статуй, писанием икон и совершением в честь его литургических молитв и песнопений. Провозглашение человека святым происходит в два этапа: первый — объявление его Блаженным (беатификация); второй — провозглашение его Святым (канонизация).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Ассизский Бедняк: св. Франциск Ассизский (1182 — 1226), основатель ордена францисканцев.

2) Св. Бернар Клервоский (1091 — 1153): основатель знаменитого клервоского монастыря в Бургундии; монах-богослов, давший мистическое направление средневековому богословию.

3) Раймонд Луллий (1235 — 1315): знаменитый испанский мыслитель и мистик, проповедовавший Евангелие среди мусульман. Церковь причислила его к лику блаженных в 1419 г.

4) Ватиканский пленник: после того как итальянские войска заняли папские владения, папы, в знак протеста, не выходили из Ватикана с 1870 г. до тех пор, пока Пий XI не пришел к соглашению с итальянским правительством в 1929 г. (Латеранский договор).

5) Ключарь Царства Небесного: ап. Петр (ср Мф 16,19); то же наименование дается папам как его преемникам.

6) Чудотворная медаль: 27 ноября 1830 г. Пресвятая Богородица явилась монашине Катерине Лабуре общины Сестер Милосердия (140, рю дю Бак, в

Париже). По Ее велению была выгравирована медаль, т.е. иконка с Ее изображением, ставшая источником стольких чудес, что ее прозвали чудотворной.

7) Епископ Боссюе (1627 – 1704): знаменитый французский проповедник и писатель.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	I – XIII
I. Два венца	1
II. Богом посланный аптекарь. Отъезд	6
III. Трудный выбор призвания	10
IV. Урок Рима. Святым не станешь в один день	16
V. Как приобретается мудрость святых	21
VI. Завоевательные планы и беспредельная любовь	37
VII. "Не бывает пророка в отечестве своем ..."	46
VIII. "Данное слово – слово священное"	55
IX. Гродно или тайна чудесных уловов	67
X. Великий художник и его метла. Основание Непокаланова	84
XI. В Непокаланове	93
XII. В стране вишен в цвету	104
XIII. "Смерть стяжается целою жизнью"	121
XIV. Отец Максимилиан ведет "свою" войну	133
XV. Крестный путь	143
XVI. "С Ней я все могу". Высшее свидетель- ство	154
<i>Приложение I.</i> Непокаланов в 1971 г.	168
<i>Приложение II.</i> Беатификация О. Кольбе	170